

ISSN 0131-6656

СМЕНА

№ 13 июль 1983

**ЮНОСТИ
ПРЕКРАСНАЯ ПОРА**

ЗЕМЛЯ МОЯ — СУД

Под таким девизом теперь проходит наш конкурс одного стихотворения. Напоминаем его условия: в конкурсе могут принять участие все, кто пишет стихи (не члены Союза писателей СССР); обязательно указывайте профессию, фамилию, имя, отчество, возраст, домашний адрес; присылать только одно стихотворение; рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премией «Смены».

Михаил КОПТЕВ,
педагог,
г. Киров

Москва малая

В Верхотурском районе Кировской области есть деревня Москва, а также другие селения — тежки крупных горных России.

Погас закат. Кудесник-вечер
Зажет огни в домах Москвы.
С березок-свечек легкий ветер
Сдувает искорки листвы.
Был тот первопроходец древний
Не без чудинки: в вековой
Тайге поставив дом, деревню
Назвал не как-нибудь — Москвой!
Соседи тоже не отстали,
И вот, вгрызаясь в глухомань,
Вокруг Москвы селенья встали:
Тюмень, и Питер, и Казань.
В базарный день скрипели дроги,
Пыль закрывала синеву,
И все окрестные дороги
Стекались в вятскую Москву.
Ну чем, скажите, не столица!
Храпели кони на бегу.
Смоленцев и казанцев лица
Мелькали в праздничном кругу.
Москва — российская деревня
Без пышных храмов и палат.
Рожали женщины издревле
Здесь землепашцев и солдат.
Когда земля запольхала,
Чужой сапог подмял траву,
Всех сыновей Москва послала
Спасать великую Москву.
Без слов, не требуя награду,
Все, до последнего зерна,
Слал Питер брату — Ленинграду,
А сам уж как-нибудь — война...
И где-то в поле деревенском
Или в лесу под шум листвы
Спят под Москвою и Смоленском
Сыны Смоленска и Москвы.
А если кто-то в исступленье
Нам навязать решится бой,
Пусть знает: каждое селенье
У нас становится Москвой.
Столица и поселок дальний —
Все это Родина, страна.
В веселый час и в час печальный
Судьба и жизнь у всех одна.

Александр ДРАТ,
военнослужащий

Бегу опять,
как в детстве, босиком.
Как день рожденья,
новый день встречаю
И обо всем на свете забываю...
Мне каждый поворот тропы знаком.

Ступни мне студит холодок росы.
Я не боюсь
смешным вдруг показаться:
Какое счастье —
так земли касаться,
Какое чудо — пробежать босым!

...Тропинка детства. Середина лета.
Нет, я все тот же,
пусть года прошли.
И манит даль простором света,
Простыми ощущениями земли!

Сергей СОРОКИН,
судостроитель,
Ленинград

Со мной живут луга и сосны
того далекого села,
где в мир таинственный
и пестрый
изба отцовская вросла.
Где, пробудясь на сеновале,
я ощущал —
в который раз! —
как свет сквозь щели прибывает,
работы приближая час.
Где тропка росная мелькает,
бежит, лукавая, в овсы.
И зорька утренняя тает
под звон отточенной косы.
Где пахнет клевером и мятой...
И, глядя ввысь на журавлей,
несут влюбленные девчата
усталость светлую с полей.
...И счастлив я опять услышать,
в простор мечтательно взглядысь,
как дождик прыгает по крышам
и с легким стоном
травы дышат,
с землей удерживая связь.

Николай МИРОНОВ,
моторист,
Апатиты

Первая получка

Прогнулись ветхие ступеньки,
Солидно скрипнув подо мной...
Впервые трудовые деньги,
Волнуясь, я принес домой,
Где брат с сестренкой исхудалой
За стол не сели без меня,
Где мама папу вспоминала,
Войну недавнюю кляня.
На полках в доме —

пусто-пусто.
И не отцовским табаком —
В нем пахло квашеной капустой,
Картошкой, дымом, холодком.
Стоял я, глядя на заплаты,
И все никак не мог понять:
Я отдал первую зарплату,
Так почему же плачет мать?!

Игорь ИВАНЧЕНКО,
инженер,
г. Юрга
Кемеровской области

К берегу приду чуть свет.
Словно нимб на старой фреске.
Еле теплится рассвет.
Лодка.

Тихих весел всплески.
Остров. Густо пахнет хмель.
На востоке звезды тают.
Лодку вытащу на мель,
Цепь на камень намотаю.
Сквозь кусты и тишину,
К запахам и звукам чуток,
Выйду к озеру, спугну
Стаю задремавших уток.
Всхлипнет сонная вода,
Птиц взметнув, да на мгновенье
Непогасшая звезда
Призатмится легкой тенью.
Да еще вскипит вода,
Как от дробы или града,
В то мгновение, когда
Ляжет веером привада.
Летом ночи коротки —
Озера проявлен снимок.
Замирают поплавки
Между пятнами кувшинок.
Лес.
В осоке берега.
И вода в наплывах тины...
Как же сердцу дорога
Эта русская картина!

Александр БРОН,
журналист,
Брянск

Призыв сорок первого года

Последнее мамино слово,
Прощальная стопка вина...
И в путь!

Восточнее Львова
Гремит жерновами война.
Мелькают стога

и опушки,
Такие родные места...
Над окнами каждой теплушки
Поставлена в небе звезда.
Легчает в дороге нестрашной
Припас вещевого мешка.
А там...

Говорят, в рукопашной
Тонка у фашиста кишка.
Крути,

новобранец, портянки,
Смешные обиды прости,
Тебе через сутки
под танки

По мокрому полю ползти.
— Ура!

Или, может,
без крика

В бою,
где смятенье и ад,
Рванешь под машиной блицкрига
Последнюю связку гранат.
Уходит на фронт пополненье,
Свои занимают места
Солдаты

того поколения,
Где выживут трое из ста.
Прощайте!

На юные лица
Неяркая смотрит заря.
У ротного светят в петлице
Малиновых два кубаря.
Истертая скатами глина,
Прижатые к ней облака.
Дорога...

Кому до Берлина,
Кому — до того бугорка.

Машалла МАФТУН,

сварщик,
Баку

Как в детстве,
Тростинку опять оседлаю,
И в светлую сказку мечта унесет,
Не знаю усталости, грусти не знаю,
Когда колыбельную мама поет.

Мне все по плечу. Сохраню эту землю,
В которой родник чудодейственный бьет.
Один он меня напоит. Не за тем ли
Свою колыбельную мама поет?

И солнце появится на небосклоне,
И свет молоком материнским прольет,—
Мир пахнет, как мамы пахнут ладони,
Когда колыбельную мама поет.

Перевел с азербайджанского
Андрей ФИЛИНОВ.

ЬБА МОЯ

Вера СЕМЫШЕВА,
электрик,
Брестская область

С сыном иду своим,
— Что это, мама, дым?
— Нет, мальчуган, туман.
Мало похожи они.
Туман — он из тишины.
Туман — это брат воды.
Если в лесу туман,
Это к грибам...
Страшнее бывает дым,
Он не приходит один.
Дым — это спутник огня.
Дымом пахнет беда.
Если б не этот дым,
Был бы твой дед живым...
Если б тогда не война,
Краше была бы страна.
Видишь, растут города,
Видишь, цветут сады.
Пусть никогда, никогда
Не застилает их дым.

Любовь ГУРКОВА,
филолог,
Харьков

Смотри: на Крым похож сонет.
Неповторимый свет свой сеет.
Веками лучше не сумеет,
Наверное, создать поэт...
В куплете первом высоко,
Как облака, застыла тема.
Она в раздумье пролетела
В строфе второй — над гребнем гор.
Затем три строчки —
Три уступа скал.
Над морем выбиты веками.
Поэт здесь истину искал.
Вот три строки еще бегут волнами —
Тот разговор идет меж нами,
И он продлится на века...

Любовь ОСИПОВА,
работник издательства,
Москва

Золотое солнце
Скрылось за оконцем,
Теплый летний вечер
Сверху все накрыл
Теплым покрывалом.
Только за забором
Пруд в кувшинках звездных
Погасить забыл.

Николай ЗИНОВЬЕВ,
штукатур-маляр,
г. Кореновск
Краснодарского края

Возьми в дорогу шум берез,
Возьми, не позабудь.
Пьянящий грохот майских гроз
Возьми в далекий путь.
Возьми пушинку с тополей
И светлую зарю,
Возьми простор родных степей
И милую свою.
Ты все возьми,
коль в мудрость вник:
Лишь тот достоин брать,
Кто сможет в самый нужный миг
Себя всего отдать.

Геннадий КОРЧАГИН,
машинист,
Магнитогорск

Утонули в росах травы.
День — как лебедя крыло.
Возле песенной дубравы
Пахнет жатвою село.
Хлебный дух в ноздрях щекочет,
Я иду под сень лесов,
Солнце радостно хохочет
Сотней птичьих голосов.
Ток веселый за причалом,
А за Чертовой горой —
Луг в наряде светло-алом,
Речка в кофте голубой.

Руслан МАГУЛА,
шофер,
Камчатка,
с. Соболево

Цветок

Во сне я видел, будто наяву:
Буденовка упала на траву,
А возле, на рубеже огня,
Боец упал с горячего коня,
И в полуметре от него,
Упала сабля острая его,
А в той траве,
под дымной синевою,
Цветок качался тихо полевой.
Он, кажется, настроен был цвести.
Уж ты, боец, прости его, прости...

Павел ХИДЖАКАДЗЕ,
журналист,
Одесса

Уходит судно в синеву простора,
Прощально обогнув родной маяк.
Порт за кормой,
по носу — только море
И горизонт, не тающий никак.
Уходит судно с человеческой грустью,
С печалью удаляясь от земли.
И океаны и чужие устья
Его увидят в сумрачной дали.
А дома будут судно ждять весною
Сердца, не забывая ни на день.
И солнце, как улыбку,
вдруг раскроет
Душистую одесскую сирень.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 13 (1347) ИЮЛЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
учащаяся
Театрального
художественно-
технического
училища
Наталья
МАЛЫШЕВА.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

- 1 Конкурс одного стихотворения «ЗЕМЛЯ МОЯ — СУДЬБА МОЯ».
- 2 ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС: СОЮЗ ТРУДА И НАУКИ, ЧЕЛОВЕКА И МАШИНЫ.
- 7 А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 8 Рассказ Адели АЛЕКСЕЕВОЙ «ВОТ ПОЗВОНИТ АННА СЕРГЕЕВНА».
- 10 Стихи Емилиана БУКОВА.
- 11 Лев ЮЩЕНКО. «НА ОГНЕННОЙ ДУГЕ».
- 16 СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ. Владимир КУЧМИЙ. «ДВА КОЛЕСА И НОГИ...»
- 19 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 20 «КИНОЗВЕЗДЫ С ЗООБАЗЫ». Фоторепортаж Марии БОГДАНОВОЙ, Игоря ГНЕВАШЕВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 23 «ПОМОЩЬ ПРИДЕТ». Отклики читателей на очерк Клары СКОПИНОЙ «СПЕШИ НА ПОМОЩЬ».
- 24 «МЕРИДИАНЫ ДОБРЫХ ВСТРЕЧ».
- 25 Альберт ЛИХАНОВ. «ИНФАРКТ МИОКАРДА, ИЛИ ПОВЕСТЬ ОБ ИСПЕПЕЛЯЮЩЕЙ РОДИТЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ».
- 28 Политический детектив Леонида МЛЕЧИНА «ПРОЕКТ «ВАЛЬХАЛЛА».
- 30 «СИЛЬНЫЕ ДУХОМ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СЯУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор А. В. Исаева.

ТЕХНИЧЕСКИЙ П СОЮЗ ТРУДА И НАУКИ

«Поистине революционные возможности открывают создание и внедрение... промышленных роботов. Они должны получить самое широкое применение», — отмечалось на XXVI съезде партии.

Сегодня по просьбе «Смены» видные советские ученые и специалисты, работающие в области робототехники, рассказывают о путях и проблемах ее развития.

БЕЗЛЮДНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА

И. М. МАКАРОВ,

заместитель министра высшего и среднего специального образования СССР, председатель Научного совета по роботам и робототехническим системам, член-корреспондент АН СССР

Создавать роботов люди пытались чуть ли не с античных времен. Но все это не шло дальше игрушек, забав. Во весь рост проблема создания робототехники встала перед человечеством, когда поиски путей комплексной автоматизации производства стали неотложной задачей дня.

Нынешняя демографическая ситуация очень остро ставит проблему наиболее рационального использования трудовых ресурсов. Самый перспективный путь ее решения, несомненно, рост производительности труда. За счет чего? Прежде всего за счет механизации ручного труда. Цель важнейшая.

С другой стороны, в современном производстве существует ряд технологических процессов, где необходимо тысячи раз повторять одну и ту же монотонную операцию. Причем от точности повторения в конце концов зависит качество всей продукции. Человеку не только трудно выполнять подобные операции, он еще попросту и не дает требуемого уровня точности. Выход здесь один — автоматизация: создание и широкое использование робототехнических систем.

Время их уже пришло.

Разумеется, промышленные роботы не могли быть созданы, пока не был достигнут достаточный уровень общего развития техники управления ими и особенно техники вычислительной.

В определенной степени полностью замкнуть цепь автоматизированной технологии позволило появление управляемых манипуляторов, или, как их принято называть, промышленных роботов. В результате появилось новое направление в технологии — создание гибких автоматизированных производств, которое «втянуло» в себя основанные на достижениях электроники и вычислительной техники АСУ САПР, АСУ ТП, управляемые обрабатывающие центры и роботов.

Вспомним. На первом этапе АСУ представляли собой, как правило, информационные системы и давали возможность обрабатывать информацию, необходимую для управления производством. Потом вычислительная техника стала широко использоваться для систем автоматизированного проектирования — САПР. Появились и автоматические системы управления технологическими процессами — АСУ ТП. АСУ САПР и АСУ ТП — по сути дела, это два направления, которые в разных странах получили различное развитие.

Как я уже сказал, соединили всю цепочку автоматизации роботы. Вычислительная техника стала управлять обрабатывающими центрами, роботами, активно помогать в управлении цехами и производствами. Это и позволило вплотную подойти к созданию гибких или, как их еще условно называют, **безлюдных, производств.**

Что это значит — безлюдное производство?

Не следует понимать это так, что речь идет о производстве, в котором совершенно не участвуют люди. Нет. Речь идет о предприятиях, где автоматизировано все — от подготовки производства до склада готовой продукции.

Подобные предприятия уже существуют. Они позволяют в несколько раз сократить число работающих, значительно увеличить производительность труда и качество выпускаемой продукции. Среди оставшихся на предприятии работников приблизительно семьдесят процентов участвуют в сложных сборочных и контрольных операциях. Дело в том, что процесс сборки и контроля автоматизировать наиболее трудно. Если говорить о роботах, то для выполнения этих работ они должны быть более совершенными в своей механической части, уметь реагировать на изменения ситуации, приспосабливаться к изменениям окружающей среды. Правда, такие роботы уже появляются. Когда они станут надежно работать и их будет достаточно для того, чтобы обеспечить ими производство полностью, то на предприятиях, которые мы назвали безлюдными, останется всего несколько работающих человек. Это будут служащие заводоуправления, программисты, операторы, наладчики, работники контрольной службы. Скажу сразу: подобные

При единичном производстве, естественно, нет смысла использовать дорогостоящие роботы. Тем более что управляющие ими ЭВМ стоят еще дороже. Другое дело — крупносерийное производство. Один из путей здесь — расчленение всего процесса сборки на большое число простейших операций, которые, в свою очередь, поручают сравнительно простым роботам. Хотя этот путь может показаться громоздким, экономически он вполне оправдан. Взять, например, Петродворцовый часовой завод. Там на сборке часов используются сравнительно простые точные робототехнические системы, которые позволили поднять производительность труда на сборочных операциях почти в шесть раз.

Это, конечно, хорошие показатели. Но такой подход возможен не всегда. Ведь серийность продукции может быть небольшой, а с изменением номенклатуры могут меняться не только размеры, но и сам вид собираемого изделия. Автоматизировать подобную сборочную операцию гораздо сложнее. Один из путей здесь — создание гибких робототехнических комплексов, составленных из сложных перестраиваемых роботов. Строго говоря, мы еще не до конца представляем себе таящиеся здесь перспективы, хотя подобные комплексы уже создаются.

РОБ ВЧЕРА, СЕГО

предприятия пока весьма дороги. Чтобы быть рентабельными, они должны работать в три смены.

Создание высокоавтоматизированных предприятий выдвигает одно важное требование — надежность техники. По мировым стандартам, наработка на отказ должна быть не менее 8 тысяч часов. Если же поломки будут следовать даже раз в несколько дней, то предприятия вынуждены будут держать целую армию наладчиков, и все преимущества дорогостоящей автоматизации сойдут на нет.

Предприятия такого типа называют еще и «гибкими», потому что они способны переходить с одного вида выпускаемой продукции на другой. Причем делать это быстро и без больших материальных затрат.

«СБОРОЧНЫЕ ЦЕНТРЫ»

Д. Е. ОХОЦИМСКИЙ,

заведующий отделом Института прикладной математики имени М. В. Келдыша, член-корреспондент АН СССР

Существуют различные подходы к автоматизации сборочного процесса, как известно, наиболее трудно ей поддающегося. Учитывать необходимо многие факторы, но прежде всего количество выпускаемых деталей.

Если соединить манипулятор с достаточно развитой управляющей ЭВМ, то можно на одном рабочем месте производить не одну операцию, а собирать целый узел. Появился даже специальный термин — «сборочный центр». «Сборочные центры» способны легче принараиваться к смене изделий, чем поточная линия, и поэтому их использование сулит большие экономические выгоды.

Сопряжение таких центров с развитой вычислительной техникой позволяет производить большое число операций и обеспечить необходимую гибкость в работе. Причем возможна гибкость двух типов. К первому относят возможность переносить такую установку с одного места на другое и использовать ее для работы в различных технологических цепочках. При этом собираемые изделия могут резко отличаться друг от друга — по характеру сборочного процесса.

Второй тип гибкости: в программе машины могут быть заложены возможности, которые позволят роботу не только приспосабливаться к меняющейся номенклатуре, но и в зависимости от складывающихся условий менять свой режим работы. Представим себе, например, что у робота-смежника возникла неисправность. В этом случае другой робот может взять часть сборки на себя. Темп работы, естественно, замедлится. Но и это будет учтено роботом, стоящим дальше в технологической цепи. Или могут возникнуть перебои в снабжении запасными частями, либо другие неточности. В таких случаях робот должен автоматически адаптироваться к меняющейся обстановке. В нашем институте работают над исследованием принципов создания такой техники, и уже получены обнадеживающие результаты.

РОБОТЫ

ЧЕЛОВЕКА И МАШИНЫ

«РЕШАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИОБРЕТАЕТ НЫНЕ ЕДИНАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА. НАС ЖДЕТ ОГРОМНАЯ РАБОТА ПО СОЗДАНИЮ МАШИН, МЕХАНИЗМОВ И ТЕХНОЛОГИЙ КАК СЕГОДНЯШНЕГО, ТАК И ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ. ПРЕДСТОИТ ОСУЩЕСТВИТЬ АВТОМАТИЗАЦИЮ ПРОИЗВОДСТВА, ОБЕСПЕЧИТЬ ШИРОЧАЙШЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЬЮТЕРОВ И РОБОТОВ, ВНЕДРЕНИЕ ГИБКОЙ ТЕХНОЛОГИИ, ПОЗВОЛЯЮЩЕЙ БЫСТРО И ЭФФЕКТИВНО ПЕРЕСТРАИВАТЬ ПРОИЗВОДСТВО НА ИЗГОТОВЛЕНИЕ НОВОЙ ПРОДУКЦИИ».

Ю. В. АНДРОПОВ,
Генеральный секретарь ЦК КПСС,
Председатель Президиума Верховного Совета СССР

В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Е. П. ПОПОВ,

председатель
научного координационного совета
Минвуза СССР по комплексной проблеме
«Роботы и робототехнические системы»,
член-корреспондент АН СССР

Значение роботов и робототехнических систем очень широко и отнюдь не ограничивается технико-экономической сферой. Под влиянием развития робототехники происходят коренные изменения культуры труда и других видов человеческой деятельности. Иными словами, роботы влекут социальные изменения в нашем обществе.

Наибольшее социальное воздействие робототехники сказывается в тех случаях, когда техника заменяет людей в опасных для жизни и здоровья зонах, в так называемых экстремальных условиях и ситуациях.

Работать в таких условиях должна, если так можно

которую «зашить» программы, позволяющие совершать определенный цикл операций. Теперь, когда машине приходится работать в подводных условиях, в промышленности с ядерными источниками или в шахте, где непредвиденно может меняться обстановка, робот должен распознать изменения, проанализировать их и автоматически принять верное решение, чтобы все-таки выполнить поставленную задачу, несмотря на изменившиеся условия. Естественно, для этого нужны мощные средства обработки информации.

Пока еще роботы не удовлетворяют всем поставленным задачам. Особенно трудно им дается анализ обстановки и принятие нужных решений. Поэтому программируются только отдельные операции, которые им нужно производить. А функцию распознавания обстановки и принятия решений берет на себя оператор, который, скажем, на экране телевизора наблюдает за тем, что делает робот.

Так что в существующих роботах подобного типа применяется, по сути, супервизорное управление. На машину возложено лишь выполнение всех деталей операции по отдельности, и она не «представляет» себе, какую операцию ей придется выполнять в дальнейшем. Указания дает человек, наблюдающий за работой и включающий ту или иную программу.

По мере совершенствования таких роботов можно будет создать робота, автоматически принимающего решения. Чем умнее, толковее будет сам робот, тем легче будет работать человеку. Но для этого требуется дальнейшее развитие вычислительной техники, уменьшение ее объема.

Поиск продолжается. Так, в институте иностранных языков создается диалоговая система, в которой

Видимо, тем, что он, как и человек, имеет две параллельные системы восприятия и описания мира. Во-первых, подобно человеку робот может непосредственно воспринимать окружающий мир теми рецепторами, которыми он снабжен, в частности зрительными, и воздействовать на него. Во-вторых, с помощью вычислительной машины он имеет возможность работать с символической информацией.

Совокупность этих двух систем, по мнению психологов, определяет то, что мы называем мышлением. Вообще-то сколько-нибудь исчерпывающего определения мышления еще не выработано. Мышление определяют как некоторый способ соотносить символическое отображение с теми реалиями, которые нас окружают. Умение представлять себе реалии, когда получен символический текст, — это и есть мышление. Иными словами, когда вы читаете «ваза» или «карандаш», вы совершенно четко себе представляете, что это за предметы и каково их назначение. И вот робот в отличие от вычислительной машины имеет вторую систему общения с миром. С помощью технического зрения или ощущений он может получать информацию об окружающем его мире. У роботов есть и «тело» и «мозг», который может переработать абстрактную информацию. Значит, он может быть отнесен к мыслящим устройствам.

Но это — замыслы. Предстоит решить еще массу проблем, прежде чем мы сможем сказать, что робот обрел некоторый интеллект. Интеллект — это отнюдь не некоторая совокупность умений и знаний. Приведу грубый пример. Библиотека обладает колоссальным запасом знаний. Ну, а каков ее интеллект? Да не выше, чем у табурета. Потому что интеллект — это владение процедурой более высокого уровня, которая позволяет вырабатывать методы решения конкретных задач.

К таким процедурам относится поиск вариантов в лабиринте возможностей. Создание модели той проблемной области, в которой происходит действие. Подражание. И так далее. Таких процедур можно выделить 17—20. Наличие таких процедур и их направленность не на конкретную деятельность, а на порождение конкретной деятельности — это и есть интеллект.

Вернемся к роботу. Если он будет способен к этим процедурам, то он сможет приспосабливаться к решению разных задач, а не будет специализированной машиной, способной делать малое, строго ограниченное число операций.

Возьмем для примера ситуацию. Робот, перед которым стоит задача исследовать подземный коллектор, запутался в кабеле. Что ему делать? Задача поставлена четко: двигаться вперед. Но нужно сначала решить, как ее выполнить. Прежде нужно выпутаться. Как? Для этого двинуться вперед, назад, в сторону? Либо назад и в сторону? Огромное поле вариантов. И если, скажем, для человека поиск единственного необходимого действия не составит труда, то для машины это очень трудная задача. Я привел простой пример. Но подобных ситуаций, когда необходимо решать, как выполнить задачу, может возникнуть десятки.

Не хочу сказать, что в будущем интеллектуальные роботы вообще вытеснят простые, отнюдь нет. Где-то нужны простые, а где-то, например, в исследовании космоса, адаптирующиеся машины, которым заранее нельзя ставить четкие задачи.

Как создавать такие системы? Легко это сделать лишь в фантастических романах, где роботы ходят, думают, ведут борьбу. В практике все выглядит значительно сложнее. Самое главное, как описать тот богатый мир, в котором мы живем? Мы его воспринимаем как некую данность. И в общем-то сегодня неизвестно, в какой форме у человека в голове хранятся знания. Нам более или менее известно, как и какими частями мозга воспринимаются слова. А абстрактные представления, эмоции? Это пока неизвестно.

ОТ ДНЯ ЗАВТРА

выразиться, отдельная семья роботов, отличная от той, которая работает в цехах. В нее входят, скажем, роботы, взявшие на себя тяжелейший и опасный труд водолазов, — устройства исследовательского типа, «подводные маляры», способные быстро очистить дно судна от наростов и покрасить его, роботы, обнаруживающие и устраняющие течь в подводных трубопроводах.

К этой же семье относятся роботы, приспособленные к работе с разноактивными веществами, в условиях большой загазованности, в парах токсичных веществ.

Не остались без внимания угольные разработки, горная промышленность. Здесь ведь тоже и труд тяжелый и опасность велика. Сейчас разрабатываются проекты безлюдной шахтной добычи, при которой под землей будут работать исключительно машины.

Собственно, дистанционно управляемая техника в горных работах не новинка. Еще до появления роботов здесь использовались так называемые копирующие машины, то есть манипуляторы с ручным дистанционным управлением. Но дистанционное управление, позволяя вывести человека из опасной зоны, не освобождает его от тяжелого, чрезвычайно напряженного ручного труда. Ведь все действия, которые совершает робот, человек-оператор должен проделать на задающем органе. Таким образом, основная цель робототехники — освобождение человека от напряженного и утомительного труда — здесь не достигается.

Поэтому сейчас для работы в шахтах и под водой строятся не манипуляторы с дистанционным управлением, а роботы с дистанционным управлением. Такой робот снабжен бортовой вычислительной машиной, в

вычислительная машина, находящаяся в самом роботе, «руководит» манипуляторами, а другая машина, установленная у операторского пульта, фиксирует меняющуюся обстановку и сама вырабатывает за оператора решения или рекомендует те или иные варианты решения.

Вообще-то задача создать действительно интеллектуального робота, способного на отдельных участках работать самостоятельно, становится все актуальнее. Подобные роботы нужны уже сегодня. В первую очередь это связано с тем, что мы начинаем разведку полезных ископаемых на дне океана. Раньше мы не очень активно работали в этом направлении. Теперь положение меняется, а развитие подводной добычи, строительство подводных промышленных сооружений без робототехники невозможны.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Д. А. ПОСПЕЛОВ,
доктор технических наук,
заведующий сектором
Вычислительного центра АН СССР

Мы говорим: «Интеллектуальный робот», «искусственный интеллект». А что это такое? Чем принципиально робот отличается от привычной вычислительной машины?

Второй вопрос. Как соотносить реалии и слова о них? Как соотносить коммуникативную систему роботов с его системой восприятия мира? Скажем, зрительное, звуковое восприятие соотносит с текстом из слов? Здесь тоже огромное поле для исследований.

Третья проблема. Как организовать целесообразное поведение робота? Задача сложна уже в самом начале. Психологи до сих пор не знают, что значит нормальное поведение человека. Нет такого критерия для человека, нет его и для робота.

Создать интеллектуального робота можно только, решив все эти проблемы. Отдельные элементы интеллектуальности уже созданы. Например, роботы снабжаются «чувствительными» элементами. Грубо говоря, они могут осязать. У них есть «глаза», и они могут видеть. Они в ограниченном объеме понимают человеческую речь. Все эти элементы искусственного интеллекта позволяют создавать более эффективно работающие роботы.

Часто спрашивают, когда же именно появятся роботы-интеллектуалы? Прогнозы, как правило, не сбываются, однако я приведу один известный прогноз, в составлении которого участвовали ученые многих стран.

1985 год. Роботы полностью анализируют плоские зрительные сцены. Воспринимают в ограниченном объеме речь и отдельные предложения, а также печатный текст из заданной проблемной области на естественном языке. Планируют свои действия при точном описании исходных данных и целей.

1990 год. Роботы полностью разбирают трехмерные сцены, но цветов еще не различают. Понимают большое число голосовых команд и естественный язык из разных областей.

1995 год. Роботы воспринимают печатный текст в широком объеме (кроме художественной литературы). Полностью ориентируются в пространстве с помощью зрения, слуха и тактильных ощущений.

2000 год. Система ощущений роботов объединена с системой обработки информации. Появление действительно интеллектуальных роботов.

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ

В. А. МЯСНИКОВ,

начальник главного управления
вычислительной техники и систем управления
Государственного комитета по науке и технике,
доктор технических наук, профессор

Работа по созданию роботов и манипуляторов в нашей стране носит плановый характер и ведется по специальной целевой комплексной программе. Конечная цель программы — серийное производство промышленных манипуляторов. В первую очередь она нацелена на сокращение тяжелого ручного труда в таких отраслях, как металлургия, строительство, транспорт и так далее.

Реализация этой программы позволит уже в текущей пятилетке создать 50 новых моделей автоматических манипуляторов, 30 технологических комплексов и 19 автоматических цехов и линий.

В качестве первого опыта по комплексной автоматизации производства можно рассматривать цех Днепропетровского электровозостроительного завода, где в результате широкого применения станков с числовым программным управлением и полностью роботизированных участков удалось высвободить 130 рабочих. Подобные цехи в этой пятилетке будут создаваться десятками.

В целом ГКНТ совместно с Госпланом СССР и АН СССР было поручено разработать комплекс мероприятий, который позволит к концу этой пятилетки произвести около 30 тысяч современных автоматических манипуляторов с программным управлением.

Для сравнения скажу, что, по данным 1978 года, в мире было всего 40 тысяч манипуляторов и роботов. В том числе в Европе — 2,5 тысячи роботов-манипуляторов.

Сейчас к работе над комплексной программой привлечены предприятия 22 министерств, и выполнение всех заданий позволит к концу пятилетки высвободить 50 тысяч рабочих, занятых преимущественно ручным трудом. По нашим оценкам, экономический эффект от внедрения новых разработок составит свыше 13,5 миллиона рублей.

Записал Валентин ЗУБКОВ.

ЗАДВОРКИ ПРОИЗВОДСТВА ИЛИ СОВРЕМЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ?

Технический прогресс поднимает культуру производства, меняет условия труда на всех участках, во всех подразделениях предприятия. Ни одно звено в общей технологической цепочке не должно оставаться в стороне.

Владимир БУДАНОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
Климовского
машиностроительного завода

Как иногда бывает? Установят в цехах самое современное оборудование, станки-автоматы, а вот переносят детали со станка на станок по старинке, то есть вручную. Хорошо еще, если детали легкие...

У нас, правда, использовали кранбалки, но у них есть недостаток — малая производительность. Поэтому рабочие по достоинству оценили новшество: на заводе начали внедрять манипуляторы, способные переносить детали весом до полутора центнеров.

Ручной труд — необязательно труд тяжелый. Есть такая операция: в маленькое бронзовое кольцо нужно запрессовать тонкую втулку. Кажется, несложно, но уж очень утомительно и однообразно. Попробуйте весь день стоять за верстаком и вбивать молотком эти колечки... Здесь уже наши рационализаторы поработали: сконструировали полуавтомат, который сам делает эту операцию.

Что касается механизации и автоматизации ручного труда, то наш завод не раз занимал призовые места по этому показателю. Внедряются станки с числовым программным управлением, новая техника. Только сейчас я хотел бы сказать о другом. Да, в цехах что ни год появляются различные приспособления, механизмы, облегчающие труд рабочего. Но завод — это не одни производственные цехи. На нем много складов, где хранятся изготовленные детали. О них и речь.

Возможно, кому-то эта тема покажется не заслуживающей внимания — склад, он и есть склад, что о нем говорить?

Думаю, в силу такого отношения склады сейчас представляют разительный контраст с механизированным производством. Как правило, это тесные, непригодные для размещения помещений; ящики с деталями здесь таскают вручную. Учет и контроль наладить тут трудно, поэтому детали расходуются без счета, теряются или портятся. Главное же — работа здесь тяжела, неинтересна, непривлекательна для молодежи.

С другой стороны, непроизводительный труд заставляет держать на подсобных работах слишком много людей. У нас на заводе, например, на складских, погрузочно-разгрузочных, транспортных работах занято 730 человек. А рабочие руки можно было бы использовать гораздо рациональнее. Идет реконструкция завода, каждый человек на счету...

Вот какие серьезные проблемы стоят за обыкновенными складами. Причем эта проблема не только хозяйственные. Среди подсобных рабочих велика текучесть, чаще случаются нарушения дисциплины, проступки. Да и влияние комсомола, должен признать, на эту категорию работников незначительно: молодежь и комсомольцев здесь мало. Как заинтересуешь человека примитивной работой?

В прошлой пятилетке завод начал строить механизированные склады.

Культура производства и условия труда в них существенно меняются. Высокие стеллажи (в старых складах они были на уровне человеческого роста, куда дотягиваются руки); чистота и порядок, надежный учет. Ящики с деталями из любого ряда, ячейки достает подъемная машина. А человек работает за пультом управления. Кроме того, механизация одного склада высвобождает 5—6 подсобных рабочих.

Строили склады своими силами. Проекты разрабатывал отдел механизации и автоматизации — самый, пожалуй, молодой отдел завода. В нем лишь трое из двадцати трех человек — уже не молодые специалисты.

Над строительством шефствовал заводская комсомольская организация. Создавали временные бригады, посылали на важнейшие объекты молодых рабочих. За последние три года возвели таким способом восемь новых цеховых складов. А предстоит сделать еще больше. Сумеем ли?

Недавно зашел на склад 11-го цеха. Жалуются мне: штабелеры плохо работают, часто ломаются. Выясняю: штабелеры поставил завод «Киевторгмаш» из опытной партии, предназначенной для торговли. Интенсивной заводской нагрузки не выдерживают...

На этот год запланировано построить три склада. И во всех трех подъемное оборудование будем делать сами. Делать штабелеры у нас экономически не оправдано: завод текстильного машиностроения, как вы понимаете, рассчитан на выпуск совсем другой техники. К тому же и не дело это — устраивать из предприятия «натуральное хозяйство», где производится все что угодно. Но, как сказали мне в отделе механизации и автоматизации, иного выхода нет. Сами не сделаем нужное оборудование — механизация останется лишь в проектах. Если и выделят нам штабелеры, разгрузочные комплексы, то по штуке в год. Поэтому лучше сделать что-то полустарым способом, чем вообще ничего не сделать...

Другая трудность: все, что мы строим, выполняется за счет внутренних резервов — никаких фондов, материалов, металла для складских помещений не выделяется. Так что, когда обсуждался комплексный план механизации на этот год, почти половину пунктов пришлось сразу же вычеркнуть: внедрить их при таком уровне снабжения практически невозможно.

А ведь склад не «задворки» производства — важное звено в общезаводской технологической цепочке, такой же нужный цех, как и любой другой. По крайней мере должен таким быть.

Но, к сожалению, картина пока другая. Склады намного отстают от других цехов по уровню механизации, оснащенности, культуре работы. Новая техника внедряется в них с большим трудом и медленнее. Все это не может не влиять и на основное производство.

Трудно ломать десятилетиями сформированное представление о складах как о чем-то третьесортном, что ли. Сузу даже по прессе: скажите, часто ли встретились в печати статью на эту тему? Правда, помню, был в «Смене» фоторепортаж о современном складе на Горьковском автозаводе. Но ГАЗ — это гигант, у него больше сил и средств. Кроме гигантов, есть сотни средних предприятий, на производственных складах которых трудятся многие тысячи людей...

СРАБОТАНО ТОЧНО,
КАЧЕСТВЕННО,
БЫСТРО!
ЗНАЧИТ —
СТАНОК ПОСЛУШЕН
РУКАМ МАСТЕРА.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАСТЕРА

Технический прогресс — это не только новое оборудование. Творческий поиск на каждом рабочем месте — важнейшее условие его развития. Об этом должны помнить молодые рабочие. Такой работе должны они учиться у лучших мастеров.

Александр РОГИНСКИЙ

Есть занятия человеческие, которые и профессией не назовешь. Рационализаторство, например. И в самом деле, разве это профессия? Разве можно вменить в обязанности думать и изобретать с восьми утра и до пяти вечера?

И все же профессия. Это смею утверждать после знакомства с заслуженным рационализатором УССР Евгением Георгиевичем Чайченко. И есть у этой профессии свои отличительные черты, по которым безошибочно можно узнать в Чайченко именно рационализатора, а не главного механика КСУ-421 треста «Электромонтаж-1» (это не значит, конечно, что Евгений Георгиевич плохой главный механик). У Чайченко явно выражено творческое начало. Он постоянно нацелен на одно — улучшать и улучшать окружающий мир. А поскольку этот мир — машины и механизмы, то, значит, улучшать их.

Есть свои «странности» в этом человеке. Я спросил его, за что и в каком году он был удостоен звания «Заслуженный рационализатор УССР». Он пожал плечами.

— Не помню.
— А в каком году поступили в техникум?

И этого он не помнил. Потом мы сели за стол и высчитали. Оказалось, в вечерний техникум он поступил в 41 год.

Но вот номера подшипников, размеры матриц, какие и где лежат на хоздворе электродвигатели, он помнит великолепно. И то, что касается его работы, в памяти настолько четко зафиксировано, что, наверное, не нужны никакие дополнительные записи и подсказки.

Я ходил с Чайченко по цехам и заметил: он выбирает свой путь. Привыкший постоянно решать задачи «на рациональность действий» (не зря ведь и корень у этого слова и слова «рационализатор» одинаковый), он выбирает самые короткие «тропинки» и ходит только по ним. Станок обходит только с одной стороны.

Он прекрасно помнит свое первое рацпредложение — приспособление для изготовления губок. Тогда он, еще очень молодой рабочий, освободил семь человек одним росчерком пера. И это поразило его: мысль человеческая заменила физический труд. То стучали молотками, орудовали ключами, а тут стали использовать только рычаги. Чертовски просто! Потом он столько всего придумал,

что количество предложений потеряло для него всякий смысл.

Чайченко работает не на человечество, а на конкретных людей, на конкретное производство, где требования устоявшиеся и четко сориентированные.

Я спросил его:
— А если бы вам поручили сконструировать совершенно невиданную машину, у которой бы не было никаких аналогов?

Евгений Георгиевич спокойно ответил:

— Я бы сделал. А почему бы и нет? Нужен только заказ.

Большое количество станков в мастерских КСУ-421 выдуманно и сконструировано Чайченко. Многие из них не знают аналогов в отечественной технике, но сам изобретатель это не афиширует.

— Плохо, конечно, что в таких малых масштабах внедряются мои работы, но не мое это дело заниматься пропагандой. Приезжают к нам — рассказываю, показываю. Попросят выступить — пожалуйста. Но вот писать, пробивать, добиваться, шуметь... Для этого другие способности нужны, и я их, по всей видимости, не имею. Там, где для технического прогресса открыты двери, там движение более интенсивно, — говорит Чайченко. — Возьмите наше управление. Оно проводит уникальные по сложности работы. Как пример, лишь несколько объектов по Киеву: площадь Октябрьской Революции, стадионы — Центральный и «Динамо», филиал Центрального

музея В. И. Ленина, метро, дворец «Украина»... Смонтированы сотни километров кабелей, светильников. Причем иногда приходилось придумывать новые приспособления, которые использовались лишь на одном объекте. Так поднимали прожекторы и кабель на стадионе, используя специальные зажимы, так была создана специальная установка опрессовки наконечников для соединения кабеля. Электромонтажники, строя метро и работая под землей, не имели возможности подключать электрооборудование. Пришлось применять гидравлику, а для этого — заново придумать и сконструировать портативную насосную, способную развивать давление в 400 атмосфер.

— Жизнь, — продолжает Чайченко, — вынуждает нас изобретать, решать качественно новые вопросы. Для рационализатора, «выдумщика», нужен заказ с адресом, заинтересованность и гарантия того, что его детище можно будет применить пусть на одном объекте, но непременно применить. Тогда и голова хорошо думает и результаты неплохие.

До окончания техникума Чайченко был рабочим. Как только получил диплом — стал главным механиком управления. Переход этот совершился незаметно, без каких-либо видимых усилий, осложнений.

Я приехал в Беличи, с трудом найдя среди множества настроенных здесь предприятий мастерские, встретил Чайченко в замасленной спецовке. Он ничем не отличался от остальных рабочих.

— Дело не в должности, — растолковывал он мне, — а в сути ее. Меня, например, хотели взять в экспериментальную группу треста, я отказался. Не люблю (а скорее просто не могу) сидеть за столом и «исполнять». Я все же, наверное, счастливый человек, потому что редко вы найдете рационализатора (да я себя так и не называю), который бы мог так быстро проходить путь от рождения идеи до воплощения ее. В мастерских, которые призваны обеспечивать линии нестандартным оборудованием, блоками, я делаю то, что нужно сегодня. У нас и заказы такие срочные, «на завтра». В этом есть свои преимущества. Мы работаем быстро. И то, что придумалось, что увидел внутри себя, через самое непродолжительное время уже работает. Сравните: даже на крупных предприятиях нужны месяцы, а то и годы, чтобы мечту воплотить в реальность. А у нас недели, дни. Какой же техник от этого откажется!

Мне понравилось, как Чайченко сказал это слово — «техник». Не инженер, не ученый и даже не изобретатель. И это сказано было не в узком (техникум окончил), а в самом широком смысле этого слова: человек, который занимается техникой и техническим прогрессом. Каким-то очень рабочим, я бы даже сказал, работающим было это слово.

Техникум Чайченко стал давно, когда только начал заниматься «большой рационализацией». Он изучал предмет своей деятельности, как резчик по дереву — природу дерева. Насыщение практическими знаниями шло долго. Удивительно: ему в широком масштабе не нужны были теоретические знания. Но, конечно же, насыщение практикой не могло заменить теорию полностью. Потребовалось много «способствующих», как он говорит, знаний. И он поступил в техникум.

— Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь». К рационализатору Чайченко это не подходит. Он учился с жадой и удовольствием. А ведь ему было уже за 40...

Мы идем по цехам. Станки Чайченко удивляют своей простотой, какой-то даже упрощенностью по сравнению с заводскими. Да и быстрее, оказывается, заводские выходят из строя, а вот сконструированные в мастерской служат долго, сделаны на совесть. Получается, Чайченко вместе с помощниками заменил собой целый завод. КБ...

Главный механик не «гонит план», не работает на показатели. Да и сами мастерские какие-то «странные», непривычные на вид. Просторные цехи, много станков, оборудования, а работает всего... 30 человек. Здесь выполняют лишь управленческие заказы. Я еще не видел на заводах такого изобилия техники, ручной труд здесь почти отсутствует, применено все самое передовое. В свое время «добавили» источники энергии. Был резон. Электричество выгодно не всегда. Скажем, для того, чтобы осуществить вертикальное движение, нужна специальная и сложная оснастка. А сжатый воздух позволяет затрачивать минимум технических средств, и эффект намного больше. Широко применяется гидравлика. Есть прогрессивные источники энергии, — значит, можно создавать и прогрессивное оборудование. Из нового — новое.

Все делается удивительно быстро: Чайченко создал свою систему, которая работает безотказно. Идея идет от необходимости, проектная документация составляется им самим и без конструкторских нагромождений и технологического «балласта». И рабочие прекрасно понимают язык изобретателя. Материалы и оборудование находятся под боком. Те станки, которые уже работают,

используются для изготовления новых. Проблем внедрения нет, станок делается по заказу.

Вот так счастливо живет рационализатор Евгений Георгиевич Чайченко. Но ехал-то я, чтобы поговорить с наставником, передающим опыт молодым. Я надеялся встретить учеников, последователей. И не встретил.

— Да, — вздохнул Евгений Георгиевич, — были ученики, а теперь нету. Времена пошли «нерационализаторские». То ли не хотят молодые напрягаться за те же деньги, то ли таланты перевелись... Впрочем, дело, наверное, в другом. Уровень техники сильно повысился — чтобы что-нибудь усовершенствовать, надо знать свое дело досконально. А ритм жизни нынче такой, что не всякий может остановиться и оглянуться, увлечься собственной фантазией. Что говорить о молодых, я вон уже сам почти забросил рационализаторство: объемы растут, нет времени для спокойной и рассудительной работы.

Мы осматривали цех сборки, и я увидел: молодой рабочий что-то делает за станком. Был обед. «Неужели так загружен рабочий день, что нет возможности даже перекусить?» — заинтересовался я.

Оказалось, Сергей Шадров в обеденный перерыв делал для матери прылку. Ничего зорного в этом, конечно, не было. Но я спросил Сергея, а жертвует ли свободным временем он для своей непосредственной работы.

— А это, по-моему, ни к чему, — ответил Сергей.

Тогда я поставил вопрос напрямую: занимается ли он рационализаторством?

Сергей улыбнулся: — У нас за всех все сделал Евгений Георгиевич, больше нечего добавить.

— А пробовал?

— Конечно. Мы с Володей Дороховым (он техникум окончил) всякую мелочевку придумываем.

Потом я узнал, что Сергей много лет занимается цветомузыкой, преуспел в этом деле. Здесь, во вне рабочее время, он истинный рационализатор. А на работе?

— Парень он старательный, — сказал о Сергее Чайченко, — одно время заменял бригадира, неплохо справлялся. Но вот тяги к моему делу нет. Ему приятно и легко здесь работать, потому что создан максимальный производственный комфорт. И кажется ему, что дальше уже нечего усовершенствовать. Я, например, ночью чертежи в уме сочиняю, а вот мои сыновья (один из них учится в политехническом институте, будущий электронщик) спят крепко. Все-таки, наверное, задел мы, отцы, для них крепкий создали.

Заниматься рационализаторским делом сегодня намного труднее, чем вчера. Надо преодолеть не только собственную инерцию, но и служебную. И потом очень плохо это дело стимулируется. А это очень важный показатель. Молодой сталкивается с рядом преград и быстро сдается. Рационализаторство — дело добровольное. Никто не заставляет, никто не гонит в шею.

Мы долго разговаривали об этом — участии молодых в рационализаторском движении. И все время я думал о том, что, по сути, пропадает великолепная школа, созданная Чайченко. Человек каждый день создает что-то новое, облегчает труд другим, а вокруг — пустота. Никто из молодых даже дверь не приоткрывает в его творческую лабораторию. Хотя бы просто поинтересоваться, как и чем живет этот человек.

Евгений Георгиевич искал объяснения этому, и я видел, что он все больше и больше огорчается. Ему вдруг, как показалось мне, и самому стало очевидно: нужна какая-то поддержка. Не было кому передать свое дело, а это всегда тревожит.

Но потом оказалось, что Чайченко все-таки исключение. Я узнал, что положение не столь катастрофично и что в Укрглавэлектромонтаже, в котором он работает, не все молодые так пассивны,

как в мастерских. Об этом свидетельствовала такая цифра: средний возраст рационализаторов и изобретателей главка — 30 лет. Не так уж и плохо. И не такими пассивными оказались молодые. Количество предложений, если и не увеличивается, то, во всяком случае, и не уменьшается. Тревожно другое: резко снизилось качество предложений.

— Понимаете, — сказал мне главный специалист технического отдела Укрглавэлектромонтажа Николай Зубенко, — значительно меньшим стал экономический эффект от предложений. У нас как раньше было? Рабочий, бывало, даже с низким разрядом поправлял инженера-проектировщика. Ведь, как правило, на работу проектировщик попадал прямо со студенческой скамьи. Теперь картина резко изменилась. Проектировщики начали — к этому их вынудила жизнь — согласовывать свои проекты на ранней стадии с монтажными организациями, специализированными институтами. Количество ошибок уменьшилось, проходной балл «в рационализаторы» стал намного выше.

Еще одной важной преградой является планирование от достигнутого. На строительстве Никопольского ферросплавного завода электромонтажники внесли предложение с экономическим эффектом в полтора миллиона рублей. Показатели в том году были отличными. А в следующем главку повысили план. Но таких эффективных предложений уже не было, план оказался не выполнен. Невольно задумаешься — а стоило ли увлекаться рационализацией?

Но вернемся к проблеме снижения качества предложений. Ведь что получается? Раз рабочий не может поправить на стройплощадке инженера-проектировщика, то он или вовсе должен прекратить всякую рационализаторскую деятельность, или начинать усовершенствовать свой труд. А это куда сложнее. Здесь надо быть не только высококвалифицированным специалистом, но и уметь видеть свою профессию гораздо шире, предлагая принципиально новые идеи. А ведь это целая революция. Улучшить проектное решение — одно, а свою профессию — другое. Вот Чайченко создал целый парк принципиально новых станков. Но для того, чтобы их создать, он должен был видеть в целом, какими должны были быть мастерские. А это сложнее, чем улучшить всего один технологический процесс. Всякий ли это сможет?

И стало понятным — нет, не всякий. Тут нужны основательные знания, навыки, умение.

И неспроста сегодня изобретения чаще рождаются в научных и проектных

институтах, а на производстве больше предложений. В институтах и уровне инженерный, и общение с равными, и обилие технической литературы, и возможность проконсультироваться со специалистами разных направлений... А на производстве заедает текучка, времени в обрез, а нередко и поговорить не с кем. У Чайченко консультант и единомышленник — главный инженер управления Перлич. Есть еще несколько специалистов, которые могут помочь. Но, как правило, встречаются эти люди по своим вопросам редко, а сейчас, если мы вспомним признание Чайченко, и вообще текучка заела.

Сегодня рационализатору нужна специальная подготовка.

У нас много проводится разных мероприятий для рационализаторов. Семинары, конкурсы... Но это, смею утверждать, пассивные стимуляторы. В одном случае, информация может быть неинтересной, в другом — несущественным материальное вознаграждение. Между тем многим прежде всего нужно видеть свое изобретение в деле. Есть среди этого племени одержимые и такие, кто может только когда хочет. Вот это «хочет» (поскольку таких большинство) и является камнем преткновения. Не хотят порой потому, что просто трудно, а порой от незнания чего-то, из-за отсутствия помощи. И хорошо, что на предприятиях страны все шире распространяется движение «Рабочей инициативы — инженерную поддержку». Что в комплексных творческих группах, создаваемых для решения насущных производственных проблем, объединяют свои силы, знания и умения рабочие, инженеры, конструкторы, экономисты. Разумеется, не всегда, тем не менее, что путь этот весьма перспективен.

Рационализатору для успешной работы нужно знать многое — например, и юридические вопросы. Но где этому научиться?

На рационализатора надо учить, как учат в музыкальной школе игре на скрипке, а в художественной — рисовать. Трудно представить музыканта, который может хорошо играть по нотам, не зная нотной грамоты. У рационализаторов же это сплошь и рядом. Нужен активный стимулятор. Нужна школа. Она может быть вечерней, на общественных началах. Уроки может вести один человек или группа опытных рационализаторов и педагогов. Суть не в форме, а в действенном содержании. В этой школе должны учиться только способные или подающие надежды, а преподавать — талантливые и обязательно заинтересованные. Такие, как заслуженный рационализатор УССР Евгений Георгиевич Чайченко.

Только за одну пятилетку производительность труда у меня выросла в 3,6 раза. Я выполнил пятилетний план дважды. Как это удалось сделать? Причин несколько. Здесь и комплексные планы, и четкая организация труда, и многое другое. Но в первую очередь такой резкий скачок объясняется тем, что мы перешли на новую технологию шлифования. Как только работа новым методом заладилась у меня, стали переоборудовать станки всем ребятам из бригады. Сейчас производительность труда сильно поднялась у всех.

Часто меня просят рассказать, как я понимаю свою роль, роль рабочего в техническом прогрессе. Как шлифовальщик, я должен постоянно внедрять новую технологию обработки металла, совершенствовать технику, на которой работаю, должен думать уже сегодня о продуктивности труда завтрашнего дня. А для этого необходимо постоянно расширять свой технический кругозор, быть в курсе всего нового, что появляется в нашем деле.

Постоянно совершенствуется технология производственных процессов у нас на предприятии, как и на всех других. В цехах появляются все более производительные станки-автоматы, целые автоматические линии. Не затеряются ли среди этой новейшей техники рабочие-мастера? Что должен, например, делать лично я, чтобы не отстать от времени? Учиться. Потому что в наше время нужны не только практические, но и теоретические знания. Без них невозможно быть в наши дни настоящим мастером своего дела.

Ну, а что касается того, не затеряемся ли мы среди все более совершенной техники... Думаю, что самые производительные и умные автоматы смогут работать без простоев и в полную силу только в том случае, если управлять ими будут мастера с золотыми руками и светлыми головами.

**Анатолий ДОНЧЕНКО,
 Герой Социалистического Труда**

АЧТОУВАС?

**ЯКУТСКИЙ
КОСМОДРОМ**

**ТЭЦ
и огурец**

**КАРТ —
НА СТАРТ**

**Целебная вода
Уренгоя**

ЭКОНОМИКЕ —
ЭКОНОМИЮ

Пакет паркета

Какие отменные паркетные полы настлают в новых домах специалисты Таллинского домостроительного комбината, известно многим новоселам столицы Эстонии. Паркет этот строители делают не сами — получают с фанерно-мебельного комбината. Здесь долго и тщательно изыскивали возможности для экономии сырья. Вроде бы технология давно отработана, но тем не менее бригада Марии Бодровой — одна из лучших в паркетном цехе — нашла возможность проявить хозяйственную инициативу. Дело в том, что при укладке паркета у строителей неизбежно образуются обрезки, которые потом трудно вновь запустить в дело. Да и плита, от которой отрезан кусочек, сама превращается, так сказать, в «отход». Сейчас на комбинате готовят для строителей специальные пакеты из паркетных обрезков разных размеров. И теперь не надо при настилке полов резать без необходимости целую плиту.

Игорь ТОМБУ

ВРЕМЯ
ПОСЛЕ РАБОТЫ

ЗАВОД И ТЕАТР

«Ты что делаешь после смены?» На такой вопрос многие рабочие ташкентского опытно-экспериментального завода производственного объединения «Узглавстройиндустрия» отвечают: «Иду в театр, как всегда». В столице республики немало возможностей провести время после работы интересно и с пользой для себя. Однако в данном случае речь идет о «домашнем», заводском театре — труппе самодеятельных артистов, вот уже многие годы покоряющих своим искусством товарищей по работе.

В репертуаре творческого коллектива — «Женитьба Бальзамина» А. Островского, «Двадцать минут с ангелом» А. Вампилова, «Вспышка у домашнего очага» Ф. Кони, произведения других авторов. А недавно рабочий театр пригласил своих поклонников на вечер водевиля, основу которого составили пьесы А. Чехова «Медведь» и «Предложение».

Александр КОЛЕСОВ

УВЛЕЧЕНИЯ

В команде только девочки

Только девочки выступили в этом году за команду Херсонской области на Всесоюзный пионерский соревнованиях по картингу. Даже механик команды — девочка. Это была первая чисто женская команда за всю историю картинга.

Эксперимент? Нет, строгий расчет. Руководитель секции картинга Херсонской городской станции юных техников Игорь Данилович Калинин во время набора в секцию в сентябре прошлого года девочек принимал так же охотно, как и мальчиков. Делал это, чтобы поднять культуру занятий, имея в виду природную склонность девочек к порядку и аккуратности.

Затем Игорь Данилович обратил внимание: девочки не только аккуратно на своем рабочем месте, но и более старательно учатся, вожделенно карта, более внимательно во время езды, наиболее оптимальным образом составляют трафик гонки.

Так родилась эта команда. В ее составе Тана Шевченко, Вита Полякова (на снимке сидят), Лена Некрасова, Наташа Смирнова.

Анатолий ЛЕЛЬЕВР.
Фото автора

УМЕЛЫЕ РУКИ

«ВОСТОК» НА ВОСТОКЕ

«А что за ракета высылается над крышами домов?» — всегда спрашивают гости у школьного учителя И. Жиркова. На что тот с гордостью отвечает: «Это символ первого в республике музея космонавтики».

Две тысячи экспонатов собрано в поселке Дюля Усть-Алданского района Якутии. Не в одиночку, конечно, собирал их Иван Данилович, а с помощью местных школьников. Между прочим, модель космического корабля «Якутия-2» на V Всесоюзном конкурсе «Космос» завоевала вто-

рое место. «Якутия-2» ездила затем в Мюнхен, на международную выставку технического творчества молодежи.

Четыре раза участвовали здешние юные умельцы во Всесоюзных конкурсах, и всегда успешно. Ведь в музей, который обслуживают восемнадцать экскурсоводов — школьников, ребята приходят не только смотреть, но и работать — в кружке ракетомоделирования.

Владимир БОГДАНОВ.

Фото
Владимира МАШАТИНА

НАУКА ВЕДЕТ ПОИСК

ГИДРООГОРОД

Мы постепенно привыкаем к тому, что в прудах — неслучайно принадлежность пейзажа возле ГРЭС — водятся зеркальные карпы или иная рыба, плавают лебеди... Еще одно применение «даровому» (избыточному) теплу найдено в огородном хозяйстве.

Снаружи — обычная теплица. Однако стеклянные стенки и кровля ее двойные. В промежуток между ними и будет подаваться теплая вода с электростанции. Зимой при любых морозах в этой первой в стране опытно-промышленной гидро теплице сохраняется температура, достаточная для получения высоких урожаев. Летом же в случае нужды охлажденная вода спасет растения от перегрева.

По мнению авторов проекта — ученых Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева Е. Королькова и Б. Карпенко, такая кровельная панель, состоящая из ряда призм, способна собирать лучи солнца, а в полдень их отражать, ликвидируя избыток тепла.

Николай ПЕТРОВ

У НАШИХ ПОДШЕФНЫХ

Еще одна скважина

Однажды геологи производственного объединения по добыче газа имени Оруджева, занимаясь своей обычной работой в районе Новоуренгойского газоконденсатного месторождения, обратили внимание на то, что при разработке так называемых сеноманских отложений вода, поступающая из глубины земли, имеет необычный цвет и вкус.

Анализ присланных образцов в Центральном научно-исследовательском институте курортологии и физиотерапии дал поразительные результаты. Оказывается, под столицей нефтяников и газодобытчиков находятся большие запасы высокоминерализованных, йодо-бромных, боросодержащих, хлоридо-натриевых, слабощелочных минеральных вод.

На большой земле такие воды используются обычно для лечения заболеваний опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой, центральной нервной и некоторых других систем. Конечно, об организации на севере Тюменской области Всесоюзной здравницы говорить еще рановато, но, по оценкам специалистов, разведанных запасов вполне достаточно для создания городского лечебно-оздоровительного центра.

Вячеслав СЕРОВ

ВОТ ПОЗВОНИТ АННА

Адель АЛЕКСЕЕВА

РАССКАЗ

В квартире раздался резкий звонок телефона и следом — трескучий крик: «Урра! Жорра!» Эвелина Викторовна подсаживалась, что телефон не был отключен, и, обогнув широкое кресло, стол, громоздкий комод с бронзовыми часами, протянула руку к телефону. Старинное зеркало в простенке отразило ее крупную фигуру, блестящий серо-лиловый халат, большие голубые глаза, серьезный взгляд из-под очков, матовая кожа...

— Алло! Георгий Павловича? — недовольным глуховатым голосом спросила она. — А кто?

— Меня зовут Анна Сергеевна. А... вы его жена? Простите, ваше имя?

— Эвелина Викторовна.

— Прекрасно! — обрадовалась трубка. — Я хотела бы поговорить с ним.

— Мой муж не совсем здоров. А... по какому делу он вам нужен? — сдержанно-вежливым тоном говорила хозяйка.

Ничуть не смущенная таким тоном, трубка проворковала:

— Мне непременно нужно переговорить с вашим мужем. Это касается его, именно его. — повторила она.

«Какая, однако, — подумала Эвелина Викторовна, — а голос... Играет, переливается... Какой-то фильм напоминает, кажется, «Маугли», там есть пантера Багира...»

Эвелина Викторовна неприятно поджала губы, но тут же придала лицу обычное выражение, так как увидела в зеркале фигуру мужа.

Он стоял в дверях, заслоняя проем, слегка хмурясь и равнодушно спрашивая глазами: «Кто?» Эвелина Викторовна в ответ пожала плечами.

— Позвоните, пожалуйста, в другой раз.

— Я непременно позвоню, — пропела трубка. — Всего, всего доброго!

Положив трубку, жена бросила:

— Какая-то Анна Сергеевна.

— Не знаю, — буркнул Георгий Павлович и, положив руки на дверной косяк, подтянулся пару раз, попутно сделав «уголок». И удалился.

Жена проводила его потаенным взглядом: в синем спортивном костюме, в сванской шапочке, большой, красивый...

В своей комнате он подтянулся вновь несколько раз на шведской стенке и бросил свое тело на диван.

Здесь было просторно, широко. Стеллажи с книгами, шведская стенка, весы, большой письменный стол, стеклянный шкаф, наполненный кубками, выпелами, фигурами из металла. Дары спортивных обществ, организаций — немые свидетели побед, вещественные доказательства славы минувших дней, неистребимое напоминание о прежней жизни.

Хозяин называл свою комнату «моя берлога», «моя обитель». Он любил, вернее, заставил себя полюбить эту комнату.

Здесь он проболел несколько месяцев, здесь читал книги, которые доставала ему Эля. Здесь теперь стоял приобретенный ею станок для работы по серебру.

Один, ночами, когда была бессонница, наблюдал мерцание серебряных кубков. В эти минуты слышался ему гул стадионов, вставала в памяти та оглушающая тишина, когда его дыхание перекрывало дыхание тысяч зрителей... И потом: как «падал» в овации, в аплодисменты... Как поднимался на пьедестал почета и в честь его звучал гимн, усиленный динамиками над всем миром... И фамилия его, зажатая на табло...

Он шел к своей победе годы и годы, был упорен, как вол, силен, как лев. Он превратил себя в механизм из мускулов, подчиненный воле к победе. Ни любви, ни страсти, ни вина, ни слабостей житейских. Он экономил каждое движение, он скручивался в клубок, как змея, а когда бросал копьё, выпрямлялся, вытягивался, становясь как бы продолжением копьё. Ему было подвластно все, даже нервы — вечерами перед соревнованиями он научился расслабляться, «расшнуровывал» психику.

Он шел к своей победе неотвратимо, как технически выверенная ракета, и уже пробивал плотные слои атмосферы. Все называли его будущим чемпионом. И вдруг!... Африканец бросил копьё на десять сантиметров дальше! Тот африканец, которого на предыдущих соревнованиях он даже не брал себе в голову!

И вот уже четыре года ночами он повторяет тот бросок, анализирует каждый жест, движение.

Копьё африканца не просто пролетело дальше, оно сломало ему жизнь, перебило какую-то важную жизненную нить. Он не смог перенести поражения. Был ли подготовлен? Недотренирован? Самоуспокоен? Но почему он не смог начать все сначала? Был самолюбив, как Грушницкий. И чертовски честолюбив.

Он хотел победы не потому, что действовало извечное желание человека вырваться за горизонт, за грань... Он же аскет, красавец, великан. Великаны умеют побеждать, но избави их бог от поражения! От необходимости перестроиться и приспособиться!

Он перечеркнул тогда себя. Бросил все. Георгий Павлович Воскобойников навсегда ушел из спорта. Он сник, желания исчезли, он как бы рухнул в темноту. И воля умерла.

А сердце, печень, легкие — весь организм не хотел смиряться с переходом от сверхнагрузок к бездеятельной жизни. И болезни набросились на него, как липлуты на спящего великана...

Друзья, товарищи? Один звал перейти на тренерскую должность. Воскобойников попробовал — показалось скучно. Были приятели, которые приходили с

бутылкой и ныли: «Жорка, ты же гений! Бедолага!» Чаше других приходил Витька, борец, и тянул душу, говорил жалкие слова, раздражая тем Георгия. Да и другие — тоже.

Он их перечеркнул. Вот тогда-то появилась Эля, Эллис, как называл ее отец. Заботливая, самоотверженная, тихая девушка двадцати семи лет, с вкрадчивыми движениями большого тела, с глухим, как осенний дождь, голосом, с умными глазами под стеклами очков. Появилась она — и исчезла та, другая, врач, лечившая и будоражившая его. Красива, талантлива, требовательна, она горячила, звала куда-то своим чудным голосом, но...

Эля выхаживала его в долгие дни болезни. Она поселила его в квартире своего отца, приучила к протертым кашам, к бульонам без мяса и травам. Она поставила ему и духовную пищу: лучшие музыкальные записи, библиотеку отца, друзей из литературных, журналистских кругов. Другими эти гости не стали, но кто-то втянул Воскобойникова в обменные операции книгами, и кто-то толкал на писание рассказов о спорте... Впрочем, об этом после. А Эля проповедовала: служба не лучший способ зарабатывать деньги. Можно найти занятие дома: шитье, вязание — для женщины. Мужчине?.. Она раздобыла где-то станок для работы по серебру и решила приохотить к этому ремеслу мужа, благо серебра у них много.

Она шептала ему ночами о том, как он красив, умен, что он ее «золотой мальчик», что никто его не понимает, кроме нее, а какие ювелирные изделия он будет делать — все ахнут!

Георгий Павлович пьянел от этих слов — почти как в прежние дни хмельных похвал... А тем временем уже подрастала дочка Танечка, Георгий Павлович гулял с ней каждый день в сопровождении колли по кличке Кармелита. А жизнь была тиха, почти прекрасна.

Все реже звонил в их доме телефон — Эвелина Викторовна старалась всегда первой подойти к телефону, чтобы «не волновать по пустякам Жореньку».

Вот почему так спешила она к телефону и даже причинила про болезнь мужа, так и не дав ему трубку, когда позвонила незнакомая женщина по имени Анна Сергеевна. Игривый голос ее напомнил Эвелине Викторовне ту, врача, у которой лежал Георгий.

Однако незнакомка была настойчива. На следующий день она позвонила вновь. На этот раз возле телефона оказался Георгий.

— Алло-о! — пропела трубка. При этом «л» прозвучало смягченно и длинно, «о» переходило в «е», «ё», «и» — целая гамма тонов! — Будьте добры Георгий Павловича.

Женщина говорила о том, что давно знает знаменитого Воскобойникова, всегда следила за его спортивными успехами, восхищалась им, что удивлена его уходом из спорта и т. д. А он слушал, покоряясь интонациям ее голоса, слушал, слушал... Будто птицу Сирия, будто чудо в его уединенной жизни... Оказалось, одно издательство решило выпустить книгу воспоминаний бывших чемпионов с анализом побед и поражений. Было бы очень славно (она так и сказала — «славно»), если бы крупнейший копьеметатель Воскобойников написал в этой книге...

— Написать? — переспросил Георгий.

Ну нет! У него уже был опыт: поддался какому-то гостю жены, нацарапал рассказ, послал в журналы, и что же? Если бы разругали, если бы похвалили, если бы позвонили!.. Нет, ни звуком не откликнулись — гробовое молчание полгода — и даже не вернули рассказ. Это было его последнее унижение, еще один удар по честолюбию. Хватит! С тех пор он живет в своей «берлоге», и Эля охраняет вход.

Воскобойников нервно повел головой и твердо ответил Анне Сергеевне, что писать не умеет и не будет. Эта странная женщина с голосом сирены спокойно и понятиливо поддакнула ему: да, писать — это ужасно, очень трудно, и как часто берутся за перо бездарности да еще сочиняют. Но совсем иное дело — честный разговор о том, что было, это уже не художественный вымысел, а правда, описание действительного происшествия с анализом ошибок, тут уже иные трудности — суметь быть правдивым перед собой, и это тоже, ох, как трудно!..

— Нет! — глухо ответил он.

— Я все-таки надеюсь, — продолжала Анна Сергеевна, — что это не последний наш разговор. Поймите, это необходимо для тех, кто приходит ныне в спорт. Ваш опыт бесценен, Георгий Павлович. Вы же титан, великан, Голиаф, наконец. — Голос ее перешел на низкие регистры, замедлился, и Георгию Павловичу тоже, как и жене, он напомнил мультфильм «Маугли».

Воскобойников упустил момент, когда надо было еще раз решительно отказать, и опять поддался ее завораживающим интонациям, растянутым в конце слогом, слегка грассирующему «р».

Он не замечал, что в дверях давно уже стояла жена и сдержанно-возмущенно поглядывала на него, ожидая, когда кончится этот разговор. Когда он кончился, жена, не поднимая головы, перекладывала что-то в ящиках комода; не спрашивала, но ждала. Муж, повинаясь выработанному у них правилу, пересказал телефонный разговор. Эвелина Викторовна озабоченно посмотрела на него и заговорила совсем о другом.

— Что-то не нравится мне твой вид, Жоренька. Припухлость в веках какая-то... Надо проверить твои почки, сделать анализы.

— Я тебе говорю про статью, а ты!..

— Про статью? — пожала плечами жена. — Это несерьезно. — Ее голубые глаза на секунду вспыхнули, но она тут же их притушила.

В углу раздался шум, и большой попугай, ударив по клетке несколько раз крыльями, прокричал:

— Урра! Жорра!..

— Замолчи! — оборвал его Георгий Павлович и набросил на клетку тряпку.

...Через пять дней вновь раздался звонок этой странной женщины. Эвелина Викторовна ответила, что мужа нет дома.

А СЕРГЕЕВНА

— Ну, ладненько,— проворковала, ничуть не смутившись, Анна Сергеевна.— Я позвоню еще.

И позвонила. Но заговорила с Воскобойниковым совсем не о том, не о статье, а о вчерашнем чемпионате по боксу.

— Вы не смотрели вчерашнюю передачу по телевизору?— удивилась она. И принялась преспокойно разбирать мастерство Мохамеда Али, его манеру сбивать соперника наглостью.— Но почему все же вы не смотрели?

— Да так как-то...— Не мог же Георгий Павлович признаться, что он вообще не смотрит спортивные передачи, с тех пор как...

— Георгий Павлович!— укоризненно пропела трубка.— Можно ли так?! О вас же ходили легенды... А я-то, признаться, даже думала, что вы еще вернетесь.— Она словно читала его мысли.

— Ради легенды?— усмехнулся он.— Стоит ли?
— Стоит, еще как стоит!— страстно воскликнула женщина.— Может быть, легенда сильнее нас, ведь вы сами ее сотворили. Легенда, молва, судьба... Все это мы творим сами, а потом... это проектирует нашу жизнь.

И он опять поддался неторопливо-нежному и в то же время стремительно-властному тону беседы.

— В вашем голосе столько оптимизма,— невольно отметил он.
— О, не дай вам бог такого пути к оптимизму!— на секунду проскользнула горечь, но тут же она вновь запела лукаво и приветливо о какой-то своей тетушке по имени Ута, Уточка. Потом к ее голосу примешались какие-то тонкие звуки.

— Слышите?— пояснила Анна Сергеевна.— Это стрекочет мой Витька, попу-гайчик.

Он сказал, что у них с Элей тоже есть попугай. Они даже обсудили поведение птиц, воспитание.

— Можно, я позвоню вам как-нибудь просто так, поболтать?— сказала она в конце.

Он был рад. Разговаривать с ней можно было о чем угодно. И как! Она помнила имена всех более или менее крупных спортсменов, их достижения, даже тренеров. Она умела мгновенно настраиваться на его волну, но не поддакивала ему, как Эля, а спорила. И так жизнерадостно, так весело и лукаво, что Георгий готов был и сдаться. Он уже ждал ее звонка и даже подумывал, не написать ли ему воспоминания.

— Звоните, пожалуйста,— говорил он ей в конце разговора и так искренне, что Эвелина Викторовна замирала за дверью.

— Доброго, хорошего, ладненько?— неизменно прощалась Анна Сергеевна. Он спросил однажды, была ли она спортсменкой. В трубке раздался серебристый смех и ответ:

— Ни-ког-да.
— Что же тогда вас заставляет...

— М-м-м...— протянула она капризно.— Мне нравится в них умение пре-одо-ле-вать... Особенно после поражения... Начинать заново жизнь. Легко быть сильным. Если человек долго сильный и все время побеждает, то он становится потом слабым душой, неподвижным. А если он к тому же не умеет быть добрым, тогда совсем плохо... Моя тетушка Ута... Рассказать вам одну ее историю?

— Расскажите,— согласился Воскобойников.
— Представьте себе тридцать третий год. Гитлер пришел к власти. К нам в Союз приехали два брата, члены КИМа, друзья Тельмана, инженеры Роберт и Иоганн. Уточка тогда была комсомолкой. Она познакомилась с Иоганном, и они полюбили друг друга. Этакие коммунистические Ромео и Джульетта... Прекрасное будущее виделось им. Да только... судьба оказалась жестокой.

Несмотря на смысл слов, голос Анны Сергеевны звучал лучезарно. Поддаваясь ему, Георгий приготовился выслушать историю о семейном счастье...

— Он заболел стафилококковой ангиной, которую тогда еще не умели лечить, и умер в три дня. Как раз в день назначенной свадьбы были похороны, кремация. Иоганн завещал брату никогда не бросать Уточку, до конца дней помогать ей... И вот прошло уже пятьдесят лет,— голос окреп,— но Роберт не оставляет ее. Он живет в Горьком, но каждый год приезжает к нам.

— К вам?
— Не-ет, почему же? Ну, конечно, к Уточке. Она немножко больна.— Голос стал как-то кукситься, словно зверек, поварчивать, но снова короткий вздох— глоток оптимизма из невидимого источника— и опять лучезарные звуки.— Так вот Уточка больна, слаба сейчас, но сила ее в доброте!.. В следующий раз я прочту вам, что писал о силе и доброте один древний ученый... Ну не буду вас больше задерживать. Доброго, хорошего, ладненько?

Да, разговоры с Анной Сергеевной становились для Георгия все более ожидаемыми. У этой таинственной женщины, как у хорошего спортсмена, было обостренное чувство партнера. Она не говорила и не спрашивала о его делах-заботах, но как-то так получалось, что она, не спрашивая, отвечала на его вопросы. «Вы же Мастер по Преодолению Трудностей, вернее, можете им быть,— добавляла она как бы между прочим.— Вот было бы славно породить движение в ребятах, движение ваших последователей?» И ему хотелось стать таким мастером.

Георгий Павлович, конечно, чувствовал, что Эвелина недовольна этими долгими беседами. Она даже стала поговаривать о статье, советовать: мол, пусть бы написал. Она отвезла бы ее сама и наконец увидела эту беззастенчивую женщину с голосом пантеры Багиры... Небось, завязная кокетка. Впрочем, и с ней, Элей, эта женщина была не менее приветлива, чем с Георгием, и столь же беззаботно звучал ее голос. Это ставило Эвелину Викторовну в тупик, не давало ей повода для ревности; приходилось тщательно скрывать свои чувства.

Ей удалось уверить мужа, что обладательница необыкновенного голоса— актриса. «Конечно, неудавшаяся актриса»,— поддакивал Георгий жене. И решил прямо спросить об этом Анну Сергеевну.

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

— Я актриса?— изумилась та.— Откуда вы взяли? Скажем так: могла бы быть актрисой, но не стала. А в жизни, где каждому приходится в той или иной мере быть актерами,— да, я актриса! И это, поверьте мне, гораздо труднее.

Воскобойников с облегчением вздохнул. А Анна Сергеевна проворковала горлицей:

— Вы не смотрели по телевизору пьесу Сомерсета Моэма «Театр»? Там великолепно Артмане. Ее героиня прекрасно справляется с игрой на сцене, но в жизни... Джулия Ландерс ничем не защищена, как, впрочем, всякая женщина. Вы не согласны?

Георгий Павлович с напряжением вникал в смысл ее слов. Он вспоминал двух-трех женщин, бывших в его жизни, о жене, но... и уклончиво ответил:

— В жизни театр?.. Может быть...
— А вот моя Ута...— И полился ручейком новый рассказ.— Перед войной она кончила театральное училище и с первых же дней стала ездить на фронт с бригадой артистов. Она пела и играла на аккордеоне, разыгрывала музыкальные сценки вместе со своим мужем Владимиром Невским, кстати, отца его звали Александр Невский, ну это между прочим. Это было через восемь лет после смерти Иоганна... И вот на переходе из одного пункта к другому в их грузовик попала бомба. Дико это, чудовищно, но все погибли, кроме... Уточки. И Владимир тоже... Горе неопишное, но это еще не все... Уточку взяли под следствие, на нее пало подозрение, от которого волосы встали дыбом... Вот где надо было иметь твердость духа! А спустя месяц надо было снова играть и петь на фронтовых подмостках... И она пела и веселила. Знаете, как называют ее близкие? Мاستерицей Дарить Радость. Вам нравится это?

— А мне кажется, вы и есть Мастерица Дарить Радость,— нашелся Георгий Павлович.

— Я?— счастливо засмеялась Анна Сергеевна.— Ну спасибо, спасибо. Очень хотела бы быть такой. Приятно это слышать от Мастера по Преодолению Трудностей... Кстати, как преодолеваются трудности бумажного листа?
— Я начал писать,— осторожно пообещал он.
— Не забудьте, что физическая сила не должна отставать от душевной силы. Только рядом!.. Кстати, я обещала вам прочитать слова древнего философа. Минуточку, сейчас я достану эту бумажку... Вот они: «Слабость велика, сила ничтожна. Когда человек рождается, он гибок, когда он умирает, он крепок и черств. Когда дерево произрастает, оно нежно и гибко, и когда оно сухо и жестко, оно умирает...» Вам не кажется, что способность пересмотреть себя— это самое большое проявление силы? Я уверена, что вы сумеете написать так, что это проймает мальчишек...

После этого разговора Воскобойников уже не мог оторваться — писал, переписывал, перечеркивал не просто листы — себя переписывал, вычеркивал...

А когда уже было почти все готово, она вдруг перестала звонить. Георгий Павлович ждал. Перепечатанной уже лежала статья... Он недоумевал, обижался, царапало внутри самолюбие, но...

Жена принесла альбом с ювелирными экспонатами, надеясь, что он наконец возьмется за работу по серебру. А он вдруг стал по утрам бегать, вытаскивал с антресолей гантели... Вечерами сидел в гостиной у телефона. Даже смотрел спортивные передачи. Раздавались кое-какие телефонные звонки, он брал трубку, но что это были за голоса! Серые, одноцветные, унылые и скучные. В них не было и сотой доли той радуги чувств, что звучала в голосе Анны Сергеевны.

Эвелина Викторовна тоже ждала этого звонка и волновалась. Вообще она чувствовала: что-то ускользает в их отношениях с Жорой, не спасают ее заботы, ласки, шатается их дом-крепость, выплывает из ее рук покладистый муж, которого она долго и успешно убеждала, что миром он обижен, а ею спасен. Он любил в ней самого себя; она знала: в этом секрет ее власти — прекрасно использовала его. А тут... Странная история. Не видел, а ждет. Не знает, а думает. Повторяет слова, ищет по ее совету книги каких-то древних философов. Скорее бы он написал! Она ответит эту статью сама, поговорит, и все станет ясно.

Наконец, трубка опять расцвела знакомым голосом.

— ...Слышите, мой попугайчик твердит: «Витюша хочет кушать»? Сегодня солнышко, и мои птички развеселились... А это слышите? Кенар.

— Да, да, — улыбнулся Воскобойников. В этом трио он слышал единственный ее голос.

Вдруг за спиной его раздался хриплый скрипучий бас: «Урр-ррр! Жорра! Жорра хороший!» Породистый заграничный попугай, которого с трудом добыла где-то Эля, в последнее время действовал ему на нервы. «Только бы не услышала Анна Сергеевна!» К счастью, она не услышала. Она интересовалась статьей, вообще сегодня была явно не расположена просто к болтовне, не рассказывала никакой истории из жизни неведомой Уты. «Может быть, Ута — это она сама?» — пришло ему на ум. А статью Георгий Павлович хотел прочитать теперь же или немедленно привезти ее.

— Ну что вы, Георгий Павлович, помилуйте, зачем ехать в такую даль, ведь все так просто, — проворковала она. — Рукопись в конверт, на почту — и порядок. Запишите мой адресок.

Георгий Павлович был обескуражен, разобижен, раздосадован. Она всегда повелевала. Жена с радостью забывшимся сердцем записала адрес. И назавтра сама отнесла конверт на почту.

Но прошел день, Эвелина Викторовна разволновалась, не выдержала — решила пойти по тому адресу. Надела лучшее свое платье, жемчужное ожерелье, камни на пальцы и уши. Она не менее получаса стояла перед зеркалом, искусно накладывая косметику: французский тон, польские тени, лак, прическа... Напоследок окинула себя взглядом в зеркале — высокая, красивая, уверенная, с могучей волной волос, в меру полная в этом платье. Можно смело ехать. Она подошла к клетке с попугаем. Белый какаду самодовольно посмотрел на нее. «Жора у нас хороший?» — спросила хозяйка. «Жорра! Урра!» — закричал тот отчаянно. «Тише, тише», — остановила его Эвелина Викторовна, оглядываясь на дверь. И отправилась в путь.

Дом двадцать пять... пятый этаж... Вот она, квартира. Увереннее, непобедимее! Дверь открыла довольно молодая женщина. Анна Сергеевна? Не похоже. Гостья объяснила, кто она, к кому. Женщина в фартуке, с подушечкой для иголок, какие держат при себе портнихи, низким голосом (нет, это не ее голос!) предложила снять плащ. Не успела гостья раздеться, как из комнаты послышались знакомые нотки.

— Кто там? Проходите, пожалуйста!.. Это вы? Очень рада, очень рада.

Голос не передвигался, значит, она сидела где-то в глубине квартиры, но почему не выходит навстречу, в чем дело? Эвелина Викторовна вошла и почувствовала: в квартире очень жарко, какой-то странный воздух. Это сразу вселило в нее непонятную тревогу. Первое, что она увидела, — старый, допотопный шкаф. Этажерка на тонких ножках. На окне — герань. Все напоминало квартиры 30-х годов. И воздух чуть ли не тех лет. Эвелина Викторовна сжалась...

На кровати лежала женщина, по фигуре почти ребенок, по лицу — за сорок... Некое приспособление вроде попюпитра, на нем бумага, карандаши, книги. Под одеялом — совсем маленькое тело. Значит, неподвижна?! Да, больна, прикована к постели!

— Садитесь, дорогая! Пожалуйста, Эвелина Викторовна. Очень хорошо, что вы сами решили прийти. Я как раз собиралась звонить, — безмятежно, лучезарно говорила она.

Гостья села совершенно подавленная, смущенная.

А хозяйка словоохотливо продолжала:

— Я как раз хотела с вами поговорить о Георгии Павловиче. Мне кажется, он рано сдался, он способен на большее, чем внушил себе. Он разбился на весь мир когда-то, залез в раковину из собственного честолюбия. Надо бы помочь ему выбраться оттуда. Из статьи я поняла, что он способен трезво оценить себя, значит...

Эвелина Викторовна слышала и не слышала и благодарила судьбу за то, что не надо сейчас говорить. А Анна Сергеевна, угадывая ее состояние, говорила и говорила... Уже знакомит с попугаем Витькой, показывает на стенках любопытные фотографии спортсменов, просит Зиночку (по-видимому, эта молодая женщина ухаживает за ней) собрать на стол. Тут только Эвелина Викторовна приходит в себя.

— Что вы, что вы! Я ненадолго из дому. Георгий не любит, когда я ухожу, а тут все же так довольно далеко. Извините.

А через два месяца сокрушительным золотым осенним днем по дорожке, осыпанной листьями, мимо буйных цветников, мимо гранитных, мраморных, простых деревянных и алюминиевых памятников четыре человека несли гроб. Маленький гроб, в котором лежала великая женщина Анна Сергеевна.

Я обратила внимание на крепкую спортивную фигуру и в то же время на не по-спортивному поникшие плечи того, кто нес гроб впереди. Что-то знакомое почудилось мне в его лице. Знакомое по фотографиям из газет моей юности. Да, это был Георгий Воскобойников, о котором на днях появилось сообщение, что он возвращается в спорт.

Емилиян БУКОВ,
Герой Социалистического Труда

Ливны

Пороховая гарь
День угасает
Дорога фронтовая шла на Курск,
А по пути —
Расстрелянный,
Как смятая постель,
И девушки-солдаты,
Простерты на камнях,
Да что там бог!
Царит
Но у одной
А на устах другой —
Еще влажны
Как будто
Беззвучно раздается:
И не хочу,

горька на вкус.
длинный,
длинный,
длинный...
тургеневские Ливны.
безлюдный городок,
лежат руины.
видит бог,
как херувимы.
Одна лишь только смерть
над этой выжженной пустыней.
в глазах —
лукавый смех,
гримаса стынет.
излуки мертвых губ,
крик последний,
через силу,
«Не могу,
и не уйду в могилу!»

...И как
Чья б
Когда тела
Еще любви просили
Возлюбленные!
Для счастья зрели, а не для печали.
Ведь вы могли бы
А стали прахом,
Я слабых презирал.
В боярской сигуранце
Но вот гляжу —
Горячих слез
И плакал я,
Взахлеб,
В снегах
И остывал

их можно было хоронить?
поднялась рука
сомкнуть их вежды,
еще хотели жить,
и надежды?
Ваша плоть и стать
матерями стать,
бедным прахом стали...
Я молча снес
муки пыток.
и не сдержать мне слез,
о девушках убитых.
как в детстве,
малышом,
навзрыд,
в подол уткнувшись мамин.
заря горела палашом,
от боя теплый камень...

Вы, юные,
От плоти плоть моя
Проснитесь,
Я вам
Я выдал замуж
Да будете
Детьми благословил вас,
И даровал вам
Я возвратил вам
И плеск ручья,
И пенье птиц,
И подвечный плач,
А как бы я
Как
целовал бы
Но меркнет день.
Ни горести,
Не надо вам
Ни милого,
и кровь от крови.
пробудитесь хоть на миг:
судьбу иную уготовил.
всех вас до одной —
на сей земле
любимы!
дал покой
мир ненарушимый.
детство
и траву,
и первое объятие,
и неба синеву,
и шелест платья.
сплясал
с любой из вас,
трепетные руки!..
В стекле остывших глаз —
ни радости,
ни муки.
ни солнца,
ни огня,
ни бога,
ни меня.

...Послушай, Лена!
Романс цыганский пела
Кружилась
Свистела юбка
Ты, Зина,
молча грезила —
о принце,
что придет к тебе из сказки...
Траншея.
И холодит виски
Как много раз с тех пор
Тургеневский
Но я-то
Касался тел,
молчал
и плакал снова...
О женщины!
Живу я
этой памятью суровой.

Перевел с молдавского
Александр БРОДСКИЙ.

НА ОГНЕННОЙ ДУГЕ

Сорок лет назад, в октябре 1943 года, «Смена» опубликовала рассказ «Зрелость офицера». Его авторами были Юрий Жуков и Лев Ющенко, военные корреспонденты «Комсомольской правды», участники Курской битвы. Они рассказывали о боевых офицерах гвардейского полка, освобождавшего Белгород и Харьков. Спустя сорок лет писатель Лев Ющенко, автор многих книг, вновь выступает в нашем журнале с рассказом о тех незабываемых, исторических боях на Курской дуге.

Лев ЮЩЕНКО

День первый

После окончания Сталинградской битвы, в которой мне довелось участвовать, «Комсомольская правда» послала меня к Орлу, Курску, Белгороду, где в феврале 43-го развивалось наступление Центрального и Воронежского фронтов. Я много писал в «Комсомолке» о тех боях, колесил в своей «эмке» по военным дорогам от Мценска до Харькова, спешил все увидеть: узнать и обо всем сообщить в газету. В тех боях начинал вырисовываться контур будущей знаменитой Курской дуги. Освободив Курск, в марте наши войска продвинулись далеко на запад; однако южнее и севернее Курска врагу удалось удержать Белгород и Орел. К весне линия фронта образовала огромный стратегический выступ между Белгородом и Орлом шириной 200 и глубиной 100 километров.

Потом на дуге наступило затишье: обе стороны готовились к решающему сражению, которое могло решить судьбу всей войны. Гитлер хотел окружить и уничтожить войска Центрального и Воронежского фронтов — взять реванш за Сталинград и от Курска пойти на Москву. У нашей Ставки был свой план: активной обороной измотать и обескровить врага, а затем перейти в наступление и освободить Орел, Белгород, Харьков.

Май и июнь на дуге прошли в напряженном ожидании. Пока немцы стягивали сюда свои лучшие, ударные танковые и пехотные дивизии, наши войска днем и ночью строили оборонительный вал глубиной до 300 километров. В тылу Центрального и Воронежского фронтов был создан третий, резервный, фронт — Степной. На этих трех фронтах наше командование сосредоточило около 2 миллионов человек, почти 30 тысяч орудий и минометов, более 5 тысяч танков. Это была сила, еще невиданная за все годы войны.

Пришел июль, а враг все еще не наступал. В те дни я работал в частях Воронежского фронта и в ночь на 5 июля заночевал в небольшом городке Обояни на шоссе между Курском и Белгородом. Ночь была тихая, с фронта изредка слышались далекие орудийные выстрелы. А проснулся я на рассвете от внезапного грохота, долетевшего с передовой. Старый дом сотрясало. За окном в светлеющем небе пронеслись штурмовики. «Началось!» — понял я и бросился к своей «эмке».

Через минуту машина мчалась из Обояни на юг. Шоссе было уже под огнем. Горело село Яковлево. На дороге дымились воронки. Стая «юнкерсов» бомбила мост через Ворсклу, правда, пока безуспешно. Проскочив мост и проехав под бомбами еще несколько километров, уже под Белгородом, у деревушки Ерик, почти у самого шоссе я увидел замаскированные и готовые к бою противотанковые батареи: позиции 375-й стрелковой дивизии.

От шоссе ходами сообщения я про-

брался в окопы бронейщиков. Оттуда был виден пологий травянистый склон, изрытый траншеями и окутанный пылью и дымом. Над ним в безоблачном небе пикировали «хейнкели». Свист бомб и грохот разрывов сливались в чудовищный гул. В черных тучах пыли бомбы рвались ярко, как ночью.

Иногда бомбы падали и на позиции бронейщиков. Командир батареи ПТР старший лейтенант Кузнецов, пригнувшись в окопе от близкого взрыва, забросавшего нас землей, засмеялся:

— Сыплот за воротник, сволочи!

В соседнем окопчике боец снял сапо-

ОН ПОМНИТ ЭТУ ГРОЗНУЮ БИТВУ ДО САМОЙ ПОСЛЕДНЕЙ ДЕТАЛИ — ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ МИХЕЕВ, ТОГДА, В 1943 ГОДУ, ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА 237-го ОТДЕЛЬНОГО ТАНКОВОГО ПОЛКА. ДЕВЯТЬ ЗАЩИТНИКОВ РОДИНЫ, ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВ ИЗ СЕМЬИ МИХЕЕВЫХ УШЛИ НА ФРОНТ, И ВСЕ БЫЛИ ТАНКИСТАМИ...

ги и босыми ногами утапывал землю для лучшей опоры.

— Эй, парень, надень сапоги, простудишься! — крикнул ему Кузнецов.

— Жарко будет! — ответил боец.

Пока мы с Кузнецовым разговаривали, боец суетился, перекидывал гранаты и бутылки с зажигательной смесью и все поглядывал вдаль: не идут ли немецкие танки. Потом он оборвал впереди себя всю траву — для лучшего обзора — и стал свертывать папиросу.

Было около десяти утра. Пятый час подряд немцы бомбили наш передний край у деревушки Ерик, но пока не наступали. Кузнецов кричал кому-то по телефону:

— Ну когда они там начнут? Надоело слушать эту небесную музыку!

Наконец, бомбардировка затихла. Темные облака черноземной пыли стали редеть и просвечивать. Мы с Кузнецовым выбрались из окопа и перебежали на наблюдательный пункт — в блиндажик на склоне высотки. У стереотрубы сидел старший лейтенант Балабанов. Телефонную трубку он примотал к уху блинтом.

— Стоят, черти! — со злостью сказал он. — Вот, полюбуйтесь.

В стереотрубу была отчетливо видна сгоревшая «ничейная» деревушка, за ней — поле и лесок. У опушки среди кустов стояли необычные, незнакомые танки: широкие, низкие, угловатые, с плоской башней и длинным пушечным стволом. Это были знаменитые «тигры», новейшие тяжелые машины — главный козырь Гитлера на Курской дуге. Там, у опушки, они стояли у всех на виду, почти

без маскировки, не укрываясь от артиллерийского обстрела, — демонстрировали свою неуязвимость, запугивали наших воинов, ожидавших начала атаки: вот, мол, смотрите, ни один ваш снаряд нас не берет. И в самом деле, эти новые танки пока были загадкой: как с ними бороться, куда и каким снарядом бить?

Повернув стереотрубу к северу, я увидел у горизонта в полосе соседней дивизии тучи пыли и вспышки разрывов. Вдалеке были видны и характерные столбы черного, маслянистого дыма над горящими танками. Слышна была и ожесточенная стрельба: там отражали атаку.

Я вернулся к шоссе и поехал туда, к северу. Солнце стояло уже высоко. Свернув на проселочную дорогу, к горячей деревушке Быковка, я заметил в кустах замаскированный бронетранспортер с рацией. Поодаль, на высотке, стоял знакомый мне человек в сером комбинезоне и полевой генеральской фуражке — М. Е. Катюков, командующий 1-й танковой армией. В его частях под Белгородом я бывал еще в мае, в дни подготовки к сражению. Сейчас в армии Катюкова находился Юрий Жуков, начальник отдела фронта «Комсомольской правды».

Генерал смотрел в бинокль туда, где кипел бой. Теперь грохотало и на юге, в районе Ерика. Я подошел к генералу и тоже посмотрел в бинокль. Вдоль шоссе ползли «тигры», может быть, те, которые я видел недавно на опушке леса. Слышались резкие, отрывистые хлопки танковых пушек. Из укрытий, из засад стреляли наши артиллеристы. Один

танк вертелся с перебитой гусеницей.

Коротко генерал ввел меня в обстановку. Немцы наступают одновременно на севере дуги, под Орлом, на Центральном фронте. А здесь, на юге, под Белгородом, их первая, утренняя, атака была успешно отбита. Однако только что они снова начали наступать, на этот раз очень большими силами — до 100 танков на километр. Сражение на Курской дуге только еще разворачивается.

— Но «тигры» уже горят, — сказал Катюков. — Так и пишите в газете: «тигры» горят! А самое поразительное и самое замечательное в этом бою — спокойствие русских людей.

Перелом

На другой день, 6 июля, в штабе Центрального фронта я ознакомился с радиоперехватом — приказом Гитлера, зачитанным накануне в частях под Белгородом и Орлом. «Германские войска, — говорилось в приказе, — переходят к генеральному наступлению на Восточном фронте». Это наступление объявлялось «поворотным пунктом в ходе войны», «последним сражением за победу Германии».

Итак, на Курской дуге Гитлер пошел ва-банк. В наступление он бросил 38 отборных танковых и пехотных дивизий — цвет своего вермахта. Радио Берлина похвалялось, что за два дня под Курском немцы выпустили столько же снарядов, сколько за всю кампанию в Польше и во Франции.

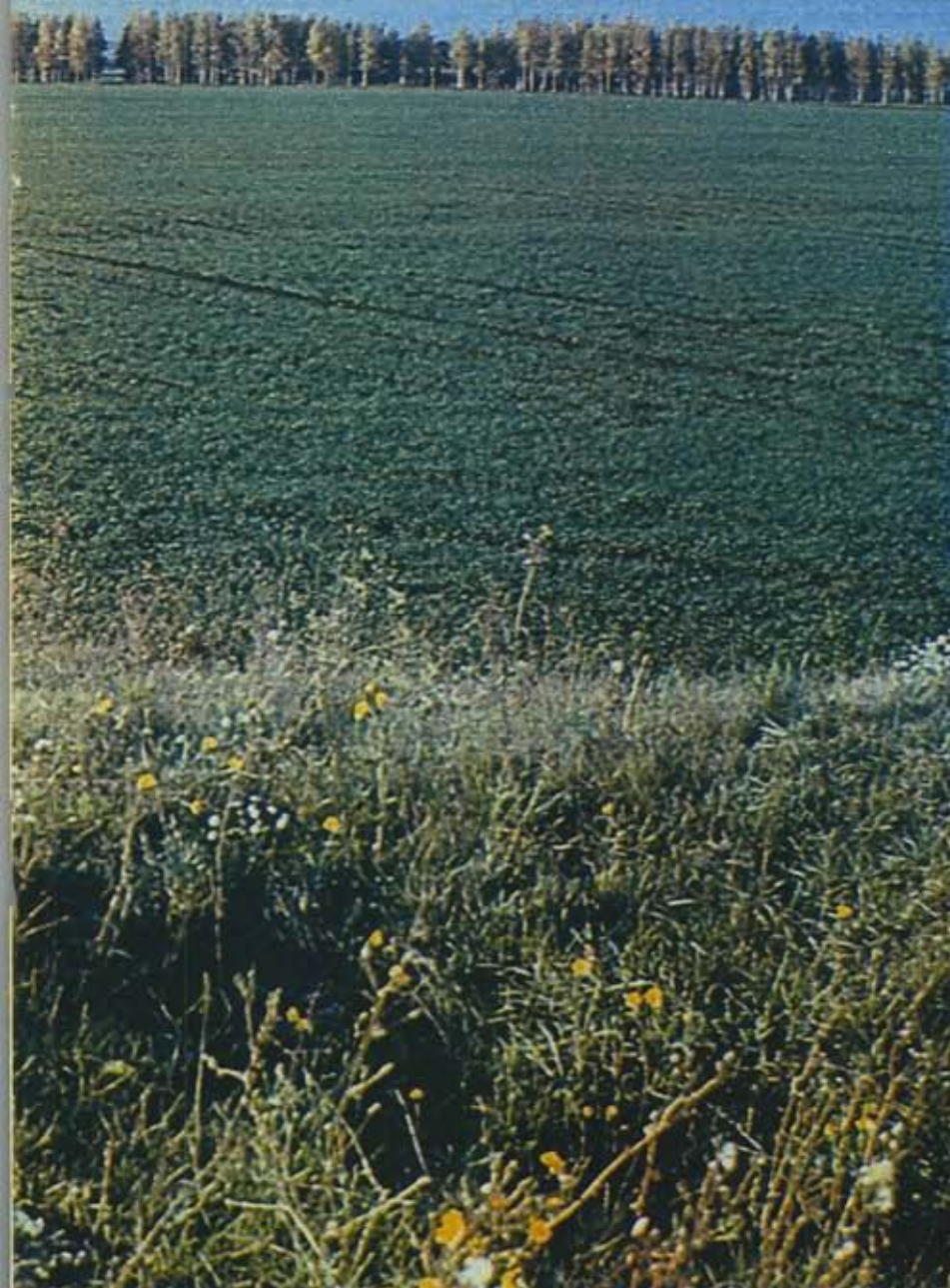
Да, это был таранный удар, и врагу удалось уже вклиниться в нашу оборону

и здесь, под Орлом, на Центральном фронте. Небольшая железнодорожная станция Поныри стала центром яростного сражения.

Особенно опасными для наших войск были «тигры». Эти 60-тонные громады с мощными дальнобойными пушками, стреляя, двигались, словно сухопутные броненосцы. Их лобовую броню даже с близкого расстояния не пробивал ни один снаряд. Я сам видел с командного пункта полка в бою под Понырями, как на башне атакующего «тигра» вдруг вспыхнул сноп искр от прямого попадания противотанкового снаряда; и все же танк продолжал идти и раздавил батарею.

Но уже в самых первых, самых кровопролитных боях наши воины нащупали слабое место «тигров» — их невысокую маневренность. При своем огромном весе танк обладал мотором всего в 600 лошадиных сил. Медленно поворачивалась и орудийная башня: один поворот за минуту. Вот тут-то и таилась ахиллеса пята этих новейших фашистских машин. Их стали бить не в лоб, не с дальней дистанции, а подпускали ближе, даже заманивали, а потом из засады всаживали снаряд в бок.

Этот первый опыт борьбы с «тиграми» был немедленно распространен в войсках Центрального фронта и уже через день-два принес ощутимые результаты: потери немцев в танках стали исчисляться сотнями. В те дни «Комсомолка» почти ежедневно печатала мои сообщения из-под Орла об отваге и мастерстве молодых воинов, дравшихся с «тиграми». В корреспонденции «Так дерутся

**МАРШРУТ ПАМЯТИ
ВДОЛЬ ЛИНИИ ОБОРОНЫ.**

комсомольцы» я рассказал о подвиге артиллеристов Барбаша и Грудкина. На другой день газета посвятила этим героям передовую статью «Дерись отважно и умело, как артиллеристы Барбаш и Грудкин». Статья начиналась так: «Вчера мы напечатали телеграмму из района жестоких боев на Орловско-Курском направлении. Скупыми словами изложена героическая повесть о делах артиллерийского подразделения, которым командует старший лейтенант Барбаш...» А заканчивалась статья призывом ко всем молодым артиллеристам, сражавшимся на Курской дуге: «Товарищи молодые артиллеристы! Вам принадлежит почетное, решающее место в уничтожении немецких бронированных машин. Действуйте так же решительно и умело, как артиллеристы Барбаш и Грудкин. Оттачивайте свое мастерство. Умножайте славу русских артиллеристов, славу советского оружия!»

Забегая вперед, расскажу о дальнейшей судьбе героя Курской битвы артиллериста Леонида Тимофеевича Барбаша, бывшего слесаря завода «Динамо» в Москве. После войны мне удалось установить по сохранившимся документам: за тот бой под Орлом он был награжден орденом Ленина. Впоследствии участвовал в освобождении Украины и Польши. В апреле 1945 года в звании майора командовал дивизионом 1214-го артиллерийского полка и в сражении под Берлином погиб всего за три недели до конца войны. А за два дня до Победы Л. Т. Барбаш был посмертно награжден одним из высших военных орденов — орденом Суворова.

Такие люди, мужая в боях, дрались тогда на Курской дуге. И они победили! Перелом наступил на восьмой день боев — 12 июля. Мой очерк о событиях этого дня был так и назван — «День восьмой». Отбив все атаки «тигров», на рассвете 12 июля наши войска сами перешли в наступление под Орлом. В этот день на дуге с обеих сторон дрались одновременно более трех миллионов человек! В районе Белгорода, у поселка Прохоровка, произошло небывалое танковое сражение. На ровном поле шириной всего несколько километров сошлось с обеих сторон более 1200 танков и самоходных пушек. Наши «тридцатьчетверки» шли на таран: в ближнем бою они были маневренней «тигров». К вечеру под Прохоровкой горели сотни вражеских машин. Для немцев это была катастрофа, и они начали отходить обратно к Белгороду. С этого дня и до конца битвы фашисты вынуждены были только обороняться.

Наступая, наши войска подошли к Орлу и Белгороду и, наконец, 5 августа освободили эти города. Мне довелось быть в Орле в день освобождения. С поэтом Евгением Долматовским, сотрудником фронтовой газеты, мы шли по улицам, еще затянутым дымом пожара. Город был сильно разрушен. Населения осталось немного. С армейских грузовиков изголодавшимся людям раздавали хлеб, сухари, консервы. По улицам двигались войска: наступление западнее Орла продолжалось.

Вечером мы с Долматовским вместе с другими офицерами стояли у походной радиостанции. По радио из Москвы передавали

**ПОЧЕТНО НЕСТИ НЫНЕ
ВОИНСКУЮ СЛУЖБУ
НА КУРСКОЙ ЗЕМЛЕ.**

**ШКОЛЬНЫЙ УРОК
В МУЗЕЕ БОЕВОЙ СЛАВЫ.**

День последний

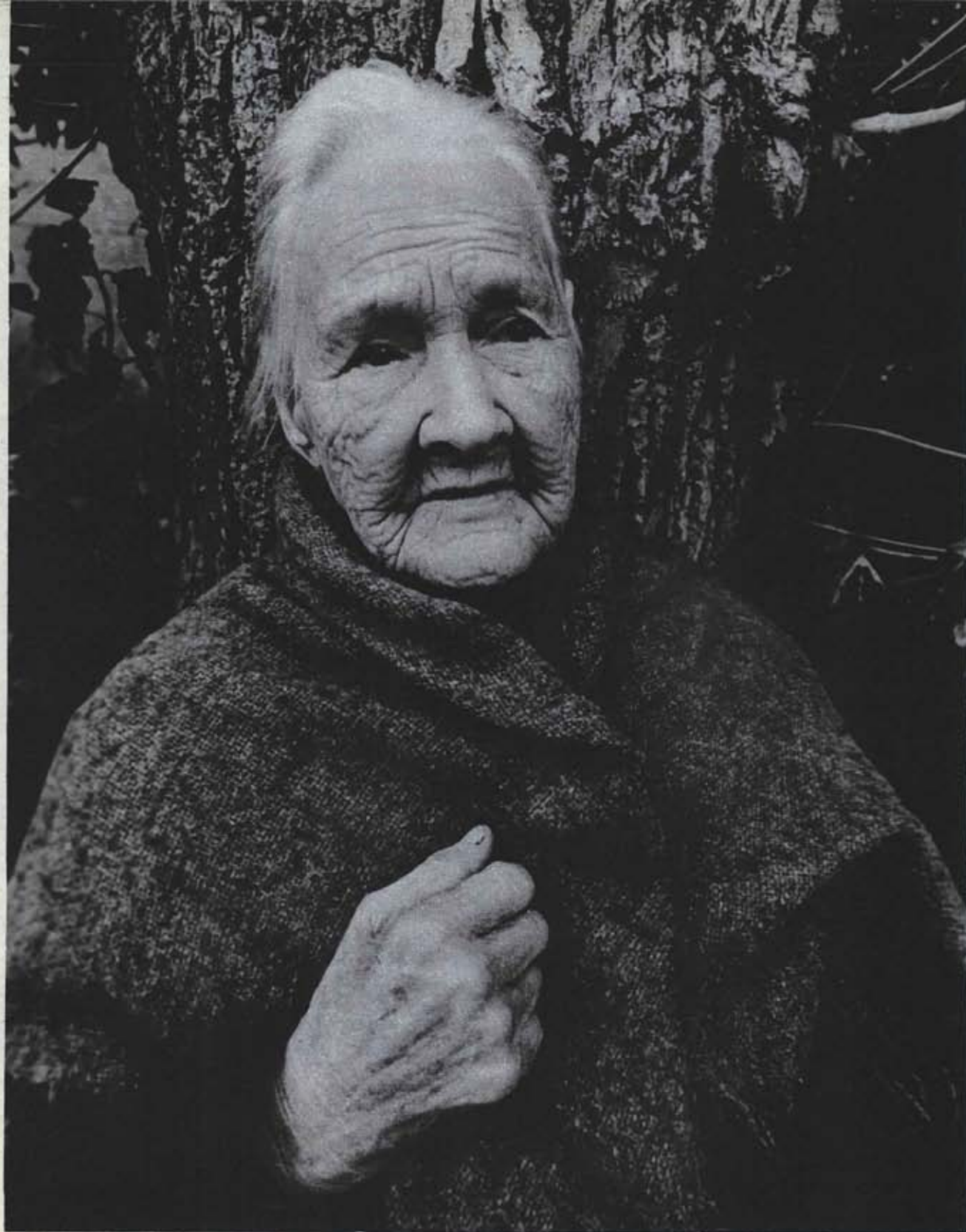
После освобождения Орла и Белгорода центр боев на дуге переместился к югу, под Харьков. Главный удар там наносил введенный Ставкой в действие резервный Степной фронт. Приехав под Харьков, я встретил Юрия Жукова, и мы уже вместе писали о последних боях Курской битвы.

Накануне ее последнего дня, вечером 22 августа, мы находились на северной окраине Харькова, в большом лесопарке. Передний край проходил по аллеям и лужайкам. Наступал полк майора Сажинова. Его минометчики вели огонь от здания бывшего санатория. Из глубины

приказ Верховного главнокомандующего, там салютовали в честь освобождения Орла и Белгорода. Из руин Орла мы слышали торжественный гул орудий над Красной площадью. Это был самый первый победный салют с начала Великой Отечественной войны.

**РЕБЯТА ШКОЛЫ № 43 КУРСКА.
СЛЕДОПЫТЫ
СОБИРАЮТ МАТЕРИАЛ
О 52-й ГВАРДЕЙСКОЙ
СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ.**

**ЕВГЕНИЯ ФЕДОРОВНА КУЗНЕЦОВА.
ОНА ВСТРЕТИЛА ВОЙНОВ-
ОСВОБОДИТЕЛЕЙ В КУРСКЕ.**

парка отстреливались немцы. Задевая ветки деревьев, близко потрескивали разрывные пули. Постепенно огонь слабел и удалялся — немцы уже отступали. Окруженные в Харькове с трех сторон, боясь «котла», они еще днем начали покидать город. И, уходя, взрывали мосты, электростанции, поджигали свои военные склады, которые не успели вывезти. К ночи запылали пожары. С крыши здания, куда мы взобрались, видно было, как в районе вокзала взрывались цистерны с горючим и склады боеприпасов. Тем временем наши передовые подразделения продвигались уже к центральным улицам города.

Финал Курской битвы был близок.

С рассветом стрельба затихла, и наша «эмка» влилась в поток войск, устремившихся в Харьков. Торопясь, туда катили «студебекеры» с пушками, походные радиостанции, грузовики с пехотой, празднично украшенные ветками и полевыми цветами. У шоссе еще работали саперы, снимали мины. Въезд в город преградил взорванный мост, его объез-

жали по бревенчатому настилу. И наконец, первые улицы, еще задымленные, усыпанные обломками кирпичей, и первая толпа на перекрестке, встречающая своих освободителей: счастливые лица, цветы, крики «Ура!». На асфальте валялся только что сбитый со столба немецкий указатель: «На Москву».

Объезжая завалы, мы спешили в центр города. По пути свернули на Совнаркомовскую улицу, к зданию бывшей фашистской тюрьмы. Из ее холодных подвалов тянуло трупным запахом. Камеры были открыты. В них лежали люди в гражданской одежде, расстрелянные несколько часов назад. По камерам ходили заплаканные женщины — отыскивали своих родных...

А в центре Харькова, у памятника Тарасу Шевченко, на площади Дзержинского — всюду, где проходили наши войска, стояли толпы горожан, и стихийно уже возникали летучие митинги. У развалин здания обкома партии молодой лейтенант-пехотинец, окруженный толпой, встав на бочку, отвечал на вопросы. Людей, освобожденных от оккупации, интересовало все: не разрушена ли Москва, когда союзники откроют второй фронт, можно ли добровольно вступить

в Красную Армию, долго ли еще продлится война?

К этому утреннему часу на площади Дзержинского собрались сотни людей — горожане и воины-освободители. Ровно в десять к зданию обкома партии, где стояли мы с Жуковым, подкатил запыленный армейский мотоцикл. В коляске сидел рослый офицер.

— А вот и он, — сказал Жуков, посмотрев на часы. — Точно в десять, как условились.

Это был богатырски сложенный человек, светлоглазый, с пулевым шрамом на лбу, с орденом Суворова на широкой груди — подполковник Прошунин, командир полка 89-й гвардейской Белгородской стрелковой дивизии. Две недели назад его полк первым ворвался в Белгород. И еще там, в Белгороде, Прошунин и Жуков условились встретиться в Харькове в день его освобождения: в десять утра на площади Дзержинского. Встреча состоялась точно в назначенное время, и мы поздравили Прошунина с новой боевой удачей: его полк сегодня на рассвете первым прорвался сюда, в центр города, на площадь Дзержинского, и поднял красный флаг на знаменитом Доме госпромыш-

ленности. В нескольких словах Прошунин рассказал нам, как это было.

Его полк наступал с запада. В два часа ночи командир второго батальона молодой офицер Южанинов, награжденный орденом Александра Невского за взятие Белгорода, радировал Прошунину: «Вижу Харьков». «Бери его!» — по-суворовски ответил командир. Когда батальон был уже в городе и продвигался к центру, Прошунин нагнал его и в пять утра с площади Дзержинского радировал командиру дивизии: «Я в городе, на площади Дзержинского». «Прошунин! — отозвался генерал. — Ты понимаешь ответственность своих слов? Это Харьков, а не какая-нибудь деревня. Ты действительно на площади Дзержинского?» «Так точно, товарищ генерал!»

Рассказывая об этом эпизоде, Прошунин смеялся. А вокруг него уже собралась толпа, к нему тянулись руки, ему совали яблоки, бутерброды, какие-то свертки. Сняв фуражку с запыленными шоферскими очками, подполковник весело крикнул:

— Милые! Беру только цветами!

Тогда со всех сторон ему потащили букеты. И так, в мотоцикле, заваленном цветами, Прошунин через несколько минут умчался обратно в свой полк: бой шел уже в южном предместье города.

Передав в «Комсомольскую правду» очерк об освобождении Харькова, уже вечером мы с Жуковым приехали в старинный особняк на Сумской улице, к генералу Н. И. Труфанову, нашему давнему знакомому, назначенному командантом Харькова. Он стал рассказывать нам о начале возрождения жизни в освобожденном городе. В это время в кабинет вошел адъютант и включил радиоприемник. Из столицы передавали

**МЕМОРИАЛ ПОД ПРОХОРОВКОЙ.
СЮДА ПРИХОДЯТ ЛЮДИ
ПОКЛОНИТЬСЯ
ПАМЯТИ ГЕРОЕВ.**

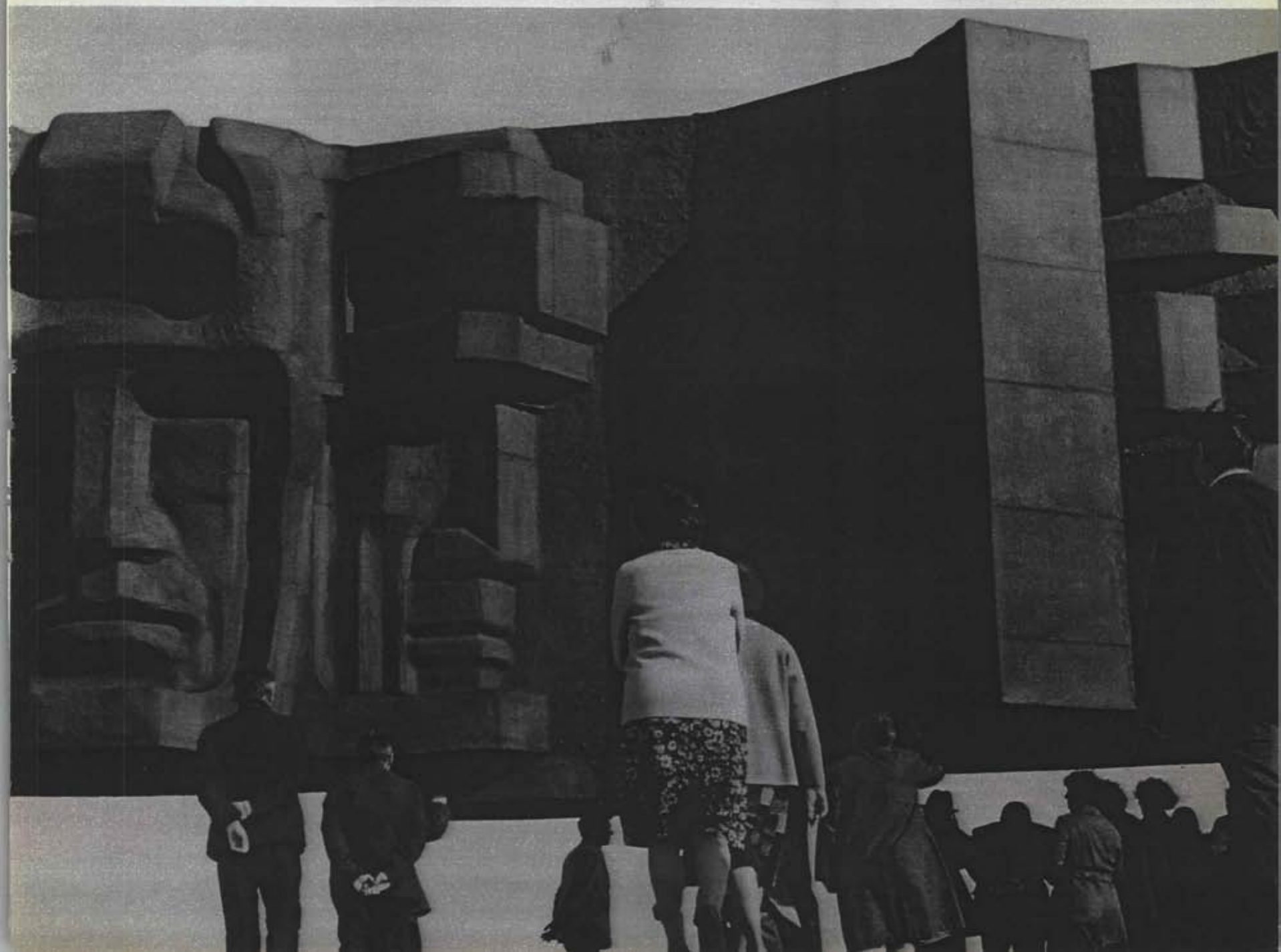
**ЗАСТЫЛА НА ПОСТАМЕНТАХ
БОЕВАЯ В ПРОШЛОМ ТЕХНИКА.
О ЧЕМ МОЛЧАЛИВО
РАССКАЗЫВАЕТ ОНА
МАЛЬЧИШКАМ?**

приказ Верховного главнокомандующего и салют в честь освободителей Харькова. Среди особо отличившихся была названа и 89-я гвардейская Белгородская стрелковая дивизия, в которой служил Прошунин. К своим высоким титулам она прибавила еще один и отныне именовалась Белгородско-Харьковской.

Так завершился последний день Курской битвы, продолжавшейся 50 дней и ночей. В зените Великой Отечественной она показала всему миру возросшую мощь нашей армии, мастерство и талант ее полководцев, зрелость ее офицеров.

«Зрелость офицера» — так и назывался документальный рассказ, опубликованный Ю. Жуковым и мной в журнале «Смена» через несколько недель после окончания битвы. Рассказав о подполковнике Прошунине и молодых офицерах его гвардейского полка, мы писали: их боевой путь и воинское мастерство «когда-нибудь будут описаны в специальных военных изданиях, по которым молодежь в военных училищах будет учиться воевать».

Да, и поныне, сорок лет спустя, боевое искусство лучших полков и дивизий, сражавшихся на дуге — и среди них и полка под командованием Прошунина, — изучается в военных академиях и училищах. На опыте своих отцов и дедов, участников исторической Курской битвы, молодые офицеры современной Советской Армии учатся этой нелегкой суворовской науке — науке побеждать.

С ТОЧНОСТЬЮ ДО МИЛЛИМЕТРА,
И НИ НАМЕКА НА «ВОСЬМЕРКУ».

НА САМОМ
БЫСТРОМ
ТРЕКЕ МИРА,
ЧТО ПОСТРОЕН
В КРЫЛАТКОМ
К МОСКОВСКОЙ
ОЛИМПИАДЕ.

Ну зачем, зачем изобретать велосипед в наш стремительный век, бешено несущийся на автомобилях, в самолетах, космических кораблях?!

Один немецкий философ прошлого века, увидев человека на странной двухколесной машине, сказал так: «Это, конечно, техническое чудо, но совершит оно переворот не столько в технике, сколько в совершенствовании наших физических качеств». Велосипед перестал быть чудом техники — чудодейственное влияние его на наш организм осталось. Врачи убеждены, что велопрогулка — одно из самых сильных лекарств от гипертонии и стенокардии. Экономисты полагают, что велосипед — наиболее экономичный и рациональный вид транспорта, а значит, за ним будущее. Ученые видят в велосипеде ангела-хранителя окружающей среды. А путешественники? Забыв о самолетах, они отправляются в дальние странствия на велосипеде, чтобы испытать волю, познать пленительное ощущение победы над собой...

Есть у велосипеда и другое чудесное свойство... Ясным утром 7 ноября 1869 года он торжественно въехал во французскую столицу. Париж ликовал! Париж слепил на необычное представление! В тот день газета «Ле пти журнал» проводила первую международную велогонку по маршруту Париж — Руан. Это был невиданный по массовости и сложности пробег. На трассу длиной 128 километров вышли 300 гонщиков.

Стартовали в 7.30 утра. А через 10 часов 23 минуты на финише в гордом одиночестве появился англичанин...

**ВПЕРЕДИ ИДУЩИМ
ВСЕГДА ТРУДНО.
НО ТОТ,
КТО ХОЧЕТ
ПОБЕДИТЬ,
НЕ ПРЯЧЕТСЯ
ЗА СПИНЫ:
ВЕЛОГОНКА —
ШКОЛА
ХАРАКТЕРОВ.**

Тупоносый автомобиль взвизгнул тормозами и замер. Шофер процедил сквозь рембрандтовские усы:

— Все, приехали.
— Как приехали?!

До итальянского городка Лече — цели моей поездки — оставалось по меньшей мере километров десять.

— Проезд автомашин в выходные дни запрещен — остренно сказал шофер. — Движение только на велосипедах. Взгляните.

На обочине стоял плакат, а на нем ядовито-зеленой краской поблескивали два колеса со спицами. На шоссе, за перекрестком, дагалаась вдоль моря огромная толпа велосипедистов.

— Но как же... — начал было я.

Шофер снисходительно сказал:

— Фирмой предусмотрено.

Он открыл багажник и достал складной велосипед, бросил на него недобрый взгляд.

— Хлеб отнимает, будь он не ладен. — Злобно добавил: — Чва! Желаю веселой прогулки. Велосипед оставьте у лотья в отеле.

К вечеру, шарахаясь из стороны в сторону (навыки детства были напрочь забыты), я добрал в велосипедной толпе до Лече. В отеле свалился замертво на кровать. В тот день я понял, что изобрел велосипед.

Впрочем, итальянские археологи считают, что это было сделано задолго до меня, по крайней мере еще две тысячи лет назад. Именно к этому времени относятся найденные фрески и рисунки на каменном овалогроне. И знаете, что было изображено на нем? Детали будущего велосипеда!

Более осторожные историки имеют на этот счет иное мнение. Официальной датой создания велосипеда они считают относительно недалекий 1801 год. Именно в ту пору русский крепостной Ефим Артамонов смастерил в господском сарае нечто на двух колесах и назвал его «самокатом». Нечто, приводя в ужас зевак, попискивало, поскрипывало на ухабах, но ехало!

Механики, в свою очередь, не согласны с историками. Некоторые из них считают местом рождения велосипеда Германию или Америку, другие — Францию или Англию.

Однако не будем спорить ни с археологами, ни с историками, ни с механиками. Что спорить зря! На самом-то деле велосипед продолжают изобретать и открывать и поныне. И в прямом смысле уже зарегистрировано 1500 (!) патентов на велосипед и, что самое важное, в переносном, как это сделал я по пути в Лече, — во всем мире продолжает расти популярность велосипеда.

В Японии его имеет каждый четвертый житель, и правительство этой страны намерено начать прокладку трансъяпонской велотрассы длиной в 26 тысяч километров.

Подмосковный город физиков Дубна отправляется на работу на велосипедах, а у магазинов, учреждений выстроены специальные велостоянки.

В Германской Демократической Республике был построен велосипед с атомным реактором.

В Дании неуважительное отношение к велосипедисту расценивается как уголовное преступление.

Едва ли не все жители литовского города Шяуляя в выходные дни отправляются на прогулку в седле велосипеда.

Владимир КУЧМИЙ,
Фото Юрия СОКОЛОВА,
Вадима ОПАЛИНА,
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

два колеса

**РАДОСТЬ
БЫСТРОЙ ЕЗДЫ:
ПОДРАСТЕМ
И ПОМЕНИМ
СВОИ «ВЕЛИКИ»
НА ГОНОЧНЫЕ.**

Уин Джемс Мур на машине «Грэйв» — весит 35 килограммов.

Он показал среднюю скорость 70 километров в час и опередил на пятнадцать минут все остальные конкурентов. Победитель — голландец на велосипеде швейцарского (попался бы он современной антидопинговой комиссии!), улегся спать, а наутро наблюдал финиш последних 50 гонщиков, сумевших закончить дистанцию...

Так зарождались одни из самых романтических и мужественных соревнований в спорте — велосипедные гонки. С тех пор росла длина трасс — на иных турах она достигает ныне 2000 километров. «Худели» велосипеды: по сравнению с машиной Джеймса Мура сегодняшний шестикилограммовый «Кольнаго» выглядит игрушкой. Увеличивались скорости: на отдельных участках трассы они достигают теперь 100 километров в час. Но суть гонок оставалась неизменной. Лучшие из них приключены красоты, романтизма, мужества и несгибаемости человеческого духа. «Я писал много рассказов о велогонках, но так и не написал ни одного, который смог бы сравниться с самими гонками». Эти слова принадлежат Эрнесту Хемингуэю.

У каждой гонки своя душа и свое лицо. Есть среди них в современном календаре самые родословные — те, что ведут начало еще с прошлого века. Старейшая из них — Льеж — Бастонь — Льеж — проводится с 1894 года.

Есть самая высокооплачиваемая гонка — профессиональный «Тур де Франс». Никому доподлинно не известна сумма гонораров, которые получают «профи» от фирм — устроителей этой гонки. Зато известно, например, что пятикратный победитель «Тур де Франс» знаменитый француз Жак Анкетиль к концу своей бурной карьеры в спорте приобрел замок с 352 окнами (дотошные журналисты подсчитали).

ТАМ, ГДЕ ПАХНУТ ТРАВЫ

И ШИ НОГИ ...

Любительская велогонка Мира не имеет родословной Льеж — Бастонь — Льеж и не располагает гонорами «Тур де Франс». Но она неповторима во всем, что связано с духовностью спорта. 2 мая 1948 года горстка полуголодных (8 килограммов картошки на человека), полузамёрзших (байковое одеяло на двоих), недоспавших (одна полуразрушенная гостиница на всем пути) людей отправилась из Праги в Варшаву по искалеченным войной дорогам. Они добрались таки до Варшавы, и там, в обгоревшем здании редакции «Трибуна люду», измученные мужчины плакали от счастья, как дети, когда кто-то выкрикнул:

— Мы были первыми! С нас все и начнется.

С тех пор каждую весну по дорогам трех братских стран — Чехословакии, Польши и ГДР — летит гонка, несущая на своих плечах белую голубку Пикассо. Гонка, голосующая за мир, за солидарность. Истинные гонки несут в себе нечто большее, чем состязание в скорости...

Они влетают забрызганные грязью на стадионы и, словно подкошенные, валятся в спасительную траву на футбольном поле. Они попадают в «завалы» и остервенело рвут сцепившиеся машины. Кто-то размахивает согнутым в «восьмерку» колесом, кто-то прыгает на одной ноге и, корчась от боли, трет ладонями окровавленное бедро, гудят «технички», разноязычно ругаются механики. Они покрываются ледовым панцирем на перевалах заснеженных гор, задыхаются от зноя на пустынных равнинах, мокнут до последней клеточки души под тропическими ливнями. Они трясутся по булыжнику, брусчатке, клинкеру, и за каждым поворотом, за каждым бутафорным домиком на обочине их подстерегает опасность.

Во время популярной гонки «Тур де л'Авенир» во Франции советский велосипедист Саид Гусейнов не впился в крутой поворот и сорвался с обрыва. Ему повезло. Колеса велосипеда зацепились за ветви кустарника, и гонщик повис вниз головой — ноги были пристегнуты к педалям тугими креплениями. Вверху похрустывали под тяжестью тела ветви орешника, а внизу лежали острые камни. Он не мог позволить себе ни двинуться, ни кричать.

Так гонщик провисел над пропастью почти полчаса, пока его случайно не заметила механика из нейтральной «технички». Когда гонщика сняли с ветвей орешника и положили на обочине, он был без сознания, и механики не могли разжать пальцы его рук. Пальцы мертво впились в руль велосипеда.

Первенство Польши в городке Прудник проходило в

трудных условиях — холод, грязь, снег. Закоченевшие от мороза руки примерзали к рулю. Финиш рядом. Последний мостик через реку. И вдруг один из гонщиков объезжает мост и прыгает на тонкий лед — решает сэкономить время. Когда его вытаскивают из-под льда, лицо залито кровью. Острая льдина рассекла щеку. Но врачи не в состоянии затолкать гонщика в «Скорую помощь» — тот прыгает в седло и вновь рвется вперед. Он победит в гонке и взойдет на пьедестал, а там повернется боком к телекамерам. Он не хотел, чтобы в камеры попало его израненное лицо. Вскоре его имя узнает весь спортивный мир. Имя Рышарда Шурковского — одного из самых ярких гонщиков современности.

Но драматические сцены, экзотические с виду «завалы», эффектные погони — это лишь зримая сторона гонки. Куда важнее уяснить для себя другое: ради чего все эти лишения?

Главное в групповой шоссейной гонке — личный зачет. Но выиграть ее в одиночку — примерно то же самое, что выиграть одному баскетбольный матч у целой команды.

Главное в гонке — команда. А в команде все делится поровну — и лишения и победы. И даже призы, хотя они тоже личные. Призы после финиша по традиции относят в чей-нибудь номер гостиницы, доступа туда ни тренерам, ни механикам нет. После этого избирается разыгрывающий, который, как в известной игре, должен отвечать на один и тот же вопрос: «Это кому? А это кому?» Даже в этом проявляется полнейшее равноправие всех членов команды.

Но призы — дело последнее, суть не в них. В гонке существует строжайший закон подчинения интересам команды. Нарушил закон — прощения не жди. Один в гонке не воин — первая заповедь велосипедистов.

Ее сразу усваивают участники массовых велосипедных стартов, таких, например, как «Весенние километры», организованных ЦК ВЛКСМ и посвященных велогонке Мира. Дошкольники на трехколесных велосипедах, школьники уже на двухколесных, учащиеся ПТУ, комсомольская молодежь всех возрастов участвовали в «Весенних километрах». Одесса и Омск, Алма-Ата и Харьков, Минск и Краснодар стали в те майские дни столь же яркими центрами велосипедного спорта, как и города, расположенные на трассе самой велогонки Мира.

Гонка — это еще и честная работа.

...На велогонке Мира 1979 года шел последний этап Нойбранденбург — Берлин. Советская команда ехала

в столицу ГДР за лавровыми венками — настолько прочным было ее положение. А в личном зачете столь же уверенно шел впереди лидер команды Сергей Сухорученков, будущий олимпийский чемпион. И вдруг случилось непредвиденное. На гонку обрушился сильный ветер. Скорость сразу взвинтилась до предела — 60 километров в час на равнине! В такой ситуации любой прокол, любое падение лидера равносильны поражению. А соперники, поняв, что появился шанс, организовали побег. Сухорученков с товарищами бросился в погоню, но...

Сначала «проколосся» Ааво Пиккуус, один из самых титулованных и виртуозных советских гонщиков. Пиккуус с тоской глядел вслед исчезающему за поворотом каравану, но тут к нему на полном ходу бросился Александр Аверин, протянул свой велосипед:

— Держи, ты догонишь! Должен догнать!

А тем временем в караване взрывается «трубка» на велосипеде Сухорученкова — его, словно на аркане, тянет в кювет. Лидер в беде! И тут же рядом с ним вырастает Сергей Никитенко:

— Бери мою машину, тебе отставать нельзя!

Сергей выскакивает на трассу и видит, как от каравана отделяются Саид Гусейнов и Рамазан Галлялетдинов, товарищи по команде, сажают его «на хвост»:

— Мы остаемся с тобой.

А потом их догоняет Пиккуус — белые кудри развеваются на ветру, и он хрипит сквозь пересохшие губы:

— Порядок, ребятки, не унывать!

Они дошли до финиша и победили. Каждый из них мог честно сказать другому: я боролся до конца и не отступил. Это была победа над соперниками, над опасностью — победа над собой.

В том году Сухорученкову вручили в Париже золотую пальмовую ветвь лучшего гонщика любителя мира. После вручения попросили объяснить успех его команды на велогонке Мира.

— Все очень просто, — ответил Сергей. — Нашим девизом было: «Один за всех, все за одного!» Этим, полагаю, все сказано.

...Говорят, что велосипед давным-давно изобретен. Не верьте! Не верьте ни археологам, ни историкам, ни механикам. Пока будет существовать скорость, риск, привязанность человека к странствиям, желание испытать свою волю и чувства, до тех пор будет изобретаться (в 1501-й и какой там еще раз!), будет жить, колесить по свету хрупкое и незаменимое создание по имени «велосипед».

**НОВАЯ
РУБРИКА**
Твой
собеседник —
чемпион

КИЛОМЕТРЫ ОТДЫХА

Более двухсот писем с вопросами, адресованными спортсменам и тренерам, поступили в редакцию от читателей, откликнувшихся на наше приглашение участвовать в подготовке материалов для этой новой рубрики (№№ 1 и 3 журнала). Сегодня мы публикуем ответ на вопрос о велотуризме.

Редакция выполнит пожелания и других читателей. Ждем ваших новых писем и предложений.

«Мне 45 лет. С детства увлекся велотуризмом и регулярно путешествую, однако на небольшие расстояния. Мечтаю предстоящим летом отправиться в более длительную поездку, километров на 100. Ну, а в перспективе хотелось бы проехать за время, определенное летним отпуском, дистанцию в 1000—2000 километров. Как подготовиться к столь длительному путешествию, в каком режиме находиться во время поездки, что взять с собой из питания?»

**З. ЛАВРЕНТЬЕВ,
Кокчетавская обл.»**

Альфред Вершинин, мастер спорта, старший тренер Управления прикладных видов спорта Спорткомитета СССР:

— Путешествие на велосипеде — что может быть прекраснее! Однако совершать поездки на длитель-

ные расстояния — в 100 и более километров — может только человек, хорошо подготовленный физически. Я имею в виду то, что каждый турист, намеревающийся проехать на велосипеде несколько дней подряд, обязан прежде всего изучить самого себя. Самоконтроль для велотуриста столь же необходим в процессе подготовки к прохождению длительного маршрута, сколь... исправный велосипед.

Вы обязаны знать свою скорость движения. Скажем, при средней интенсивности поездки (30 километров в час) частота вашего пульса в конце километрового отрезка (примерно 2 минуты движения) должна быть не более 140—160 ударов в минуту. И, переходя к тренировочным занятиям, нужно всегда помнить о пульсовом режиме. Взяли пульс перед началом разминки, проехали в спокойном темпе 3—5 километров, опять записали или запомнили. И посмотрите, через какое время пульс восстановится. Обычно у здорового человека этот процесс занимает не более трех минут.

Вообще же хочу дать велосипедистам совет: заведите себе дневник самоконтроля. Ведь путешествие на велосипеде — это прежде всего отдых. Никому же не придет в голову промчаться по тысячекilометровой дистанции со скоростью велосипедиста-спортсмена. И правильно. Вы прежде всего — путешественники, люди, отправившиеся в поход за здоровьем, а не за рекордами, и потому надо переутомляться в пути.

Конечно, для каждого возраста можно дать от-

дельные рекомендации при подготовке к длительной поездке. Что же касается совета непосредственно читателю Лаврентьеву, то скажу, что перед дальним маршрутом оптимальная нагрузка для одной тренировки в его возрасте в первый месяц не должна превышать 15—20 минут. Кстати, за день можно провести две тренировки: утром и вечером. Во второй месяц одноразовая нагрузка может дойти до 25—30 минут, в третий — до 40, в четвертый — до 50 минут.

У вашего велосипеда обязательно должен быть хорошо укрепленный багажник. Питаться лучше 5 раз в день. Жирной пищи следует избегать. В рационе желательно иметь овощи, фрукты, молочные продукты и, конечно, хлеб. Потребление жидкости: два — два с половиной литра в день. Не забудьте взять с собой кусочки сахара. После 20—25 минут путешествия вы можете съесть по два кусочка.

Иногда спрашивают: как лучше путешествовать, одному или в компании? Мое мнение однозначно: только в компании. Это и безопасней (в пути всякое может случиться) и приятней. Когда делать привал? На ваше усмотрение. Чувствуете, что устали, увидели красивую полянку, лужайку — сойдите с велосипеда. Есть ли необходимость в движении ночью? Нет. Ночью лучше спать. Ну, а в конце недели желательно устроить баньку. Снять накопленную усталость, восстановить силы. А затем снова в путь. Приятного вам путешествия и отдыха, друзья!

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ИДЕАЛЬНЫЕ ШУБЫ БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ

Белые медведи великолепно защищены от холода в своих «шубах». Они не излучают почти никакого тепла. Это было установлено американскими учеными, которые с помощью инфракрасных лучей хотели пересчитать белых медведей в полярных областях. Такой метод подсчета животных в последнее время широко распространен и успешно используется на всех континентах. Инфракрасная аппаратура точнее и быстрее человека, она может работать и ночью, регистрируя не только тепло, излучаемое животными, но и температурные различия. Поэтому новый метод подсчета особенно подходит для крупных млекопитающих, температура тела которых в среднем 35—37 градусов. Но в случае белых медведей аппаратура была бессильна: ученые из экспедиции видели медведей, приборы же упорно молчали — тепловое излучение практически не было.

Этой загадкой сейчас упорно занимаются: ведь если наука разберется в тайне теплового механизма белых медведей и в столь совершенной изоляции, как их шерсть, могут быть решены важные проблемы жизни при низких температурах.

«ТАЙМ», США

Тюльпановая проблема

В XVI веке с Ближнего Востока завезли в Голландию тюльпаны. Тогда никто не предполагал, что со временем страна обретет репутацию «родины тюльпанов». В настоящее время голландцы экспортируют миллионы луковиц этих цветов и получают немалый доход. Но возникла проблема: куда девать сами цветы? Коровы отказываются их поедать. В цветочных магазинах столь много цветов не продашь, а «отходов» — тонны и тонны. Одно время их выбрасывали в море. Но оказалось, что запах отгоняет рыб. Все же нашли выход. Из цветов начали готовить удобрения, которыми подкармливают те же самые тюльпаны. Правы те, кто говорит, что в Голландии даже земля пахнет тюльпанами...

«КОСМОС», БОЛГАРИЯ

ПРОВАЛ «КОМПЬЮТЕРНОГО РОМАНА»

В Канаде появилось сообщение о выходе в свет «романа будущего». Речь шла об авантюрном романе под названием «Слепой фараон» — из времен Древнего Египта. Автор романа Барк Кемпбелл не является профессиональным писателем, он специалист по ЭВМ. Свое первое произведение Кемпбелл «изготовил» с помощью компьютера, на что им обоим понадобилось около 60 рабочих часов. В ходе этого творческого процесса Кемпбелл «кормил» ЭВМ разными историями, именами, сюжетными поворотами и диалогами, всем, что ему приходило на ум.

Компьютер сортировал информацию, отбрасывал лишнее (что не вписывалось в выбранную сюжетную линию) и складывал из отрывочных сведений связное произведение. Так и родился первый «компьютерный роман». Литературные критики, однако, не оценили заслуг Кемпбелла и его ЭВМ. Они назвали книгу «пустой», стиль — «грубым», сюжет — «наивным». Провозглашение начала новой эры в литературе пока пришлось отложить.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Одна- единственная

Регина Шлёссер из сельскохозяйственной кооператива в Кауэрне близ города Гера — единственная пастушка в ГДР. Она пасет стадо в 400 овец, в чем ей помогают два пса внушительных размеров.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

Леонардо до этого не додумался...

Шведский художник Бент Лингстрем, чтобы положить конец подделке своих картин, решил их не подписывать, как все, а оставлять на холстах отпечатки пальцев. Такой метод ему предложил инспектор сыска, который занимался расследованием подделки работ художника. Инспектор надеется, что другие художники также последуют его совету. Имея отпечаток большого пальца руки, говорит он, аутентичность картины можно установить с абсолютной точностью — за несколько минут.

«ЛАНД ОГ ФОЛЬК»,
ДАНИЯ

Викинги не были фантазерами...

После своих путешествий викинги рассказывали о гигантских морских чудовищах. Ученые в последнее время пришли к выводу, что это, оказывается, вовсе не были упражнения в вымысле. Викинги стали жертвой оптической иллюзии, которая гипертрофировала размеры дельфинов, тюленей и китов. Причина — во взаимодействии холодных и теплых воздушных слоев. Над водой они более теплые, а выше — холоднее. Когда холодный воздух разрывает теплый слой и достигает морской поверхности, возникает необычное явление — находящиеся на поверхности предметы приобретают гигантские размеры. Это явление, однако, можно наблюдать только до двух метров над морской поверхностью, а палубы кораблей викингов как раз находились на уровне около двух метров.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

Плата за учебу — унижение

Положение учеников на предприятиях ФРГ стало притчей во языцех. Чтобы сохранить место, молодым людям приходится выполнять прихоти мастеров и владельцев предприятий. Часто ученик превращается в некое подобие бесплатной прислуги... Под карикатурой, посвященной этой теме, художник поставил такую подпись: «Я же всегда говорил, что для услужливого молодого человека и в наши дни найдется место ученика...»

«ШТЕРН», ФРГ

Самая древняя кулинарная книга

Она была написана в Месопотамии клинописным текстом на глиняных табличках свыше 1500 лет до нашей эры. Еще в те далекие времена люди, жившие в междуречье Тигра и Евфрата, прекрасно владели кондитерским и кулинарным искусством. На недавно найденных табличках написаны сотни различных рецептов, а также указано имя самого древнего повара, когда-либо известного истории, — Мулхольд. Его рецепты составлены за 1700 лет до нашей эры. В архивах ассирийского царя Ассурнасирыла II (883—859 годы до н.э.) хранится рецепт приготовления куббы — кушанья, которое и в наши дни широко распространено во многих ближневосточных странах.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

ПРОГНОЗ НА Ш ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ

Согласно исследованиям Бюро переписи США, население Соединенных Штатов к середине XXI века станет равным 309 миллион человек, после чего рост замедлится. В настоящее время в США проживают 232 миллиона человек, население растёт каждый год на 0,9 процента.

По расчетам Бюро переписи, население США «постареет», и в 2050 году лиц в возрасте более 65 лет будет насчитываться 21,7 процента, тогда как сейчас они составляют 11,4 процента. К этому времени средний возраст американцев увеличится с 30,3 лет до 41,6 лет.

«ИНТЕРНЭШНЛ
ГЕРАЛЬД ТРИБЮН»,
США

Мария
БОГДАНОВА.

го грустно смотреть на их радость свободной жизни, длящуюся каких-то несколько часов в день, но принадлежащую им по праву дикого зверя. Хотя у этих избранников неволи особое существование. Они окружены любовью и заботой, их кормят, за ними ухаживают, а за это они должны... сниматься в кино.

Бим и Бом — обитатели зообазы Центрнаучфильма, что находится во Владимирской области под Петушками. В свои пять лет эти волки уже изрядно потрудились, показав нам на экранах немало увлекательного и познавательного из жизни своих сородичей. Их могли видеть в фильме «Денис Давыдов», увидят скоро в эстонской киноленте «Оборотень Том». Родились Бим и Бом в зоопарке, и как знать, может быть, их дни так бы и тянулись за решеткой киевского зверинца, не попали они на кинозообазу. Конечно, трудно судить за зверя, какая неволя для него лучше, но с какой радостью и облегчением я, небольшая любительница заведений со зверями в клетках, услышала вот какие слова:

ФИЛЬМ «ЛЮТЫЙ» ПО РАССКАЗУ М. АУЭЗОВА ПОВЕСТВУЕТ ТРОГАТЕЛЬНУЮ ИСТОРИЮ О ДРУЖБЕ МАЛЬЧИКА И ВОЛКА.

КОШКИ ЗВЕРИ С ЗОО

Волки рвались вперед, чуя близкую волю. Она ждала их за поворотом мягкой грунтовой дороги, за тонкой высокой сеткой среди старых и мощных берез и елей. Там много пространства, запахов, звуков. Там почти такая же жизнь, как у всех их сородичей. Почти, потому что за сеткой вольера хоть и воля, но безграничная: в какую бы сторону ни понесло этих волков, уткнутся-таки мордой в проволочную ограду, да и срок положен их рысканью и играм на лесном участке, и призвуют их обратно, окликакая по именам, которые они имеют не в пример диким своим собратьям. ...Вот наконец сдерживающая сила руки больше не чувствуется, привязь снята — и серые красавцы Бим и Бом ринулись за деревья. Честно говоря, было немно-

**НА СЪЕМКАХ
ФИЛЬМА «ЛУГАЧИ
ЛОШАДИ —
ОТНЮДЬ
НЕ СТАТИСТЫ, ОНИ
ПОЛНОПРАВНЫЕ
АКТЕРЫ.**

ДРЕССИРОВЩИКУ
ЗООБАЗЫ ФИЛЬМА
ИРИЮ ЧУРКИНУ
ЧАСТО ПРИХОДИТСЯ
ИМЕТЬ ДЕЛО С ХИЩНИКАМИ.

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ

«У нас на зообаза животные живут в условиях, максимально приближенных к естественным. Территория здесь обширная—27,5 гектара. Есть у нас и хвойные, и хвойно-лиственные участки, и чистый березняк. В нашем хозяйстве два небольших пруда, луг и заболоченные, поросшие разной растительностью торфяные карьеры. Природные корма всегда под рукой. Весной из всех зверей, содержащихся в неволе, наши, пожалуй, самыми первыми получают свежий корм. Выгуливаем наших подопечных в лесу на больших огороженных участках—вольерах, так что места, где размяться и почувствовать себя в своей стихии, им хватает. И что еще не менее важно—дрессировка зверей у нас не сопряжена с подавлением или извращением их природных инстинктов».

Это слова главного дрессировщика зообаза Анатолия Макаровича Жадана.

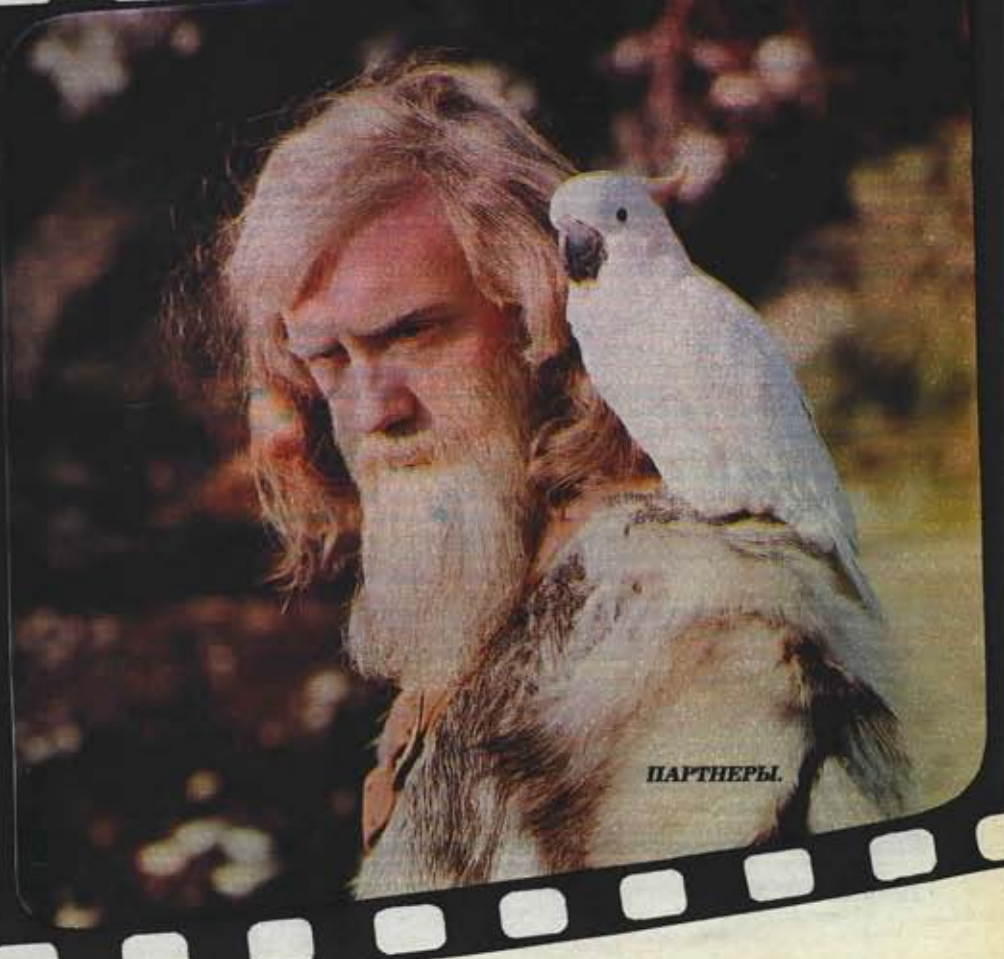
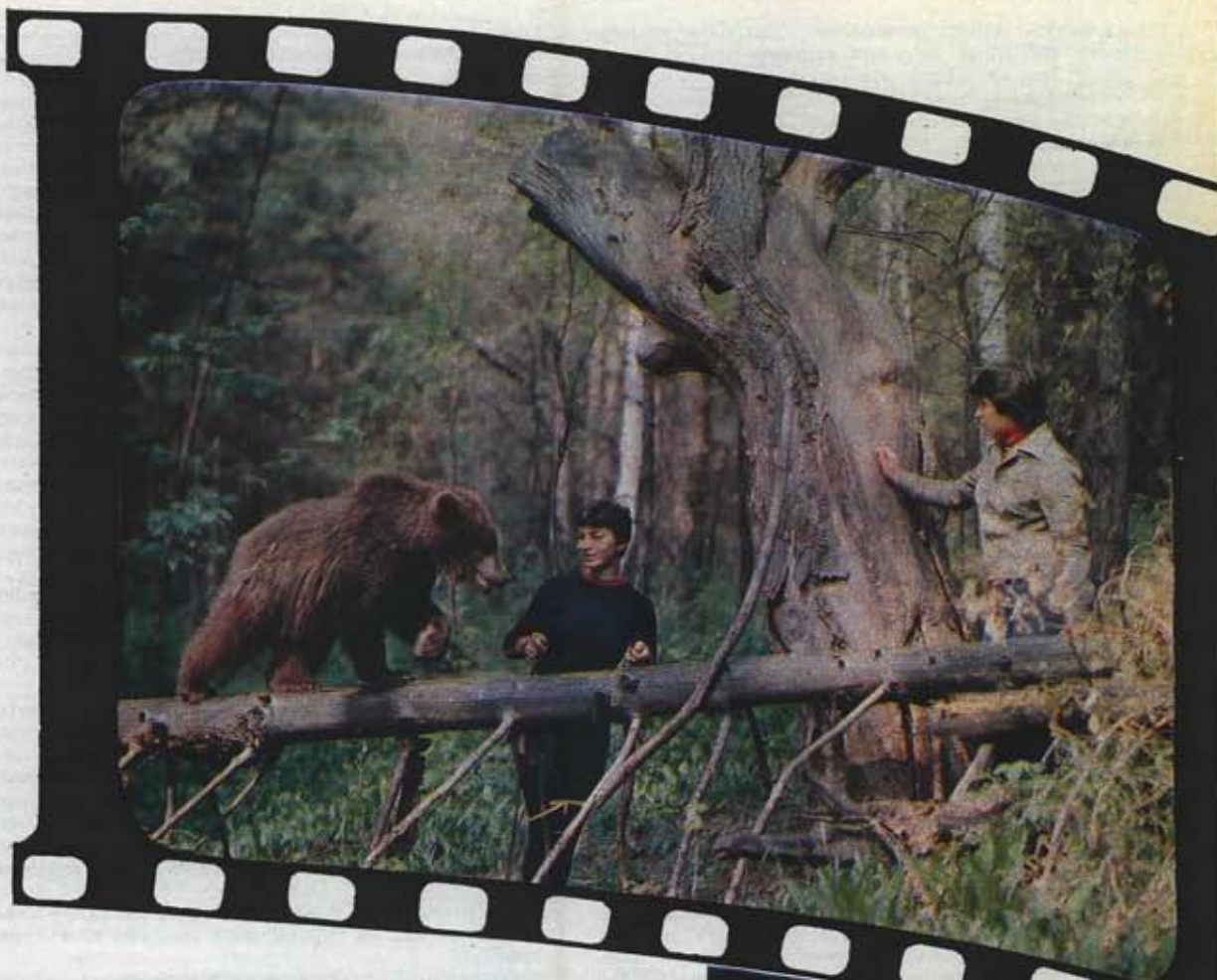
С Анатолием Макаровичем обитателям кинозообаза, прямо скажем, повезло. Это многоопытный, хоро-

**КАЖДАЯ СЦЕНА ФИЛЬМА
С УЧАСТИЕМ ЖИВОТНЫХ ТРЕБУЕТ
ОГРОМНОЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ.**

НО. ЗДЫ ОБАЗЫ

шо знающий и крепко любящий всякую живность человек. С самой юности работа его связана со зверьем. Он занимался отловом диких животных и в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Там постигал секреты самого, пожалуй, трудного и ответственного момента в работе со зверями—перевода их из состояния воли в состояние неволи. Это очень тонкий и сложный процесс, требующий терпения, наблюдательности и, конечно, любви. Отловив и забрав зверя, человек берет на себя ответственность за его жизнь, за его здоровье и потомство. Теперь зверь должен получать от человека то, что брал сам у природы. А как он брал? Что? Когда?

...Было это в Киргизии. Впервые там начали отлов архаров, парнокопытных из рода баранов. Но брать

ПАРТНЕРЫ.

удавалось только детенышей. Ухаживали за ними очень заботливо: молоком кормили четыре раза в день. Тем не менее все погибали. Всеми силами отбивался Анатолий Макарович от заявок на архаров, которые продолжали поступать в зооцентр, где он тогда работал.

— Зачем зря мучить животных? — говорил он. — Не знаем мы пока, как их сохранить в неволе.

Но вот отправился Анатолий Макарович в самую опытную бригаду звероловов. Вечером в юрте у старика киргиза пили чай. А рядом копошился внучек хозяина, малыш то и дело подбегал, или, вернее, подползал, к деду и отхлебывал из его пиалы. Каждый раз один глоток, и все.

— Совсем как архаренок, — улыбнулся старый киргиз.

Жадан насторожился:

— Почему?

— А так же и архарята к матке бегают раз по двадцать в день. Отсосут немного — и в сторону. Могу показать, сам увидишь.

На следующий день Анатолий Макарович, в бинокль наблюдая за семьей архаров, высчитал, что архарята сосали мать каждые 38 минут. А в зооцентре отловленных малышей кормили через 5—6 часов. Вот они и гибли, не в силах переварить то, что, наголодавшись за столько часов, отсасывали из бутылки. Недаром говорят, что потомственный охотник знает порой больше профессоров-биологов.

Чтобы звери могли показать свою жизнь на экране, им должен «помочь» человек. Эта помощь сопряжена с долгим, кропотливым трудом дрессировщика. Начинается работа со сценария. Нужно тщательно выверить каждый эпизод, в котором участвуют звери, чтобы он полностью соответствовал их природе и мог быть изображен животными в непростых условиях съемочной площадки, при свете прожекторов, стечении народа, неизбежном шуме. Конечно, автор, берущийся писать о животном мире для кино, чаще всего хорошо себе представляет, как и что делают его четвероногие и пернатые герои в жизни. Но случаются и курьезы. Однажды в принятом сценарии встретился Жадану эпизод, где дикобраз должен был ползти вверх по стволу дерева. Этого вроде бы требовали разворачивающиеся события фильма. Но только быть такого не могло, потому что дикобраз и на метр залезть не в силах. Пришлось сценаристу по указанию Жадана срочно этот эпизод переделывать.

Главной особенностью работы дрессировщика в кино является, пожалуй, то, что животные должны сохранить свое естество дикого зверя и при этом привыкнуть к человеку и слушаться его. Если, например, в цирке медведя учат ездить на велосипеде, то в фильмах о животных дрессировщику надо добиться, чтобы зверь вел себя, как на воле, где он никакого велосипеда в глаза не видел, чтобы он проявлял

только свои природные инстинкты. Причем проявлять он их должен в заранее задуманных и подстроенных ситуациях эффектно и выразительно, чтобы показать повадки и умения своих сородичей на самом высоком уровне. Уж если прыгать, то прыгать! Уж если драть добычу, так чтобы зритель почувствовал: да, это хищник! Иногда зверей одного и того же вида различают по амплуа. Уже знакомый нам Бим, например, широко и красиво прыгает, поэтому все прыжки исполняет в фильмах он. Однако Бим боязливей Бома, и там, где нужно по сценарию проявлять агрессивность, снимают Бома. Нередко они дублируют друг друга в различных по характеру эпизодах одного и того же фильма.

Среди обитателей зообазы есть уже опытные исполнители, о которых дрессировщики говорят: «Хорошо знает кинематограф». В 60 фильмах снялась енотовидная собака Сильва. На зообазае ее даже прозвали «народная артистка». Последняя, самая большая и ответственная роль у нее была в фильме «Игра без игры», который уже не раз шел по телевидению. Там она первоклассно «разыграла» охоту на утку-крякву и разорение ее гнезда. Под стрекот кинокамеры, в присутствии немалого числа народа она ловко и деловито проделывала то, что в природе человек смог бы подсмотреть лишь случайно и только затаившись где-нибудь в укрытии. Конечно, в ее успехе виноват не столько ее «актерский талант», сколько умело построенная съемка и огромная подготовительная работа дрессировщика.

Единственное средство, которым можно заставить животное во время съемок делать то, что от него требуется человеку, — это лакомство и ласка. Запрямившегося, уставшего или наевшегося зверя силой никогда не принудить работать перед камерой. Удар бича может, к примеру, заставить рысь прыгнуть на арене с тумбы на тумбу. Но замечали ли вы, с каким зловонным отвращением, а чаще равнодушием и ленью зверь это делает? Поэтому бич не поможет, если надо, чтобы рысь прыгнула на сук, да так, чтобы зритель видел: ее туда не гонят, она сама хочет туда прыгнуть.

Долго готовил дрессировщик Жадан эпизод с прыжком рыси для фильма «Звероловы». Сначала приманкой приучали ее к дереву, облюбованному для съемки. Потом отработывали прыжок, чтобы он был очень длинным и эффектным. Когда рысь боялась, ее манили палкой с куском сырого мяса на конце. Начали с небольшого расстояния, терпеливо и настойчиво добивались того, чтобы рысь могла и хотела прыгнуть за приманкой издали. Когда нужная длина прыжка была достигнута и рысь свыклась с присутствием людей и кинокамеры, начали съемку.

Иногда дрессировщику на помощь приходят совершенно неожиданные вещи. В работе над фильмом «Сибиряда» такой вещью оказалось зеркало. Оно

помогло дрессировщице Лидии Алексеевне Горбачевой заставить своего воспитанника — кошку Антона неподвижно простоять на съемочной площадке несколько минут. И это пугливое, непоседливое малыша! Да, оказалось, что Антона совершенно очаровывает собственное отражение в зеркале, и он может простоять, глядя в него, довольно долго. Заметила это Лидия Алексеевна совершенно случайно. Съемки шли в павильоне на втором этаже, и ей приходилось на руках таскать туда это беспокойное существо. Но когда они проходили мимо зеркала на лестничной клетке, Антон неожиданно успокаивался и затихал, устремив взгляд в зеркальную гладь.

Спрашиваю Анатолия Макаровича, какие животные чаще всего получают в кино ведущие роли и с кем он сам любит работать.

— Интересно работать с волками. Но не счастливо, наверное, какие виды животных приходилось снимать в кино. Но чаще, пожалуй, опять-таки волков. После них можно назвать лисицу, ну а затем копытных. Популярность волков в кино вполне объяснима. Это очень разумные животные. Особенно поразительна их любовь и преданность детенышам. Это их свойство однажды помогло мне приручить одного «очень серьезного» волка. Это был мощный красавец, которого прозвали Серко. Нашел я его после долгих поисков в Киевском зоопарке для съемок фильма «Серый разбойник». Своей великолепной статью он мне прекрасно подходил. Но не своим свирепым характером. Уже три года к нему в клетку никто не входил. Ну, думаю, придется снимать его, не входя в вольер. А это, конечно, для работы гораздо хуже. Но вот я заметил, как яростные глаза его теплеют, когда рядом в другой клетке появляется волчица, тоже будущая участница фильма, со своими щенятами. Волчата и мать меня знали, я входил к ним в клетку, они со мной играли, ластились ко мне. Решил показать это Серко: смотри, мол, не такой уж я тебе враг, раз волчица с волчатами меня принимает. Проявилось к нему это несколько раз, а потом говорю: выпускайте Серко. Входит он в клетку, наблюдает, потом сам начинает возиться с волчатами и вдруг как кинется мне на плечи. Но я сразу почувствовал: играет он со мной. Значит, признал.

За свой труд в кино животные, думается, заслуживают не меньше восхищения и благодарности, чем за любой другой вид их помощи человеку.

Опытные наездники говорят, что лошади, привыкшие к скачкам, получают удовольствие от напряженной обстановки соревнования, аплодисментов, праздничной суеты, скакая, когда этого нет. Может быть, и наши четвероногие артисты тоже, приспособившись к новым условиям существования, извлекают из него какую-то радость жизни. Во всяком случае, хочется надеяться, что они не очень мучаются из-за необходимости сниматься в кино. Тем более что среди них есть настоящие мастера своего дела.

В статье 13 проекта Закона СССР о трудовых коллективах сказано, что они «утверждают кандидатуры передовиков производства для направления на обучение в высшие и средние специальные учебные заведения с выплатой стипендий за счет средств предприятия». Расскажите, пожалуйста, подробнее об этом положении.

И. ПЯТАКОВ,
Куйбышев

Постановлением Совета Министров СССР от 18 сентября 1959 года наряду с общим порядком приема в учебные заведения предприятиям, стройкам, совхозам и колхозам предоставлено право направлять работающую молодежь на обучение в вузы и техникумы.

В вузы и техникумы направляются передовики производства, имеющие не

менее двух лет стажа работы. Если в высшие и средние учебные заведения принимаются работники из числа лиц, уволенных в запас после прохождения срочной службы в Вооруженных Силах СССР, то служба засчитывается им в трудовой стаж.

Во время учебы по направлению выплачивается стипендия за счет предприятий. Размер ее на 15 процентов выше государственной стипендии, установленной для данного вуза или техникума. При неудовлетворительных оценках на экзаменационной сессии декан факультета письменно сообщает руководителю соответствующей организации о необходимости прекращения выплаты стипендии до пересдачи экзаменов. В период работы на производственной практике или во время летних каникул студенты, кроме заработной платы, сохраняют право и на получение стипендии.

Каков порядок распределения на работу лиц, учившихся по направлению предприятия?

В. ГУСЕВ,
Саратов

Молодые специалисты данной категории после окончания вузов или техникумов должны проработать не менее трех лет на тех предприятиях, где получили направление на учебу. И только с согласия этих организаций могут быть направлены на работу в другие места.

Специалисты, окончившие медицинские институты или медицинские факультеты университетов, при распределении направляются на работу в соответствующие лечебно-профилактические учреждения, обслуживающие колхозы и совхозы, направившие их на учебу.

В том же порядке распределяются и те, кто был направлен колхозами и совхозами в высшие и средние учебные заведения культуры.

Если один из супругов, окончивающих учебное заведение, учился по направлению, то другому работа предоставляется в том же городе (районе), где находится организация, давшая путевку на учебу. Если оба супруга были направлены на обучение, место работы определяется по договоренности между предприятиями и организациями, направившими их на учебу. В случае разногласий — комиссией по персональному распределению молодых специалистов или министерством (ведомством), в ведении которого находится учебное заведение.

У меня маленькие дети, поэтому работать я могу не больше половины рабочего дня. Каков порядок оформления на работу в таких случаях?

Л. МИРОНОВА,
Керчь

Женщины, имеющие детей, принимаются на работу на общих основаниях, и специальной записи об этом в трудовой

книжку не вносится. Срок работы с режимом неполного рабочего времени определяется соглашением сторон — либо не указывается совсем (иностранец), либо определяется каким-то периодом, например, до достижения ребенком определенного возраста. Кроме того, в приказе о зачислении на должность указываются продолжительность рабочего времени и его порядок, необходимость профессионального обучения или переквалификации и другие условия.

Режим труда и отдыха для женщин в этом случае устанавливается администрацией по согласованию с профсоюзным комитетом и с учетом пожелания самой работницы. Во всех случаях продолжительность рабочего дня (смены), как правило, не должна быть менее 4 часов, а рабочей недели — менее 20 часов (при пятидневной) и 24 часов (при шестидневной). Допускается установление и иной продолжительности рабочего времени в зависимости от конкретных производственных условий.

Кормящим матерям и женщинам, имеющим детей до одного года, даются дополнительные перерывы для кормления ребенка — не реже чем через три часа работы и продолжительностью не менее 30 минут каждый. Если ребенок в таком возрасте не один, продолжительность перерыва увеличивается до часа. Эти перерывы включаются в рабочее время и оплачиваются из расчета среднего заработка.

ПОМОЩЬ ПРИДЕТ

Письма-исповеди Володи, который сам про себя говорит, что он «как человек, как личность почти нуль», и девушки из далекого села, имя которой по моральным мотивам не называется, легли в основу очерка Клары Скопиной «Спешите на помощь», опубликованного в «Смене» (№ 7). Очерк вызвал большую читательскую почту. Нет ни одного отклика, автора которого не взволновал бы, не заставил задуматься рассказ о трудно — в сомнениях и раздумьях — складывающихся судьбах двух молодых людей. Кого-то больно задела безысходность одиночества, пронизывающая исповедь Володи, кто-то старается помочь девушке хоть словом, советом, поддержать ее в борьбе с нелегкими жизненными обстоятельствами. И буквально во всех письмах сквозит одна объединяющая мысль о долге каждого из нас, людей, чувствовать боль другого человека как свою собственную. Без этого нет личности. Нет Человека. Несколько писем из нашей почты мы публикуем в этом номере.

ДВА ЦВЕТА

Уважаемая редакция!

Мое письмо — это отклик на статью К. Скопиной «Спешите на помощь». Девушка, о которой идет речь, молодец, постепенно справляется со своей душевной депрессией. Из ее писем видно, что страдает она не столько от своего физического недуга, сколько от непостоянства подруг, прельстившихся шумом и блеском большого города. Значит, это были не друзья, а так... Не вешай носа, хочу я сказать этой девушке, ты молода, тебе все должно быть под силу. Но знай, что твое счастливое будущее зависит только от тебя!

А вот Володя, так и оставшийся мальчиком в 22 года, что-то в своих письмах-исповедях утаивает. Ему неизвестно, что и в мирной жизни каждый человек может проявить себя — в героизме будней, в работе до седьмого пота. Таких муравьев-тружеников Володя вокруг себя не видит, а ведь на них Земля держится.

О. ДЕНИСОВ,
Псковская обл.

ЛОГИКА И ПРАВДА

Здравствуй, «Смена»!

Я считаю, что девушка одержала над собой нечто большее, чем «победа» — так К. Скопина назвала вторую главу своего очерка. Она совершила подвиг возрождения. Перед ним можно склонить голову, встать на колени.

А сколько, к нашей боли и стыду, есть еще людей, забывающих о своем высоком предназначении, людей, топящих все хорошее в себе, светлое и чистое на дне бутылки! Понимают ли они, какое насилие, какое преступление творят над собственной жизнью и здоровьем?! Простите за резкость, но я думаю, что зря у нас нет строгих наказаний за глумление над собственным здоровьем. К сожалению, только потерявший его может понять величину потери. Самое страшное, что для многих эта потеря становится необратимой. А ведь человек — часть природы. Самая разумная, самая деятельная ее часть. Его тоже нужно беречь. Но как втянуть некоторым юным желторотикам, распивающим «на троих» в подъезде, как объяснить им всю пагубность их поступка? А может, не надо ничего объяснять — просто повести их в больницу и познакомиться с парнем, ставшим пожизненным инвалидом из-за собственного пьяного ухарства и жестокости друзей — любителей «опрокинуть»?

В нашем обществе стало нормой помогать тому, кто слабее. Сострадание всегда было величайшей и гуманнейшей чертой человека. Помочь словом, делом, поддержать чью-то израненную душу, дать ей импульс продолжения борьбы... Это нелегко. Но возможно. И необходимо. Всем и каждому. Чтобы уметь любить, нужно уметь сострадать. Сострадание — одна из первооснов любви. Помните Шекспира: «Она меня за муки полюбила, а я ее за состраданье к ним». Какая жизненная логика и правда заключены в этих словах!

Александр СУХОМЛИН,
Херсон

В ЗЕРКАЛЕ ЖИЗНИ

Дорогая «Смена»!

С глубоким интересом читали комсомольцы Второго Московского часового завода очерк К. Скопи-

ной «Спешите на помощь». В цехе сборки даже занятия кружка комсомольской политехеды посвятили обсуждению жизненных, актуальных вопросов, поднятых писательницей. Действительно, кто останется равнодушным к тому, как складывается жизнь твоего ровесника! Как изменить те или иные обстоятельства (и кто поможет сделать это?), чтобы человек мог расти нравственно, совершенствоваться, становиться бойцом, настоящим строителем новой жизни? Сколько тут проблем — сложных, острых, а подчас и неимоверно запутанных!

Перед нами две молодые судьбы, два человеческих характера. Есть одно общее, что единит эти судьбы, — стремление найти ответы на многие вопросы души, которые не дают покоя и уверенности в жизни.

Коллективным поиском ответов на эти вопросы и стало обсуждение комсомольцами Московского часового завода очерка «Спешите на помощь».

Марина ПОЛЯНСКАЯ,
сборщица, комсорг бригады:

— Девушка — молодец... Она нашла в себе силы побороть одиночество, инертность. Но сделать смогла это только тогда, когда поняла необходимость общения с людьми и устроилась на работу. А вот Володя, на мой взгляд, просто нытик. И рассуждает он, как те, кто стремится жить, ничего не делая, ни за что не отвечая. Не привык он трудиться (думаю, родители не приучили), вот и мается. А ведь именно работа должна приносить человеку если не счастье, то удовлетворение. Это обязательно.

Я уже два года работаю на заводе. Бригада наша дружная, сплоченная, и потому все у нас складывается хорошо, спорится так, что любо-дорого смотреть. Если кто-то захочет увидеть, что означает понятие «чувство локтя» не на словах, а на деле, в жизни, пусть приходит к нам в бригаду. Лучшего примера не найдете!

Людмила ДОНСКОВА,
контролер, комсорг бригады:

— Ну что с того, что Володя обратился за помощью к Кларе Скопиной? Он ведь и сам прекрасно знает, как надо жить по-настоящему — не маленький, 22 года как-никак! — знает, но ничего не делает сам для себя. И еще я не могу поверить в то, что он, живя, работая в коллективе, среди людей, не встретил рядом с собой порядочного человека, который бы ему помог. В это я просто не верю. Такие люди есть везде, их много, надо только уметь и желать их видеть, не стесняться обращаться за помощью или советом, и тогда они сами пойдут тебе навстречу.

Я так считаю потому, что и у меня в жизни были трудные моменты и ситуации: бросала учебу в институте, теряла друзей, разочаровывалась, не верила в свои силы. И так было, пока я не пришла на завод. Именно завод помог начать мне жизнь по-другому. Здесь я наконец нашла себя, сейчас снова учусь в институте, работа мне интересна, хотя, по правде сказать, поначалу было трудно и я не думала, что надолго задержусь в цехе. Помогли мне обрести свое «я» не папа с мамой, хотя и очень старались, а именно люди, вместе с которыми я работаю. Мне хочется верить, что и у девушки из очерка К. Скопиной, написавшей в своем четвертом письме: «Очень хочу жить, учиться, работать...» — еще будет много счастливых дней и радостных открытий в жизни.

Дмитрий ДМИТРИЕВ,
заместитель секретаря комитета ВЛКСМ завода:
— Без желания и стремления самого человека стать ближе к людям, без напряжения его собствен-

ных духовных сил никакая людская дружеская поддержка практических результатов не даст. Раз ты человек — ты должен, обязан находить в самом себе силы жить и бороться! А у нас, к нашему стыду, еще слишком много всяких нытиков и слабаков, живущих иждивенцами. Прежде чем на что-то жаловаться, искать сочувствия и помощи у других, ты сам-то сделал ли что-нибудь для себя, хоть пальцем пошевелил, чтобы было лучше и тебе и другим людям?

Конечно, у Володи трудная судьба, неустоявшийся характер. Что в нем привлекает? То, что он при всех трудностях не опустил руки. И самый лучший совет ему в данной ситуации, по-моему, дал поэт, который сказал: «Душа обязана трудиться. И день и ночь. И день и ночь».

Владимир РУДНЕВ,
пропагандист,
Москва

БОЙТЕСЬ РАВНОДУШНЫХ!

Здравствуй, «Смена»!

Прочитала публикацию «Спешите на помощь» и задумалась: кто я? Что я могу?

Мне семнадцать лет. Десятилетка позади, и скоро мы разбежимся кто куда. О нас говорят: умные, начитанные, эрудированные, но какие-то равнодушные. Раньше мне и в голову это не приходило, а сейчас сама вижу: да, равнодушные. Тяжело самой разобраться в этом (ах, если бы только в этом!), но помочь никто не может. У каждого своя жизнь, свои интересы, свои друзья, у каждого — свое.

Иногда мне кажется, что жизнь проходит в мелочах, в буднях, в обрывках общения. Почему? Нам ведь только семнадцать. Откуда такое безразличие ко всему, что касается не тебя, а другого? Подрались два одноклассника, подрались до крови, до «Скорой», а рядом стояли остальные и смотрели на драку, как на представление... Парню грозит колония, но никто за него не вступился, не сказал ни слова в защиту, а ведь он каждый день был с нами... Откуда в нас такое? Человек никогда не должен уставать от жизни, даже в глубокой старости — устать от жизни невозможно, нельзя! Мы же не старцы, мы только начали жить.

Еще по одной причине решила написать вам — может быть, сможете как-нибудь помочь мне. Только что я закончила школу. А что теперь? Знали бы, сколько я профессий мысленно переменяла! Можно, конечно, заставить себя пойти куда-то учиться, потом работать. Но ведь всю жизнь себя не прозаставляешь? Очень боюсь ошибиться, но выхода не вижу. Так что же мне делать? Это — первое.

Второе — у меня нет настоящих друзей. Был один, во всяком случае, мне так казалось, что друг, но сейчас его уже нет. А другого найти не могу.

Я недавно еще тоже была равнодушной. Сейчас это ушло — то ли с возрастом, то ли изжила из себя. И возненавидела равнодушные в других. Хамство, пошлость, цинизм, мещанство, обывательщину никогда не прощала и не терпела. Вот и с тем «другом»... Он нагрубил старику в трамвае, а я рядом стояла — ну и врезала ему со всей силой. Как тяжело и больно ошибаться и разочаровываться! Но тот случай в трамвае и послужил толчком — от равнодушия...

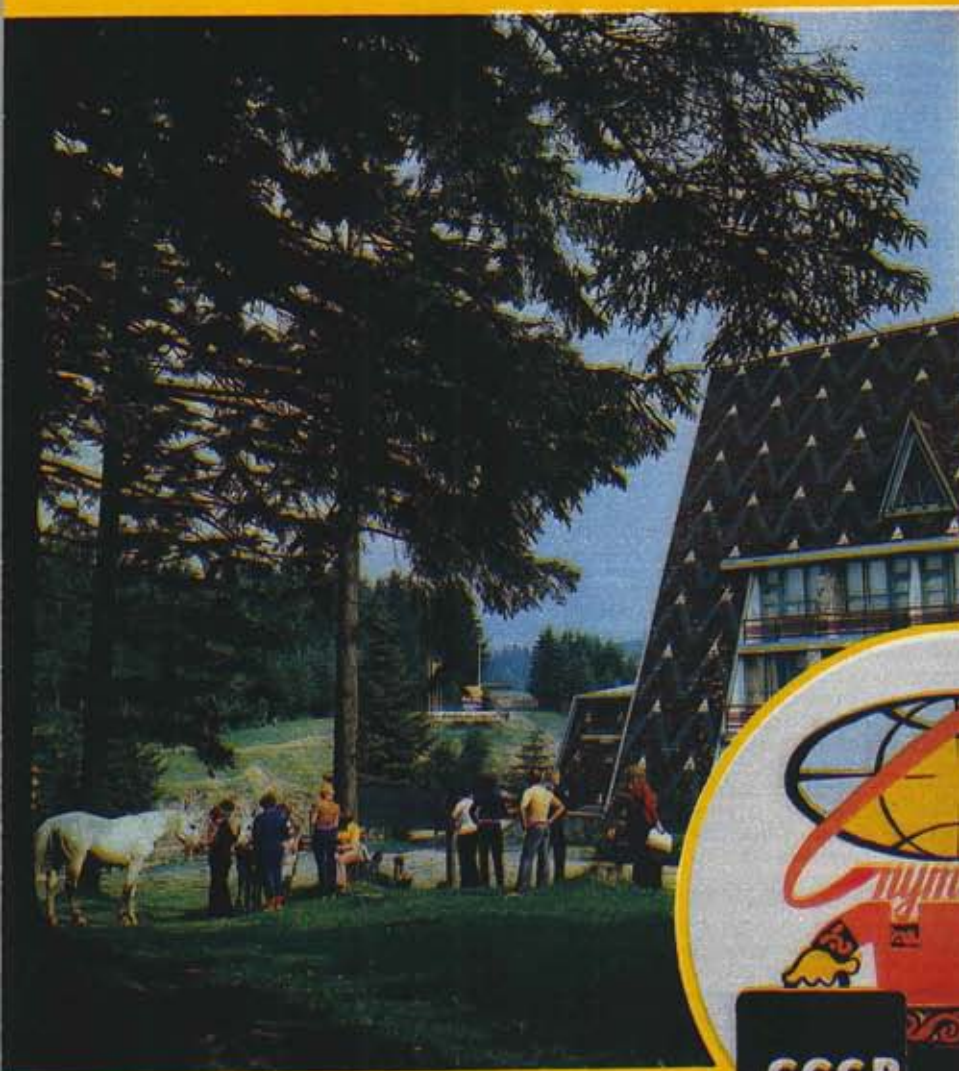
Мне все прочат тяжелую жизнь, говорят, что слишком наивна, пора, дескать, быть посерьезней, а я не хочу. Ведь если думать о людях плохо, смотреть на всех волком, то и люди будут относиться к тебе так же, верно? А что стóит на улице просто улыбнуться незнакомому человеку, просто так перевести старика через дорогу и посадить в трамвай, просто так поздравить людей в хлебном магазине с первым днем весны... Хороших людей много, мы просто не замечаем их...

Мое письмо покажется вам, вероятно, по-детски наивным, может, глупым, а может, смешным — не знаю. Судите сами. Но я писала о том, о чем думалось и что наболело.

Злата КОСТЮШИНА,
Одесса

Р. S. Таких писем, как Златино, писем юных людей, стоящих на пороге вступления в самостоятельную жизнь, к нам приходит много. Вопросы, которые в них задаются, непростые, ответы на них требуют и здоровой логики, и определенного жизненного опыта, и теплого человеческого участия.

Мы надеемся, что сами читатели подскажут Злате, как ей быть, что делать, чтобы чувствовать себя нужной и полезной людям.

МЕРИДИАНЫ ДОБРЫХ ВСТРЕЧ

Евгений РЫБИНСКИЙ,
председатель
Бюро международного
молодежного туризма
«Спутник».

...В день, когда произошло землетрясение, группа советских туристов — молодых передовиков производства Вологодской области — прервала осмотр достопримечательностей румынского города Сибиу и в полном составе, добровольно отправилась на ближайший донорский пункт сдавать кровь для пострадавших. А вскоре в вологодское отделение Бюро международного молодежного туризма «Спутник», где формировалась группа, пришла письменная благодарность властей города Сибиу.

Один эпизод из жизни «Спутника»... Немногим более полугодом прошло с того исторического дня, когда из космоса прозвучали на всю планету позывные советского спутника Земли. Именно тогда, в «космическом» 1958-м, у нас в стране родилась молодежная туристская организация. Инициатором ее создания был Ленинский комсомол. И, конечно, при выборе названия немалую роль сыграл тот факт, что Страна Советов первой вырвалась в космос. В слове «Спутник» миллионы людей

увидели символ дружбы, добрососедства.

Сегодня эмблема БММТ известна в восьмидесяти восьми государствах всех континентов мира, куда выезжают группы «Спутника» и откуда мы принимаем гостей. Рейсами мира и дружбы называют круизы советской молодежи по странам Латинской Америки и Карибского бассейна, Северной и Западной Африки, по Средиземному, Северному и Балтийскому морям, Тихому и Атлантическому океанам.

В традициях «Спутника» — ежегодное участие молодых рабочих, колхозников, преподавателей, студентов, учащихся ПТУ в экспедиции «Моя Родина — СССР». Четыре миллиона человек — такова численность этого отряда туристов.

В дополнение к ставшим популярными круизам по Волге, Ладожскому озеру, Черному морю в списках наших маршрутов появились путешествия на теплоходах по малоосвоенным еще туристами рекам Сибири и Дальнего Востока. Летом нынешнего, юбилейного для «Спутника» года многие молодые семьи смогут отправиться в свадебное путешествие на специальном судне по Днепру.

Десятками туристических баз и международных лагерей, расположенных в самых живописных местах страны, располагает БММТ. В международных молодежных центрах и лагерях «Спутни-

ка» могут отдохнуть одновременно тысячи молодых людей. В этом году откроются гостиница в Одессе, международный лагерь в Каневе, вступит в строй после реконструкции бакурианский молодежный лагерь «Солнечная долина». А всего в одиннадцатой пятилетке предусмотрено построить и реконструировать тридцать пять баз молодежного туризма.

«Спутник» ежегодно выводит на орбиту международного молодежного обмена триста восемьдесят тысяч советских и зарубежных туристов. БММТ организует комплексные путешествия по стране, во время которых гости из-за рубежа знакомятся с культурными ценностями нашего народа, встречаются с молодыми рабочими, студентами, деятелями науки и искусства. Ни одна поездка не обходится без широкого обмена мнениями, без дискуссий по волнующим молодежь проблемам. Для того, чтобы легче преодолевался языковой барьер, в девятнадцати городах страны «Спутник»

ежегодно открывает для зарубежной молодежи курсы по изучению русского языка. В их работе принимают участие туристы из четырнадцати стран мира.

Как член Международного бюро по туризму и обмену молодежи (БИТЕЖ) — специализированного туристского органа ВФДМ и Международной конференции по студенческому туризму «Спутник» уже сегодня готовит в путь интерпоезд БИТЕЖ, который в честь 40-летия Победы над фашистской Германией пройдет по историческому маршруту — через города-герои Советского Союза, столицы ряда социалистических стран.

За прошедшую четверть века по маршрутам «Спутника» проехали, проплыли, пролетели около сорока миллионов советских и иностранных туристов. Крупнейшая в мире туристская молодежная организация вступает в свое второе двадцатипятилетие. Планы у нас большие, но реальные.

ИНФАРКТ МИОКАРДА,

ИЛИ ПОВЕСТЬ

ОБ ИСПЕПЕЛЯЮЩЕЙ РОДИТЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ

Альберт ЛИХАНОВ

От перестановки слагаемых сумма не меняется, но как поразительно меняется смысл от перестановки самых обыкновенных слов, не замечали?

Испепеляющая любовь—это возможно, и вообще-то неудивительно, но стоит вставить между ними словечко «родительская», и все существо, весь дух человеческий протестует: да разве же мыслимо, чтоб любовь родительская—и со знаком минус, испепеляющая, значит, уничтожающая, но это неправда, этого быть не может, потому что не может быть; родительская любовь всегда благо, всегда тепло и ласка, всегда счастье—нехватка, недостающее многим, что и говорить,—но ведь по сути своей родительская любовь ни за что не может оказаться во вред, разве не так?!

Но вот история о любви, вполне похожей на родительскую, но жестокой в своей сущности и, да, испепеляющей.

Действующих лиц всего трое, семья микроскопическая, типично нынешняя.

Отец, называем его Аркадий Андреевич.

Мать по имени Светлана.

Сын, которого нарекли Олегом.

Олег в ту пору, о которой идет речь, школьник-выпускник, десятиклассник. Он единственное чадо в семье. Любимое, бесценное сокровище.

И это можно понять, потому что он поздний ребенок.

И это можно легко вычислить, если из 49 лет отца вычесть 17 лет Олега. Получится, что Аркадий Андреевич стал отцом лишь в 32 года. Поздновато.

Имеет ли это существенное значение? Имеет, и еще какое. Аркадий Андреевич сам вырос в непростой семье. Его отец и мать разошлись, и он в полную меру и в ранние годы понял, что о нем особенно заботиться некому, что он должен в этой жизни всего добиваться сам.

И он добивался. После школы поступил в университет, на физико-математический факультет. И этот выбор, оказывается, может стать существенной деталью в нашей повести, печальной и непростой.

Неизвестно отчего Аркадий Андреевич выбрал физмат. В школе он прилично учился по математике, повезло ему, судьба подарила удивительного учителя. Ведь талантливый учитель—это прежде всего талантливый человек. А талантливый человек, оказавшийся учителем, может увлечь своим делом кого угодно. Так вышло и у Аркадия.

Но если бы просчитать тогдашнего Аркадия на нынешних электронно-вычислительных машинах, этот электронный расчет мог бы подсказать ему совсем иную судьбу. Подтолкну его основательней, он бы пошел в филологи. Очутись в школе талантливый учитель-химик, стал бы Аркадий химиком. Но вот ему достался математик. Человек озаренный, всегда всклокоченный, как бы не от мира сего, этот учитель не преподавал математику—он жил ею! И увлек многих. Кого на счастье, кого на беду.

Аркадий не был склонен к математике, точнее сказать, он был склонен к математике точно так же, как ко всему остальному: к биологии или к географии. Но всклокоченный математик был личностью сильнее других, сильнее, чем биолог или географ. Он создал в классе обстановку благоговения перед властью Математики. По его речам, походившим на заклинания, выходило, что математика—основа всех начал. Да, в сущности, ведь так оно и есть. Математика—в основе любого строительства. А строительство—наилучшее человеческое занятие. Математика—это физика со всеми ее ядерными реакциями, поразительная голография, тысяча и одна ночь прочих волшебных чудес. Да что там, математическим законом подчиняются и биология, и

ритм человеческого сердца, и пульсация крови, и дыхание простенькой травинки.

Всклокоченный волшебник, казавшийся тогда добрым, подчинил себе всех мальчишек из класса Аркадия. Мальчишки эти были разные, точнее, их следовало—по законам математики опять же—разделить на три группы. Первая—бесспорно талантливые, те, для кого математика оказалась божьим даром, ведь это как стихи: дано или не дано. Третья—это те, кто сразу или скоро понял, что они не смогут угнаться за поездом, что у них не хватает ни сил, ни таланта, чтобы перенять призвание всклокоченного волшебника. Эти, победив немного за поездом, махнули рукой, остановились, сконфузьясь, отошли в сторону и в конечном счете почувствовали счастливое облегчение. Искренность и правда—всегда благо.

Но была еще одна группа, и к ней принадлежал Аркадий. Люди средних способностей. Люди, попадающиеся талантливым биологам, стали бы средними биологами, а попадались талантливым учителям словесности,—посредственными филологами.

Бессмысленно доказывать, что это люди без призвания, нет. Просто призвание в час выбора еще не отыскало их. И Аркадий выбрал математику. Еще в школе, стараясь не отстать от поезда, в котором сидят самые способные, он надрылся, напрягал всю свою мощную плоть, чтобы одолеть задачу из учебника для первого курса математического факультета. А когда, содрогаясь от напряжения, поступил-таки на физмат университета, жизнь его превратилась в самоистязание.

Даже способным студентам приходилось несладко. А Аркадий трудился втрое, впятеро больше других, способных.

Все это еще в юности, в студенчестве выработало определенные черты характера: хорошие и плохие. Впрочем, в хорошем всегда отыщется своя противоположность. Аркадий стал адски трудоспособен, невероятно трудолюбив, бесконечно настойчив. Он не жалел времени на освоение новых знаний. Но учился он тем не менее очень средне, вызывая усмешки способных. Эти счастливики за глаза называли его Тупарем. Обидное прозвище, что и говорить. А самое главное, не очень заслуженное. Тупарь, Утюг и, наконец, Тупорылый. Со временем эти прозвища истаяли, забылись, как истаяла и забылась студенческая пора. Забылись не для всех. Обидные студенческие прозвища помнил Аркадий.

Теперь уже Аркадий Андреевич.

С годами, со временем его жизнь не облегчилась, не упростилась. После института Аркадий Андреевич пошел работать в школу, был учителем, потом с невероятным трудом поступил в аспирантуру, прошел аспирантские годы в тягостной, изнуряющей работе, но времени ему не хватило, и диссертацию он защищал год спустя после аспирантуры.

Проклятая эта диссертация вывернула его наизнанку, подарила ему язву желудка, колит, и неизвестно еще чего там было больше—скудной аспирантской еды или истрепанных нервов.

Он выполз из-под диссертации, как из-под тяжело-го танка, раздавленный, опустошенный, но с яростной верой: теперь и я не хуже других.

Что ж, во многом это была правда. Диссертация давала прирост, причем пожизненный. Любимая и ненавистная, необходимая и бессмысленная, дорогая и отвратительная, диссертация поила, диссертация кормила. И все ничего, если бы Аркадий Андреевич жил сам по себе, один-одинешенек. Но несчастливым математик женился, как все обычные люди. Женился на девушке по имени Светлана.

Они встретились и полюбили друг друга, когда Аркадий был аспирантом, а Светлана лишь только студенткой.

Личная жизнь Аркадия Андреевича походила на его математику. Эта личная жизнь оказалась выверенной и рассчитанной, точно задача.

Но здесь важная роль принадлежит Светлане. Окажись Светлана другим человеком, вся жизнь Аркадия могла бы повернуть по-другому, вся его расчетливость и точность рухнули бы под нелогичной, но уверенной поступью настоящей любви. Однако характер у Светланы оказался непротивленческий. Ее сверстницы выбирали себе в мужа однокурсников, а она замаяхнулась на аспиранта. И это требовало определенных взаимных обязательств. Во-первых, Аркадий был старше. И ей на правах младшей следовало во многом уступать. Во-вторых, он был безумно, ужасно работоспособен. А это создает определенный ореол—ореол уважительности. Ореол, может быть, даже незаурядности. Ведь Светлане неизвестно, какими кличками одаряли Аркадия его однокурсники. Четырехлетняя разность возрастов в студенческую пору—дистанция громадная.

К тому же Светлана избрала своей специальностью географию.

Она считала, в эпоху, когда главные географические открытия уже позади и географов в университете готовят с одной исключительной целью—стоять с указкой возле карты или глобуса в школьном классе,—профессия географа как бы утрачивает свой смысл. Печальна участь географа, у которого отняли даже саму мысль о возможности если и не открытий, то хотя бы несложных путешествий. Во что он превратился? Говоря грубо, в ходячую энциклопедию—это как максимум. Знает, где какая страна и какой в ней народ живет, расскажет без запинки про полезные ископаемые, экономику, политическое устройство. Ну, да стоит ли ради того учиться пять лет?

Нет, как ни крути, не такая уж это профессия, чтобы посвящать ей жизнь. Протяни руку к книжке, распахни страницу, нужную тебе, и ты ничуть не хуже, чем самый квалифицированный географ, узнаешь, где и какой народ, где и какая гора, где и какое море и сколько в нем островов.

Впрочем, меньше всего тут стоит спорить о профессии. Хочу только заметить, что, как и всякая другая профессия, она наложила отпечаток на Светлану. Так что, выбирая Аркадия Андреевича в мужа, Светлана приняла априори некую житейскую данность: Аркадий без пяти минут кандидат, она простая географичка, вот и все. Ущербность ее увядающей профессии сказалась на их отношениях: Светлана приговорила себя к подчиненности.

Живая, бойкая, любящая, она как бы умышленно выбрала в жизни забор, который укроет ее от нелегких невзгод. Забором этим был человек—Аркадий Андреевич.

Что и говорить, хотя она географичка, в ее суждениях тоже был некий математический расчет. Муж—первая скрипка, жена—за ним, глядишь, получится дуэт на всю жизнь.

Любовь Светланы и Аркадия поначалу напоминала изнуряющие, терпеливые и отнюдь не похожие на любовь отношения.

Они познакомились, когда Аркадий поступил в аспирантуру, отработав три года в школе. Светлана училась на первом курсе. И у них как-то сразу все решилось: объяснились, пришли к твердому убеждению—это любовь, приговорили себя друг к другу.

Студенческая вольница кружила вокруг буйной радостью, влюблялись, женились, разводились, а Светлана и Аркадий терпеливо ждали друг друга. Сперва Светлана—пока Аркадий окончит аспирантуру. Потом снова Светлана—пока Аркадий, окончив аспирантуру, допишет свою долгожданную диссертацию. Однако когда он защитился и по неписаному обычаю отметил ресторанным банкетом свою вершину, свою удачу, они не пошли в загс и не стали мужем и женой. Теперь Светлана ждал Аркадий.

—Мы не имеем права, понимаешь?—говорил он.—Ты должна окончить университет. Брак,—терпеливо и нудно повторял он,—это не только радость и не только счастье. Это еще и обязанности.

— Мои обязанности,—возражала Светлана,— все перед тобой. Пользуйся ими.

Он снисходительно улыбался.

— Не могу, точнее, не хочу. Я сознательно строю свою семью.

Светлана подчинилась. Аркадий говорил негромко, а оттого убедительно. Ведь он был уже кандидат физико-математических наук. Она пока просто студентка. И, думая о будущем, Светлана одергивала себя, впереди ей виделась уже сегодня установленная взаимосвязь: он навсегда кандидат, она — навсегда же — человек, зависимый от него. Ему принадлежало первое и главное слово. Светлана не хотела этого главного слова себе, она предоставляла его Аркадию, она думала о нем как о стенке, за которой удобно быть.

Ее печалило, в сущности, только одно: какой он педант! Что и говорить, Аркадий не был педантом от рождения, по наследственности. Он стал им в силу избранного им пути, он стал им потому, что был очень трудолюбив, он стал им потому, что был менее способным, чем другие его товарищи. Добрая черта — упорство родило свойство тяжелое — педантизм. Как в той поговорке: «Каждое доброе свойство имеет свое дурное продолжение».

Итак, они подождали, пока Аркадий окончит аспирантуру. Потом они подождали, пока Аркадий защитит диссертацию. Потом они подождали, пока Светлана окончит университет.

И вот все позади. Они вдвоем. У обоих дипломы. У него — кандидатский, у нее — университетский. Свои как птицы. Можно жениться.

Они наконец женились.

Однако просто женатые люди — это еще не семья. Семья начинается с ребенка. Ответственный Аркадий Андреевич объяснил своей юной жене, что ребенок — это всегда великая ответственность, что родить ребенка ума не надо, но нужен ум, и немалый, чтобы родить его вовремя, по всем правилам настоящей человеческой ответственности.

Настоящая человеческая ответственность, по разумению Аркадия Андреевича, состояла в том, чтобы родить ребенка не абы как и не в любой миг, который впадёт в голову, а продуманно, сообразно обстоятельствам, с полной мерой чувств.

— Надо,—говорил Аркадий Андреевич,— чтобы ребенок был обеспечен, чтобы мы не нуждались, чтобы сложились все обстоятельства для благополучного продолжения рода.

А благополучные обстоятельства сложились далеко не тотчас, как Аркадий Андреевич получил кандидатский диплом. Сперва он еще поработал в школе, правда, теперь уже городской, не районной, где служил раньше, и сильной прибавки благополучия это не давало. И прошло еще два некоротких года, пока Аркадий Андреевич получил долгожданный пост преподавателя в том самом университете, который он кончал. Два года они терпеливо ждали, когда подступят, наконец, к окончательному созданию полноценной семьи.

Наконец он получил свой долгожданный высокий оклад.

— Светлана! — воскликнул Аркадий Андреевич. — Как там получится жизнь дальше, еще неизвестно. Давай хоть разочек съездим вместе в отпуск! Давай хоть чуточку пожьем друг для друга. Имеем мы на это право в конце-то концов?

Господи, да какая женщина устоит против такого! Были пальмы, прекрасная-синяя вода, жгучее солнце и они, вдвоем. Светлана и Аркадий точно проснулись, точно впервые увидели друг друга. Тоскливое бремя ожидания исчезло куда-то, пропало, и они остались один на один.

Счастливым вариантом: они снова увидели друг друга и снова друг в друга влюбились. Строгая сдержанность, утомительная самоотреченность, расчет, который называется «прагматизмом» — словечко, отдающее медициной, — все это оборвалось, будто никогда и не было с ними, будто они не изводили себя мучительным выжиданием собственного счастья. И на морском побережье остались двое в общем-то совсем молодых, бронзово-загорелых людей, между которыми не было ничего, кроме их собственной любви.

Это было счастье.

Точнее, это было началом их счастья.

Все, что происходило до сих пор, не принадлежало им, как будто даже их не касалось. Они смотрели друг на друга и не узнавали себя. Светлана — непокорная, своевольная хохотушка, Аркадий — какой-то бесшабашный удалец, которому все ничем. Глубокое и бурное море. Шумный и с небезопасными страстями ресторан, где и кутный и, оказывается, можно. Но главное — страсть, молодая, живящая страсть, которой оба предали без оглядки.

Страшно подумать: найди они друг в друге иных людей после ряда сдержанных и суховатых лет, счастья этого не случилось бы. Но этого не произошло. Они любили друг друга.

Я хотел написать: они по-прежнему любили друг друга, но вовремя спохватился. Это было бы неправ-

дой. Они любили друг друга не по-прежнему. Они просто полюбили друг друга. И Аркадий, которого так давно знала Светлана, оказался совсем иным. Другой оказалась и Светлана. И их озарило странное пробуждение, настигло странное прозрение: слова, которые говорили друг другу прежде, намерения, рассчитанные до последнего пункта, не умерли, слава богу, они лишь только как бы законсервировались. Аркадий оживил Светлану, говорил ей бесконечно: подожди, еще рано, рано. И ведь этой верой, не всегда обоснованной, можно было засушить себя. Ожидания не всегда заканчиваются ожидаемым. Разве редко на смену им приходит разочарование? И сколько намерений так и умирает благими!

Светлане и Аркадию выпало редкое счастье. Сквозь сухотку ожидания им удалось пронести себя в этом замороженном, что ли, виде. Редкое, признаемся, стечение обстоятельств. Чаще люди не выдерживают таких испытаний.

Что сохранило их друг другу? Взаимный прагматизм? Вполне возможно, бывает и такое. Один принял решение быть всегда лидером. Второй принял решение быть всегда подчиненным. И какой бы вред ни предлагал ведущий, ведомый подчинен ему безоговорочно, порой даже безгласно. Выдуманные, но признанные обоими веса соблюли равновесие, пронесли равновесие это сквозь нетерпеливое время.

Благо это или зло?

А кто его знает, где нынче благо, а где зло? Но у них было так. Спящую красавицу наконец-то разбудил ее принц, которому все было не до того, все некогда.

Через девять месяцев после черноморского отпуска Светлана родила мальчика.

Его назвали Олегом.

Олег был дитя долгожданное, а оттого особо и нежно любимое. Материнские инстинкты сложены веками любви, и нет особых причин удивляться Светланой привязанности. Другое дело Аркадий. Бесконечно счастливая, Светлана поражалясь его заботливости. Пока Олег был малышом, не проходило вечера, чтобы отец пропустил купание. Любовно протирал младенца, отталкивал плечом мать, таскал коляску, бесконечно ласкал и нежил сына, гордясь, что растет наследник.

Светлана мужем нарадоваться не могла. И внимательный и хозяйственный, таскает авоськи из магазина, стоит в очередях, бегаёт на детскую кухню за бутылочками с питанием. Не отец, а идеал.

Порой суверенно боясь сглазить образцовую идиллию, Светлана все же говорила мужу похвальные слова — не могла удержаться ей.

— А как же! — отвечал ей Аркадий. — Помнишь, я уверял тебя в том, что к рождению ребенка нужно подготовиться. И морально и материально. Ты думаешь, одно не связано с другим? Ошибаешься, милая женушка. Посмотри на этих сопляков, на этих юных мужей. Еще не успела пробиться щетина, а они уже отцы, кормильцы, главы семейства. Весь доход — жалкая «стипендия», а туда же! Живут в общепитии, сушат пеленки прямо в комнате, отделены от другого семейства прозрачной простыней, и вся эта, прости, несостоятельность прикрывается фразеологией, демагогической болтовней о любви, о зове природы. Милая женушка, зов природы можно и обуздать, направить в нужное русло, как упрямяту горную речку, что мы с тобой успешно и доказали.

Светлана радостно внимала мужу, согласно кивала головой. Могла ли она не согласиться с этими мудрыми, разумными доводами? Аркадий не то чтобы распалялся, ему просто нравилось рассуждать на эту тему. И он не отказывал себе в таком удовольствии.

— А разве мало вокруг примеров, когда юный муж, на усах которого не обсохло молоко, стыдится катать в коляске собственного ребенка? Не способен растаться с собственным эгоизмом, чтобы встать в очередь, помыть посуду, помочь молодой жене? Послушай-ка, милая женушка, разве тебе нужно объяснять, что такое разделение быта? И разве же ты не знаешь лучше меня, сколько семей распалось только потому, что муж и жена были слишком молоды и совершенно не готовы к семейной жизни?

Он прохаживался по комнате, закидывал за спину руки, казалось, он читает лекцию с университетской кафедры, а не говорит дома с собственной женой.

— Я убежден, что к семейной жизни человек должен готовиться. А слово «готовиться» означает — готовить себя.

Светлане порой казалось, что математика коснулась даже общежитейских рассуждений Аркадия. Но это только порой. Она тут же отмахивалась от критических придирок. Аркадий нравился ей во всем. А когда человек по-настоящему нравится, когда он истинно любим, его рассуждения, правые и неправые, хочется воспринимать как истину в последней инстанции. Да и сказал ли Аркадий хоть одно слово всуе, не по справедливости, был ли он хоть в чем-то неправ, хоть в чем-то покривил душой?..

Нет!

Светлана видела, как буйная студенческая вольни-

ца отряхивает веселье, выходит из розовых снов, сталкиваясь с реальностью, не всегда гладкой и ровной, как шибает ее об острые углы быта, как мокнут и тонут бумажные кораблики легковесного счастья, оставляя после себя безотцовщину, которую смело можно назвать студенческой.

Студенческая безотцовщина! Мальчишки и девочки, родители которых были студентами, а потом расстались. Первый угар прошел, истаяла начальная любовь, такая непрочная на поверку. А дети-то, дети остались. И какое им дело до того, что, оказывается, мать и отец их были просто в весеннем полусне, полюбили впервой, а потом разобрались, что это понарошку, что это ненастоящее.

Нет, у Светланы все было настоящее. Все было выстраданное. Все было проведено жизнью и строгим ее Аркадием. Олег рос. Рассуждая о нем, Аркадий Андреевич часто повторял:

— Мы живем благополучно во всех отношениях. Но надо, чтобы Олег, когда он подрастет, всего добился сам.

— Следует ему помочь! — восклицала Светлана.

— В том-то и дело, — строго и властно рассуждал Аркадий Андреевич, — надо, чтобы он взял лучшее от нас, чтобы наш опыт стал его опытом.

Он часто задумывался, размышляя об этом, Аркадий Андреевич. Видно, вспоминал себя, свое детство и свою юность, когда рос один у матери, а неизвестный ему отец был где-то вдали, никогда не возник в его жизни. Ни разу не помог ему ни словом, ни делом.

Не стоит над этим иронизировать — это очень серьезный момент мировоззрения Аркадия Андреевича. Ведь что такое мальчишка без отца? Ни строгого тебе слова, ни жесткого ремня, ни твердой руки, когда она так требуется, так нужна. Исследуя психологию Аркадия Андреевича, надо признать: это был его пункт. Вороша свою юность, вспоминая себя, Аркадий Андреевич давал, видно, клятву: собственного сына ни рукой, ни советом, ни наказом не обделять.

Олег был обыкновенным ребенком, ничем особо не выдающимся, прекрасно, видно, усвоив генетическую обыкновенность собственных родителей. Класе в восьмом, как это часто бывает, он вышел из повиновения. Как-то раз надерзил отцу, получил хороший ремня, и это послужило тревожным звонком для Аркадия Андреевича. Прежде всего для него.

Светлана пыталась пригладить конфликт, сровнять углы, вызвать у мужа снисхождение, но в Аркадии Андреевиче что-то замкнулось. Какой-то сработал невидимый рычажок. После домашнего скандала они пошли прогуляться по скверу вдвоем, Светлана и Аркадий, и муж без конца повторял одну и ту же фразу:

— Мы должны с ним что-то сделать!

К тому времени отношения Аркадия Андреевича со Светланой Петровной как бы вернулись в старое русло. Только русло это пролегло где-то в горах, на высоте гораздо большей, чем то, что было вначале. Светлана преподавала географию в школе. Считала Аркадия Андреевича своей стенкой и, как правило, решительно соглашалась с ним во всем, свято охраняя один оазис — оазис их любви.

Оазис охранялся. Ограничимся лишь констатацией этого факта. Аркадий и Светлана любили друг друга, включая в орбиту своей любви и собственного сына. Доказывая какую-нибудь теорему из их семейной жизни, доказывая, как всегда, свою безукоризненную правоту, Аркадий Андреевич часто восклицал в конце своей тирады: «Во имя нашей любви! Во имя нашей любви!»

Светлана замирала. Эти слова гипнотизировали ее. И в семейном ходу стали как-то привычными эти фразы, будто пароль — «Во имя нашей любви!» — когда речь шла об отношениях Аркадия и Светланы, когда речь шла об их отношениях к Олегу.

В тот вечер они долго ходили вокруг клумбы в скверике. И Аркадий Андреевич не раз повторял эту выспреннюю фразу: «Во имя нашей любви!»

— Я должен что-то сделать с ним! — восклицал Аркадий Андреевич. — Во имя нашей любви к сыну!

Перед этим он держал страстный монолог. Суть сводилась примерно к следующему:

— Мы не имеем права, чтобы Олег повторял наши ошибки. Даже невольные. Это человек средних способностей, не скрою, это доставляло мне много мучений в жизни. Не думаю, чтоб наш Олег был уникальнее нас. А поэтому ему следует много трудиться. Его отношение к урокам, к школе, его непослушание, эта выходка! Или мы подчиним его себе, или... — Он многозначительно умолк. И Светлана виновато опустила голову, точно далее следовало самое ужасное: или несчастье, или болезнь, или тюрьма.

Они рассуждали и об этом. Вокруг полно подростков, они сбиваются в какие-то подозрительные стайки, распивают плодово-ягодное вино в подъездах, дерутся между собой, а потом, случается, нападают на прохожих.

Дальнейшее всегда рисовалось им крайне мрачно: пьяный Олег, избитый прохожий, скамья подсудимых.

Что и говорить, газеты пестрели подобными историями. И здравомыслящим родителям было о чем порассуждать и чем обеспокоиться.

От клумбы в скверике они уходили просветленные, приняв определенное решение: бороться за сына. Этот путь Аркадий Андреевич видел только в одном — наставить Олега на истинный путь. А истинный путь — это хорошая учеба. Иные педагоги наносят немалый урон детям, когда внушают им, что будущее их прекрасно и необычно. Нет, трезво считал отец, жизнь не безоблачна и не прекрасна. Прекрасную и безоблачную жизнь надо еще заработать. Страшным, адским трудом. Этот адский труд — он сам, Аркадий Андреевич, вся его жизнь, вся ее суть.

А это значит, что Олег должен быть похожим на отца. Это значит, что Олег должен трудиться еще больше, ибо сегодня попасть в вуз гораздо сложнее, чем раньше. Путь в жизни может быть только один: школа, потом институт. ПТУ или работа — это для многих. И мы не циники, утверждал Аркадий Андреевич, чтобы внушать Олегу, что это путь не для него. И тем не менее это путь в обход, путь не прямой. Прямой путь в русле сознательности, понимания, подчинения, покорности. В конце концов что здесь плохого? Ведь речь идет о покорности не кому-нибудь, не какой-нибудь злой воле, недоброй силе, а отцу, родному отцу и родной матери.

Тот давний, далекий, отроческий бунт — о нем и вспомнить-то теперь нечего — обернулся для Олега преддверием новой жизни. Жизнь эта состояла в том, что он должен был согласно кивать головой, когда отец, приходя из университета, повторял ему:

— Ты только выбери себе факультет, я тебя подготовлю. Ведь я твой родной отец и в то же время преподаватель университета. Не всем так везет!

Светлана Петровна не отставала от мужа: — Милый, дорогой сынуля! Разве ты не видишь, что мы заботимся о тебе и только о тебе! Наша жизнь определилась, мы не ждем от нее ничего нового. А у тебя все впереди, все в будущем.

Жизнь Олега превращалась в пьесу. Ему отводилась маленькая и скромная роль статиста или актера второстепенного, подающего отдельные реплики. Главными действующими лицами были отец и мать. Их речи в точном соответствии с законами драматургии то были диалогами, уточняющими те или иные идеи, то превращались в монологи — восторженные, обличающие или увещивающие.

Олегу, подростку, в то время уже прекрасно сознающему себя, порой казалось, что он находится в каком-то поразительном театре, где идет бесконечная репетиция спектакля, премьера которого так никогда и не состоится.

Но скоро понял: лучше всего внимать, слушать, соглашаться — это идеальный вариант, — иногда подавать не очень возразительные реплики. Зато потом можно выйти в туалет или на лестницу и там вздохнуть полной грудью, освобождаясь от этих надоевших речей. Возражать? Спорить? Он не сделал ни единой попытки — таким крепким был родительский барьер. Не вполне зрелым, но верно чувствующим умом Олег понял: сопротивление бесполезно, лучше плыть по течению, к тому же родители правы, кругом только правы, всегда правы.

Отец: Как ты будешь жить там дальше, это в конце концов твое дело. Наш родительский долг — помочь тебе в самом начале пути. Милый Олег, ты не всегда способен понять, что с тобой происходит, ты не всегда знаешь, как тебе надо поступить. И нет ничего странного, если родители дают тебе рациональный совет.

Мать: Миленький мой, неужели так трудно понять, что это любовь, это наша к тебе любовь? Мы хотим тебе лишь добра, исключительно добра. Ты окончишь институт, найдешь себе хорошую девушку, будешь счастлив. И век, до седых волос, даже после нашей смерти будешь благодарить нас за то, что когда-то, в твои смутные годы, мы помогли тебе своим упорством и своим терпением.

Отец: Конечно, многие сегодня говорят, что рабочий может заработать гораздо больше, чем специалист, чем инженер, чем врач, чем учитель. Согласен, дорогой. В конце концов, окончив институт, ты можешь пойти рабочим. Никто это не запретит. Но сначала, наш милый, ты должен окончить вуз.

Мать: А дороги к этому идут только через хорошую учебу. Если тебе трудно, ты не должен скрывать. Пала поможет тебе, и я не последний человек. В конце концов мы найдем тебе репетиторов, милый Олежа.

Отец не пропускал даже самого малого повода, чтобы не преподнести сыну очередную тираду. Например, вышагивая мимо пивной, он кивал презрительно в сторону и говорил:

— Тебе нравится эта публика, эта компания? Сын испуганно восклицал: — Что ты, папа! — будто он только и знал, что топтаться возле этой пивнушки и яхшаться с этими алкашами.

Отец: Люди, потерявшие всякую идею! Полное

отсутствие интеллекта и смысла жизни! Нет, дорогой сынок, что ни говори, а смысл жизни дают только знания и только целеустремленное желание реализовать эти знания.

Мать: Сыночек, я женщина, и мне очень повезло. Я нашла нашего папу. Я за ним как за стеной. Но я женщина. Мужчине гораздо труднее. Посмотри, как папа работает, какие ворочает горы. Тебе предстоит то же самое. Не забывая, что ты мужчина, а в будущем хозяин собственной семьи, ее защита, опора, ее, наконец, кормилец.

Отец: Главное в жизни — обрести духовность. В сфере материального производства, дорогой сынок, я имею в виду рабочих, тоже встречаются проявления духовности. Интеллект рабочего резко возрос, но, что ни говори, подлинная, глубинная духовность процветает лишь среди интеллигенции. Это доказано историей, подтверждено опытом.

Мать: В конце концов мы с папой не зря выбивались из простых семей и теперь просто не можем вернуться обратно! Милый Олежа, что делать!

Чувство меры и вкуса изменяло раньше всего Светлане Петровне. Может, оттого, что она была по-женски менее осмрительна. К десятому классу Олегу наняли двух репетиторов: по русскому и по литературе. Подтянуть математику и физику ему помогал отец. Светлана Петровна занялась историей. Чем ближе выпускные экзамены, тем короче, лалидарнее и афористичнее фразы родителей в этом домашнем спектакле.

Мать: Олежа, я создаю тебе все условия. Что ты хочешь на завтрак, на обед, на ужин? Только занимайся, дружок, не оталекайся ни секунды. Ты должен, должен, должен! В конце концов отец — преподаватель этого университета.

На последней прямой Олег все же взбунтовался как мот: бунт на коленах. Он сказал родителям:

— Я и не собираюсь поступать в университет, где работает мой отец. Я хочу поступить в институт международных отношений.

Это было как шок. Но возражать трудно. В конце концов Олег выбрал чрезвычайно престижный институт, а, кроме того, у него к тому времени был любимый предмет — английский. А это уже что-то. Но для страховки ему наняли репетитора и по английскому.

Круг сужался. Центром круга родители назначили день, когда Олег станет студентом. И вот этот круг сужался — времени до институтских экзаменов становилось все меньше.

Школьные экзамены Олег сдал вполне пристойно, получив за аттестат общую пятерку: оказалось, что в школе своей он учился десять лет без всяких переходов, родителей его учителя хорошо знали, семья считалась образцовой — родительское сверхзаботливое отношение к сыну, когда не только двойка беспокоит взрослых и даже не тройка, а четверка вызывает звонок, визит, длительный разговор с учителем, заканчивающийся непрерывной просьбой вызвать Олега немедленно, завтра же, если нет возможности, он останется после урока, но четверка должна быть заасфальтирована, как временная выбоина на дороге. Если эту выбоину оставить, любил повторять учителям Аркадий Андреевич и Светлана Петровна, какой ухаб, провал в знаниях может она повлечь? Что мог возразить учитель? Школа воевала с двойками, тут предлагалось исправить четверку. В душе какого учителя столь взыскательная требовательность родителей вызовет отрицание?

Олег поправлял четверку на пятерку. Даже если пятерку приходилось натягивать. Благой порыв следует поддержать, не так ли? К тому же всякая школа гордится своими отличниками.

Итак, школьные экзамены Олег сдал превосходно, и единственная четверка по алгебре не снизила общего балла. Светлана Петровна вздохнула было с некоторым, хоть и частичным, облегчением, но Аркадий Андреевич резко подкрутил в ней расшатавшиеся болты:

— Ты что, это лишь полпути, притом самые легкие, и не смей расслаблять Олега: ему предстоит взять главный барьер.

Круг сужался, и справедливости ради надо сказать — родители явственно ощущали, что сужается он и для них. Любовь к сыну вполне естественно оборачивалась повышенной ответственностью их самих, принятием на себя волнения, правда, чрезмерного, и до такой степени, что неясно было: вступительный экзамен приближается и в худшем случае — не поступление в институт или суд, когда Олега то ли оправдают, то ли дадут долгий срок за полным отсутствием вины.

Желание счастья для собственного сына оборачивалось взвинчиванием — и не только его, но и самих себя. Взвинчивание это, неистовая лихорадка усиливались еще и тем, что никак не находилось дорожек к институту международных отношений. Ну хоть бы словечко кому замолвить, попросить, на колени встать, коли потребуется; примите, сделайте милость, не ломайте судьбу нашему единственному сыну. Но, как на грех, знакомства и дружества

Аркадия Андреевича касались лишь точных дисциплин, а какая в международном точность — разве на экономическом факультете, но Олег замахнулся на чистую дипломатию, а тут требовались историки, филологи, англичане.

Надо отдать должное, упорство отца оказалось серьезной силой. Используя отдельные связи знакомых своих знакомых, он все же пообщался с кем следует, кажется, в достойном такого дела месте, с отличными цыплятами табака и «Киндзмараули» в микроскопическом охотничьем зальчике ресторана «Баку» — но прошу без всяких подозрений: ничего гадкого не было, просто сказал о такой вот беде, о такой проблеме: сын хочет стать дипломатом, но известно, как трудно даже отличнику поступить в такой престижный вуз.

Уклончиво — как же иначе! — в обтекаемых формах ему обещали приглядеть, посмотреть, постараться, но ясное дело: никаких гарантий быть не может, все зависит от Олега, от поступающего, от его знаний — если уж завалит, тут сам господь бог не в силах, и все такое....

Аркадий Андреевич кивал головой, сокрушался: — Ну вот хочет дипломатом, нет чтоб куда в другое место.

И ловил себя на неожиданной мысли: а хочет ли Олег непременно в дипломаты-то? Сказал однажды, они не переубедили, отчего так и пошло — международный, международный... Но так, чтобы Олег повторял это или рисовал им, родителям, картинку своей будущности, этого не было, нет. Странное дело: обычно, когда человек выпивает, голова его становится тяжелее, мысли туманнее, а тут, в охотничьем зальчике, с Аркадием Андреевичем все было наоборот: мысль оттачивалась, становилась острее.

«Да хочет ли Олег в дипломаты в самом-то деле? — думал он. — Ведь это, пожалуй, мы со Светланой захотели, схватились за первую его идею. В чем дело? Не захотел в университет, потому что я там? Обдурил нас? Но ради чего, коли родители желают добра?»

Какое-то смутное предчувствие терзало Аркадия Андреевича, и, впрямь, в дело со всем возможным упорством педанта, он расстроил себя возможностью тяжелого провала. Из-за необъяснимого протеста, тихого бунта собственного сына!

Возможно ли? Аркадий Андреевич вернулся из ресторана с твердым намерением выяснить правду. Вначале поговорил с женой.

С его точки зрения, она по-бабьи глупо стала округлять глаза и ужасаться странным предположениям мужа. Нет, Светлана порой действительно дурела от своей неуемной материнской любви, подумал он, решив с известной долей печали, что опять ему одному придется брать на себя всю ответственность за будущее сына.

Аркадий Андреевич глубоко вздохнул. Этому вздоху суждено стать решающим, в какой-то степени историческим, по крайней мере для судьбы Олега.

Полагаться больше было не на кого, и отец пошел к сыну на решающий разговор: до экзамена оставалось три дня.

Разговор шел целых три дня. С большими паузами, ясное дело, Олегу приходилось готовиться к экзаменам. Но даже три перерыва по двадцать минут, проведенных с упорным отцом — и так в течение трех дней, — могут слиться в один непрерывающийся монолог.

По крайней мере такое ощущение испытал Олег. Аркадию Андреевичу казалось потом, что самые напряженные слова были произнесены вначале, когда выявилось, что он ошибся, что Олег не таит никаких тайных умыслов и действительно хочет быть дипломатом. Потом, по мнению Аркадия Андреевича, просто шли легкие, но впечатляющие рассуждения о смысле бытия. Это полезно любому человеку перед решающим испытанием.

Олегу все казалось иначе. Сначала выяснение какой-то глупости: действительно ли он хочет в международный. Он принял этот вопрос отца как последнюю попытку помочь ему отдать документы в университет, а там легче. Все остальные разговоры обернулись трехдневной пыткой. Ему казалось, отец все сказанное за долгие годы решил повторить в несколько дней.

Со стороны это был последний, отчаянный пресинг, даже запугивание.

Он, например, врывался и говорил:

— Это катастрофа, катастрофа.

Сын: Какая катастрофа?

Отец: Если ты не поступишь, это же катастрофа! Осенью заберут в армию, а через два года — начная все сначала! Пирамида, возводимая нами столько лет, рухнет в один миг! Нет, ты представляешь, как надо собраться, в какой кулак сжать свою волю, энергию, знания, сообразительность.

Сына можно уберечь от отца, желающего ему зла.

Сына трудно уберечь от отца, желающего ему добра.

Олег ощущал, как обрывается сердце, когда на пороге возникает отец. Покрывался испариной, когда отец заводил свою нескончаемую речь. Бледнел, когда отец вскакивал со стула и принимался бегать по комнате, размахивая руками и требуя послушания.

Будущая, если он не поступит, жизнь казалась мрачной чернотой, судьба подводила его к краю крутого обрыва. Экзамен, конечно, дело необычное, даже страшное, но Олегу его будущий экзамен казался адовым огнем, судом, окончательным и бесповоротным решением участи.

Но любовь может ослепнуть в своей иступленности. Ни отец, ни мать не видели, как сжимается, как опускает плечи их собственный сын, растоптаный, сожженный их испепеляющей любовью.

Хуже того, выходя из комнаты Олега, Аркадий Андреевич отирал пот со лба, как после тяжелой работы, и говорил жене:

— Лучше переждать, чем недождать.— И добавлял, подумав:— Во имя нашей любви.

Выходит, он пережил сознательно, не доверяя Олегу?

Светлане казалось, это такой педагогический прием, глубоко обоснованный психологически: перед решающим событием надо подготовить к нему ребенка, выжать из него максимум того, что требуется на экзамене,— собранность, ответственность, энергичность.

Ну да, не темные же они люди—оба преподают, она в школе, он в университете, правда, уж очень трудно установить, где кончалась педагогика и началась любовь, где кончалось воспитание ответственности и начиналось запугивание.

Утром, перед экзаменом, отец сказал Олегу:

— Это смерти подобно!

Правда, тут же добавил, обняв сына:

— Ничего, не волнуйся, вперед, к победе!

Олег захотелось броситься на диван, завыв в полный голос. Он поцеловал отца и мать и ушел на экзамен.

Первым было сочинение.

Справа и слева сидел народ—молодой, веселый, под столами шуршали целые тетради, списывали хоть и бойко, но осторожно.

Он задумался, стал выбирать тему, тут же покрылся потом, похолодел. Одна тема казалась просто замечательной, он принял ее писать, но вспомнил отца, подумал, что ведь нужна непременно пятерка, иначе смерть, в общем, ужасно, и что будет дома, представить невозможно.

Перо, отличная заграничная ручка, приносившая счастье, брызнуло поперек страницы, пришлось просить чистый лист—каждый со штампом,—начинать все снова.

Знакомая тема оборачивалась тупыми словами и глупыми предложениями.

Время летело. Сочинения стали сдавать—сперва некоторые, а потом косяком, все подряд, но Олег не написал еще половины.

Руки дрожали, он был бледен и все думал про отца—только отец не выходил из головы.

Что он скажет? Как жить?

Олег перечитал написанное—настала пора сдавать, а он так и застыл на половине. Сочинение показалось ему убогим—на уровне седьмого класса: где уж тут дипломатия!

Он взял листы и рванул их.

Думал он только про отца.

Летом на московских вокзалах душно и людно. Все скамьи заняты—ждут своего часа транзитные пассажиры. Некоторые лежат.

И вокзальный запах: как ни старайся, а стеклянный куб Курского вокзала, списанный с зарубежных образцов, нет, не для наших железных дорог и долгих пересадок.

Среди скамей, забитых народом, появился высокий светловолосый мальчик интеллигентного вида.

Кто-то заметил, что у него отсутствующий вид. Кто-то подумал, что мальчику здесь, среди лавок, делать нечего—на вид явно москвич, мог бы и домой пойти. Кому-то показалось, что он слишком бледен и нездоров.

Потом мальчик упал. Кто-то сказал пренебрежительно:

— Пацан, а набрался!

Мальчика тошнило.

Кто-то позвал милицию.

Но среди транзитной толпы всегда найдется добрая душа, милиция сказала про его странный вид. Пьяным он не был.

Вызвали «неотложку».

В больнице установили дикий диагноз: инфаркт миокарда в семнадцать лет.

Это был Олег.

Его выносили, он жив.

Институт?

Как-то все выйдет у них дальше?

Леонид
МЛЕЧИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ПРОЕКТ

Из «коричневой тетради» Редлиха.

Выдержки из заявления Национальной партии:

«Уже много месяцев пытаются обмануть общественность относительно целей и намерений Национальной партии. Единственный ответ на наши политические аргументы—это беспримерная травля новой партии.

Почему же нас так бесстыдно травят? Потому что боятся правды.

Правда состоит в том, что в душе нас поддерживает большинство немцев.

Почему? Потому что наша программа отвечает характеру и стремлениям немца. Потому что наша партия выросла на подлинно немецкой почве и каждый, в ком течет истинно немецкая кровь, наш единомышленник.

Мы хотим добиться коренных преобразований в Федеративной республике, создания национально-авторитарного государственного строя, который отвечает нашему национальному духу.

Наши главные ценности—нация как естественное жизненное сообщество, понятие здоровья, чистоты в самом широком смысле; наше кредо—антиматериализм, идеология верности отечеству, национальное самоуверждение.

Мы избавим Германию от лодырей и преступников. Если бы существовали трудовые лагеря, дисциплина и порядок установились бы сами по себе. В стране царит хаос, в котором виноваты американцы и масоны. Национальные силы подавляются до сих пор. Необходимы суровые меры, чтобы навести порядок в доме. Наша партия способна взять на себя такую ответственность.

Смертельную опасность для нашего народа представляют иностранные рабочие, которые создают засилье чужеземцев в стране и тем самым угрозу для существования и чистоты немецкой расы. Если этот процесс будет продолжаться и впредь, немцам придется забраться в норы, а господствовать будут другие.

После поражения Германии нас пытаются заставить отказаться от немецких ценностей, таких, как национальное чувство, порядочность, верность, любовь к отчизне. Чужеземцы навязывают нам культуру кока-колы, героина, голливудских фильмов и джинсов. Наше требование—сохранить в чистоте немецкий дух.

Вот почему травят Национальную партию».

Кристиана просто мутило от назойливого голоса оратора, от его толпы, с восторгом ловившей слова своего лидера, окружавших его поклонников Национальной партии. Выбравшись из толпы, он с облегчением вздохнул. Кто-то стоящий рядом посмотрел на него с удивлением. Кристиан поторопился отойти в сторону. Машинально поправил рубашку, пиджак—пока пробирался в толпу, чуть без пуговиц не остался.

Утром ему позвонила вдова Хорста. После убийства мужа по совету Кристиана она подала жалобу прокурору.

«Полиция сообщила мне, что мой муж покончил жизнь самоубийством. Такой вывод—нелепость. Разве человек просит позвонить домой и сказать, что приедет через двадцать минут, если собирается покончить жизнь самоубийством?»—писала она в заявлении.

Теперь она получила ответ прокурора, который и прочитала Кристиану по телефону: «Не вижу оснований для пересмотра дела. Из материалов следствия ясно, что самоубийца последнее время находился в подавленном состоянии, граничащем с болезненной депрессией. Обстоятельства его смерти не дают ни малейших оснований предполагать, что это убийство».

В редакции еженедельника, для которого писал Хорст, вдове обещали, что в очередном номере обязательно напечатает его последнюю статью, а заодно прибавят несколько слов насчет странного нежелания полиции внимательно заняться этим делом.

Кристиан специально купил этот номер, но не нашел там статьи Хорста.

Кристиан не знал, что накануне выхода журнала редактору позвонил издатель. «Вы знаете, я никогда не вмешиваюсь в вопросы, относящиеся к вашей компетенции. Содержание журнала целиком определяете вы. Но я бы хотел дать вам совет... Надеюсь, вы к нему прислушаетесь. В номере стоит статья этого... самоубийцы. Ее публикация сослужит журналу плохую службу. Мы ведь не гонимся за уголовными сенсациями—кстати, таково было условие, которое вы мне поставили, когда согласились возглавить журнал. Я не знаю, о чем статья, да это и неважно. Сам по себе материал журналиста, покончившего с собой, вызовет нежелательный шум... А что касается гонора, то его надо выплатить вдове в полном объеме. Я вас убедил?»

Статью сняли из номера и заменили репортажем с выставкой породистых собак. «Отличные фото»,—единодушно отмечали читатели, приславшие хвалебные письма в редакцию.

Кристиан направился домой. Слушая речь, он твердо

решил исполнить то, что не успел сделать его друг-журналист: написать большую статью о тайной организации новых фашистов, которые остаются безнаказанными. Он больше не может быть в стороне, когда с трибуны открыто проповедуются фашистская идеология, а тысячи людей восторженно внимают оратору. Теперь Кристиан не мог себе простить, что так долго бездействовал.

Конечно, по натуре он не боец. Даже в университетские годы он не принимал участия в дискуссиях, предпочитая оставаться один на один с чистым листом бумаги, на котором можно спокойно, не торопясь изложить свою точку зрения, аргументированно опровергнуть оппонентов. Но теперь этого мало. С теми, кто убил Норберта, Дональда Мэрфи, Хорста, кто призывает покончить с демократией, бороться надо всерьез.

Кристиан свернул в первый же переулок, собираясь взять такси и побыстрее приняться за дело. Задумавшись, он толкнул стоявшего к нему вполборота широкоплечего человека. Тот гневно повернулся:

— Какого черта...

Кристиан, чувствуя себя виноватым, открыл рот, чтобы извиниться, и замолк. Перед ним стоял Гельмут Хайссе, племянник профессора Циммера из Японии.

Институт был надежно укрыт пышной шапкой густой экзотической растительности. Все постройки института были разбросаны на площади в два квадратных километра, обнесены со всех сторон колючей проволокой и сторожевыми вышками. Служба безопасности—ее сотрудники ходили в серо-зеленой униформе, сшитой из легкой тропической ткани,—повсюду установила электронные системы контроля. Ночью обитателей института часто будил рокот моторов—самолеты «Си-эй» покидали джунгли, когда темнело. В центре территории стояло наполовину завершенное единственное двухэтажное каменное здание (все остальные постройки были просто одноэтажными бараками) контрольного пункта, у дверей которого круглосуточно дежурили охранники с автоматами. Судя по антеннам, возвышавшимся над контрольным пунктом, институт располагал мощной системой связи.

Когда в Западной Германии начался митинг Национальной партии, руководители института собрались у включенного на полную мощность радиоприемника.

В комнате радиоприемника столпились несколько десятков человек. Самым старым из них было около семидесяти, самым молодым—чуть больше двадцати. Старшее поколение перебралось в Латинскую Америку после крушения нацистского режима. Много лет они провели в джунглях, мечта о том дне, когда они вернутся в Германию победителями. Молодые обитатели института родились и выросли в немецких поселениях, разбросанных по континенту, и никогда не видели страны, о которой говорили их родители. Они жили в нереальном мире, населенном мифами и мертвецами. Их воспитывали на национал-социалистических идеях, заставляли читать «Мою борьбу», «Миф двадцатого века», старые номера «Фолькише Beobachter», «Ангриф», «Шварце Кор», пожелтевшие страницы которых были истрепаны страдавшими ностальгией по фашизму. Расовая теория, кровь и почва, культ фюрера, надежда на возрождение фашизма, почтительное насилия и непоколебимая вера в возможность с его помощью добиться своих целей—в такой атмосфере они жили. Им внушали манию ответственности с присущими ей ценностями—нордической твердостью, борьбой с врагами, учили презирать культуру, особенно городскую, «асфальтовую», несущую мизантропию.

Три года они трудились над проектом «Вальхалла». Вернее, работали ученые, те, кто прошел переподготовку в ядерном центре в Карлсруэ, и те, кого «коричневый фронт», как Норберта Хартунга, похитил и вывез в институт. Остальные обитатели института в основном были озабочены обеспечением секретности проекта «Вальхалла».

Когда из радиоприемника раздались аплодисменты и восторженные выкрики толпы, приветствовавшей лидера Национальной партии, в комнате все смолкло. Для «коричневого фронта» в целом атомная бомба, созданная в институте, была главной, но не единственной ставкой. Люди в институте все надежды вернуть, и вернуться победителями, хозяевами положения, связывали с проектом «Вальхалла».

Испытывая первое ядерное взрывное устройство, они уничтожили пассажирский корабль «Генерал Шерман», сбившийся с курса. Взрыв можно было и отсрочить, дав кораблю уйти, но обитателям института хотелось поскорее убедиться, что проект «Вальхалла» завершен. Судьба ста пятидесяти человек их не волновала.

Теперь в самолет погрузили вторую бомбу, большей мощности. Когда начался митинг Национальной партии, самолет с атомной бомбой был уже готов к вылету. Он стоял в начале пустой взлетно-посадочной полосы. Пилот и штурман тщательно осматривали машину.

Окончание. Начало в №№ 9—12.

«ВАЛЬХАЛЛА»

Рисунки Виталия ЛУКЪЯНЦА

Из коричневой тетради Редлиха.

«Валь — совокупность погибших на поле боя героев... Вальхалли или Вальхалла — в древнегерманской мифологии место почетного пребывания павших воинов, которые избраны богом битвы Одином... Валькирия — легендарная боевая дева, которая несет погибших воинов в Вальхалл».

Взято из «Дас дойче ворт». Правописание и объяснение немецкой лексики, а также иностранных слов. Обработано в соответствии с нормами, установленными государственными учреждениями, Рихардом Лекруном, студентом в гимназии Лессинга (Берлин). «Издательство Георг Дольхаймер, Лейпциг, 1933».

Кристиан и Хайссе молча смотрели друг на друга. С площади доносился рев толпы, а в переулке было тихо. Здесь находилось несколько контор фирм, закрытых по случаю выходного дня. Чуть поодаль стоял длинный серебристый «мерседес» с затемненными стеклами, за которыми маячили силуэты голов. Мотор чуть слышно работал на холостых оборотах.

Боковое стекло машины медленно опустилось. Кристиан машинально посмотрел туда поверх головы Хайссе. Тот невольно оглянулся и сунул руку в карман. Тогда Кристиан, повинувшись инстинкту самосохранения, бросился бежать. Он не успел пробежать и трех метров.

Кристиан рухнул лицом на грязный асфальт, затоптанный тысячами ног спешивших на площадь поклонников Национальной партии. Несколько секунд он еще жил и успел подумать почему-то, что никогда не любил автомобили серебристого цвета...

Выстрелив, Хайссе бросился к машине, задняя дверца которой была уже предупредительно открыта. Въехав на тротуар, водитель развернулся и погнал «мерседес» прочь от пустынного переулка, где, раскинув руки, лежал убитый Кристиан Редлих.

— Быстрее! — бросил Хайссе водителю в темных очках. — Зачем ты это сделал? — прошипел Циммер, который решил приехать в Федеративную республику с чужим паспортом, чтобы самому присутствовать при торжестве движения. Теперь он проклинал Хайссе и самого себя. — Сейчас нас остановит полиция. Ты понимаешь, что будет со мной, если я попадусь ищейкам? Пятнадцать лет как минимум. — Заткнись, — огрызнулся Хайссе. — Что же было делать? Этот Редлих донес бы на нас, если бы ушел живым.

Водитель выжимал из машины все, что мог, торопясь выбраться из лабиринта узких переулков. От рева мотора, который гоняли на слишком высоких оборотах, звенели оконные стекла. Вильнув в очередной раз, серебристая

машина свернула направо и вылетела на полосу встречного движения. Мотоциклист, мчавшийся навстречу, уходя от удара, врезался в столб.

— Полиция! — завопил Циммер, потерявший остатки своей профессорской вальжности.

На перекрестке расположился моторизованный патруль. Полицейских, удобно устроившихся в машине, несколько не интересовали проезжающие автомобили, но на такое вопиющее нарушение они не могли закрыть глаза. Старший из них начал нехотя вылезать из машины, чтобы заняться проколом, но с удивлением увидел, что нарушитель, вместо того, чтобы покорно ожидать блюстителя закона, пытается скрыться.

Серебристый автомобиль рванулся к выезду на магистраль. Этого патруль допустить не мог, полицейская машина перегородила дорогу. Водитель «мерседеса» резко затормозил и начал выворачивать руль, собираясь опять развернуться. Теперь только до полицейских дошло, что тут дело серьезное. Двое из них бросились к «мерседесу». В ту же секунду из серебристого автомобиля выскочил водитель и бросился бежать. Задние двери тоже распахнулись, и показались еще двое. Один из них, поменьше ростом и помоложе, выстрелил в спину водителю. Тот упал.

Шофер патрульной машины начал вызывать по радию подкрепление.

Хайссе, прижавшись к стене дома, стрелял уже по полицейским. Те отвечали огнем. Бессмысленно метавшийся Циммер угодил под пулю, споткнулся и медленно повалился на землю.

Гельмут Хайссе ушел.

Слушая по радио репортаж о выступлении лидера Национальной партии, в институте не уловили более сдержанной, чем обычно, интонации оратора. Он избегал выражений, которые могли бы показаться призывом к «походу на Бонн». Это был результат ночной беседы в доме лидера партии.

В институте подалась на демагогический лафос обвинения в адрес «продажных политиков», «предателей нации». К середине речи все собравшиеся в комнате радицентра были уверены в успехе своих западногерманских единомышленников. Был отдан приказ о вылете самолета. В принципе они должны были ждать подтверждения от Гонсалиша, но рев многотысячной толпы казался достаточным основанием.

Норберта Хартунга держали в третьем блоке — бараке с зарешеченными окнами, выполнявшем роль карцера. Узнав, чем занимается лаборатория, в которой его заставили работать, Хартунг сознательно сделал в расчетах ошибку, которая должна была свести на нет работу всей группы

ученых. Мысль о том, что он станет помогать фашистам создавать атомную бомбу, была для него нестерпимой. Но он недооценил институт. Все расчеты Хартунга тщательно проверялись. Ошибку быстро нашли, поместили непокорного физика в третий блок. Его судьба должна была решиться после успешного завершения плана «Вальхалла».

Он услышал рев самолетного двигателя и посмотрел в маленькое окошко.

Стреловидный силуэт взмыл вверх, набирая скорость, вдруг качнулся вперед, словно клюнул кого-то, и резко устремился вниз... «Катастрофа?» — мелькнуло в голове Хартунга.

Мгновением позже раздался взрыв, языки пламени взметнулись к небу. А затем, затмевая полуденное светило, сверкнула вспышка, которая и в самом деле была «ярче тысячи солнц», как успел подумать Хартунг.

Президент начал свой день с папки, на которой значилось: «Для президента. Разведывательная контрольная сводка. Совершенно секретно». За ней следовали телеграммы от послан в особо важных странах, а также сверхсекретная «Черная Книга» агентства национальной безопасности. Закончив чтение, президент снял очки и взглянул на часы: на завтрак был приглашен Уайт.

Сложные отношения связывали президента с помощником по национальной безопасности. При прежнем хозяине Белого дома статус помощника невиданно укрепился: в Вашингтонской иерархии он потеснил даже госсекретаря. Без Совета национальной безопасности не принимались никакие внешнеполитические решения. В принципе это устраивало президента. Но, следуя до поры советам Уайта, президент имел обыкновенное время от времени взрываться и поступать совсем не так, как того ожидал помощник по национальной безопасности.

Уайт почувствовал, что разговор будет неприятным. Он только что прилетел из загородного домика, где прекрасно провел уик-энд, отключившись от всех проблем, и с трудом настраивался на обычный деловой лад. Президент бросил короткий взгляд вверх очков.

— Вы видели сводку?

Уайт не понял.

Он начинал свой рабочий день раньше президента, и ему уже доложили, что разведывательный спутник опять зафиксировал взрыв атомной бомбы малой мощности примерно в том же районе земного шара, что и предыдущий. Неприятный сюрприз для Уайта. Эдвард Малькольм уверил его, что ЦРУ держит руку на пульсе в этом деле.

— Что вы скажете?

— Господин президент, во-первых, я отложу все дела, чтобы немедленно заняться взрывом. Во-вторых, уверен, что та вспышка и этот инцидент не связаны между собой. Если разрешите, я позднее представлю вам подробный доклад.

Уайт говорил, как типичный университетский профессор, прочитавший не одну сотню лекций, ясными, округлыми фразами, четко выговаривая каждое слово и правильно расставляя ударения.

Президент, слушая его, всем своим видом выражал неудовольствие. Когда Уайт закончил, президент кивнул:

— Хорошо.

Уайт вышел, собираясь сквитаться с Малькольмом за унижение, которое он только что вытерпел в Овальном кабинете.

Президент встал из-за стола, полистал библию, за которую всегда брался, когда был не в духе, и вслух прочитал:

«Всякий советник хвалит свой совет, но иной советует в свою пользу; от советника охраняй душу свою и наперед узнай, что ему нужно, ибо, быть может, он будет советовать для самого себя...»

Труп Кристиана Редлиха обнаружили еще до того, как митинг закончился. Журналисты, которые были уже по горло сыты митингом Национальной партии, переключились на убийство и перестрелку с полицейским патрулем.

В понедельник утром полицей-президиум сообщил, что один из убитых — нацистский преступник, давно разыскиваемый и приговоренный заочно к пятнадцати годам тюремного заключения. Этот эпизод, наложившийся на митинг Национальной партии, испортил ее руководству весь эффект. Левая печать с фактами в руках заговорила о политическом терроре, который развязывают неонацисты. Некоторые места из речи лидера партии до удивления напомнили выступления вождей «третьего рейха», что газеты доказали, опубликовав соответствующие выдержки. Последовал запрос в бундестаге. Лидеру партии пришлось объясняться и оправдываться. Выстрелы из бесшумного пистолета Гельмута Хайссе спугали карты и ему и его единомышленникам.

Еще до наступления утра в аэропорте Кельна было неожиданно раскуплено значительное число билетов на заграничные рейсы.

За несколько утренних часов Уайт успел сделать довольно много. Прежде всего помощник президента принял все меры, чтобы информация о новом взрыве никоим образом не попала в печать.

— Что толку? — засомневался один из сотрудников Совета национальной безопасности. — Сейсмические лаборатории отметили толчок, рано или поздно эта история все равно всплывет наружу.

— Ну, это мы еще посмотрим, — задумчиво проговорил Уайт, — а сейчас главное — не раздражать президента. Его тоже надо понять: если пресса заговорит о неизвестном атомном взрыве, поднимется шум. — Он посмотрел в окно. — А список лабораторий, которые могли зафиксировать толчок, на всякий случай принесите. Попробуем с ними побеседовать. В конце концов они, ведь заинтересованы в государственных субсидиях на свою деятельность.

После обеда к Уайту приехал Эдвард Малькольм с документами, в спешном порядке подготовленными его аппаратом.

Уайт просидел над ними до вечера. На утро была назначена пресс-конференция помощника президента по национальной безопасности.

Небольшая группа доверенных сенаторов была срочно приглашена на совещание. Как им сказали, по личной просьбе президента. В комнате «С-407» на Капитолийском холме, которую считают самой надежной — в смысле обеспечения безопасности (она оборудована сложными электронными устройствами, исключающими любую возможность подслушивания, у дверей усиленная охрана), — первый заместитель директора ЦРУ сообщил законодателям подробности относительно атомных взрывов. Рассказал все без утайки. На этих людей администрация могла положиться.

Стенограмма пресс-конференции помощника президента по национальной безопасности Уайта:

«Добрый день, дамы и господа. Вначале я сделаю небольшое заявление, а потом отвечу на ваши вопросы.

В последнее время мы с вами стали свидетелями расцвета международного терроризма. В целом ряде демократических государств, являющихся нашими союзниками, совершаются убийства, взрываются бомбы, льется кровь.

Все эти преступления — их количество достигло опасного уровня — наводят на мысль о существовании центра международного терроризма, угрожающего идеалам нашей демократии. Я могу вас уверить, что администрация проявляет к этой проблеме особый интерес, диктуемый соображениями нашей национальной безопасности.

В докладе, подготовленном Центральным разведывательным управлением, собраны серьезные доказательства причастности одной великой державы к террористическим актам в Европе. Настало время, когда западные демократии должны эффективно заняться этой проблемой.

Наша страна, которая уже два столетия служит защитницей демократии, выражает свое возмущение наглым попранием прав человека, которое осуществляется теми, кто поддерживает международный терроризм. Нужно ли объяснять этой аудитории, что я имею в виду Россию.

Международный терроризм вызывает у нас беспокойство. Будьте уверены, что в ближайшем будущем мы будем считать борьбу с ним нашей первоочередной задачей. Нам мешало отсутствие надежной информации. А ведь ее можно получить, если очень постараться.

А теперь, когда я все это сказал, наступила ваша очередь задавать вопросы. Я всегда стараюсь чаще встречаться с журналистами, пользующимися репутацией честных, объективных и осведомленных людей. Диалог с вами полезен для администрации. Итак, пожалуйста, вопросы...»

Пресс-конференция имела огромный резонанс. «Советский Союз поощряет терроризм». Этой теме были посвящены первополосные материалы газет, последние выпуски теленовостей, выступления обозревателей. Выдержки из заявления и ответов Уайта на пресс-конференции под огромными шалками напечатала почти вся западноевропейская пресса.

В этом шуме практически незамеченной прошла маленькая заметка о том, что группа научных экспертов, назначенных Белым домом, после тщательного изучения пришла к выводу: таинственная вспышка в Атлантике, зарегистрированная американским спутником, не была ядерным взрывом. «Это — естественное явление природы», — добавил представитель госдепартамента на ежедневном брифинге для журналистов. — Причиной необоснованных слухов насчет ядерного взрыва послужила элементарная неисправность аппаратуры».

На волне этой же шумихи президент обратился в конгресс с просьбой выделить дополнительные ассигнования на отпор международному терроризму, на усиление сил быстрого развертывания в соответствии с памятной запиской, подготовленной объединенным комитетом начальников штабов.

После пресс-конференции Уайт позвонил по телефону спецсвязи Малькольму:

— Мне все же удалось исправить ваши ошибки. Но не подумайте, что я выручал лично вас. В ваших действиях было слишком много авантюризма. Вся эта история с бомбой — сплошное безумие. В дальнейшем ничего подобного быть не должно. А в принципе идеи, которые вы разрабатываете, мне нравятся. Идеи, но не исполнение.

Малькольм был менее великодушен. Джеймсу Джексону пришлось расстаться со службой в ЦРУ. Впрочем, для него давно было припасено местечко в корпорации «Боинг».

Его преемник через неделю после вступления в должность вызвал к себе Уорнера.

— Я ознакомился с деятельностью вашей специальной группы в Токио и нашел ее весьма эффективной, — сказал он. — Руководство управления по планированию предлагает вам продолжить работу. После смерти Гонсалвиша ваш партнер профессор Симиццу приобретает особую ценность и как источник информации и как канал связи с «коричневым фронтом». Института больше не существует, ну и слава богу — это был неуправляемый механизм. Теперь организации «коричневого фронта» будут еще больше зависеть от нас. Пока что нам придется воздерживаться от активных контактов. Используйте это время для дальнейшего сближения с Симиццу и его людьми. Во-первых, нас интересуют их шансы в политическом мире Японии, во-вторых...

Политический детектив
Леонида Млечина
«Проект «Вальхалла»
выходит в издательстве
«Молодая гвардия».

АНОНС

...Срочный ночной вызов оперативной группы милиции. Белые «Жигули» сбили человека и скрылись. Пострадавший мертв. Обо всем этом сообщил рыбовод, спешивший на Финский залив к зоревой рыбалке. Но по приезде милиции тела погибшего на месте не оказывается.

...Вышел на свободу матерый грабитель по кличке Лева Бур. Он вот-вот должен объявиться в Ленинграде, и это омрачает настроение недавно вернувшегося из заключения Евгения Жогина: он был в колонии вместе с Буром, и теперь кто-то звонит ему от имени этого бандитского «короля», тянет к прошлым делам.

...Странная авария зарегистрирована ГАИ. Столкнулись три машины, но уж очень намеренно вели себя «Жигули», за рулем которых был известный в городе коллекционер значков Осокин.

Все эти, казалось, не связанные происшествия постепенно «замыкаются» на деле о ночном наезде у Финского залива, расследованием которого занимается группа под руководством полковника Корнилова. Расследование преступления и загадочного исчезновения жертвы — сюжет нового романа Сергея Высоцкого «Анонимный заказчик», который «Смена» начинает публиковать со следующего номера.

ЭТО БЫЛО, ЭТО ПРАВДА!

Борис ПЯДЫШЕВ

Война объявила себя в Каунасе без замедления, хотя в город сразу не вошла, не дав людям разобраться, что это был за грохот, который поднял их ни свет ни заря. В окна ничего не было видно, только занимающееся первым светом небо.

— Верно, опять танки на Зеленой горе, — сказала мать, когда мы сгрудились у окна, и, помолчав, добавила: — Не сегодня-завтра начнется.

Она ошиблась. Уже началось. Грохот стих, рассветное безмятежье, всколыхнутое им, как камнем вода в колодезь, скоро устоялось, снова сомкнувшись над городом. Успели заснуть, когда позвонил отец.

— Гитлеровские войска перешли границу. Это они разбомбили аэродром. Нужно быстро собраться и увезать. Сейчас к вам придет Алаксеев, поможет. Увидимся у поезда.

Алаксеев, служивший вместе с отцом в войсках, не велел нам брать ничего из вещей, увезать из дому предостало всего на несколько дней — поживем пока на даче под Вильнюсом.

— Маршал Тимошенко дал приказ отбросить врага от границы в 24 часа, — сказал он, не сомневаясь, что так оно и будет.

Отца у поезда мы не увидели. Ни в тот день, ни потом. Только через три месяца беспутница войны с ее самыми невероятными ситуациями сделала счастливым для нас излом, предоставив наконец возможность в течение нескольких часов повидаться с отцом.

В городе никакого секрета не было, что Германия нападет на Советский Союз. Этого ожидали со дня на день. Все чаще людей вступивали учебные тревоги, к ним, впрочем, быстро привыкли. В школьном дворе отрыли бомбоубежище, но только на один класс. Остальные школьники, когда завывала сирена, рассыпались среди могильных памятников соседствовавшего с русской школой кладбища.

Видно, по какому-то соглашению в город приехали на огромных грузовиках германские солдаты, то ли что-то забрать, то ли вернуть. Солдаты ходили по городу группами, крепкие, нахальные, дороги никому не уступали, шли клином, как когда-то на Чудском озере. Господа хозяева. Я смотрел на своего отца — он выглядел совсем не слабее. Было кому прикрыть границу.

Звуки войны сопровождали нас на всем пути от Каунаса, но лица ее мы еще по-настоящему не видели. Увидели в Вильнюсе. На этот город, только что ставший столицей Литовской ССР, с самого утра, не особенно разбираясь, где военные цели, а где просто жилья дома, с неба посыпались бомбы. Город был в войне.

Подбежал какой-то военный, видно, из вокзальной комендатуры. В руке он держал в деревянной кобуре парабеллум. Что-то громко кричал, тыкая кобурой в небо, а потом, взяв детей в охапку, затолкал снова в вагон. Места наши были, понятно, заняты, и на долгие дни поездки и столом и кроватью стали для нас чехолы и узлы в вагонном проходе.

Когда поезд тронулся и предтобездная круговерть немного спала, прослышали, а потом и увидели пассажира, какого, быть может, больше и не случалось.

Завещание сыну

27-VN-41

Это письмо сыну Сереже старшина Алексей дописать не успел: он погиб от взрыва фашистской бомбы. Собрать сведения о старшине и разыскать его семью мне не удалось. На солдатском треугольнике не было адреса. Прошло сорок с лишним лет, а меня и поныне мучает сознание неисполненного долга, чувство вины. Да, сыну не довелось в своем военном детстве получить это письмо любящего отца. Так пусть же теперь его прочтут внуки героев, может быть, и внук старшины.

Кузьма ДОРОФЕЕВ,
полковник в отставке.

лось в наших беженских поездах. Через два купе от нашего нижняя полка была, как ширмой, опоясана брезентом, за которым, если отогнуть, лежал немец.

Это был раненый летчик, сбитый под Вильнюсом. Его везли подальше в тыл, чтобы там определить, что с ним делать. Может быть, это был один из самых первых пленных «завоевателей» России, которых потом русские солдаты десятками и сотнями тысяч брали под Сталинградом, Курском, в Белоруссии. А сейчас это был один-единственный пленный немец среди женщин и детей, спасшихся от более удачливых его собратьев-убийц. Немец лежал на полке, а рядом, притулившись на краешке, сидел охранявший его солдат. Поначалу солдат никому не разрешал заглядывать за брезент, но потом смягчился. Рана у немца была, видно, невеста какая большая, стонать он не стонал, но вид у него был перепуганный, совсем не молодецкий.

Злости к нему не было. Не успела она еще накипеть. Проехали несколько часов, увидели горевшие поселки вдоль дороги, и солдат, достав из вещмешка еду, половину стал есть сам, а половину сунул за брезент. Солдату протянули кусок батона и колбасу. Снова половину он сунул за брезент. Ни у кого вокруг это не вызвало протеста. Вроде так и надо, немец, мол, он тоже человек.

Только пожилая женщина в углу, пряча лицо в шерстяной платок, негромко сказала:

— Он вас бомбами, жокет и убивает, а вы ему колбасу.

На следующий день на какой-то станции с земли крикнули в наш вагон:

— Пленный здесь?

Немца ссадили, а та самая пожилая женщина в платке спросила солдата:

— Брезент-то не позабыл взять?

Солдат уже почти с землей — в дверном проеме была видна только его голова да ствол трехлинейки со штыком — ответил:

— Да пусть останется вам, гражданка.

— Да мне-то зачем, только бы доехать до Минска, а там я дома.

— Ну все же, может, сподится. — С этими словами солдат исчез, не зная, каким горьким пророком он стал.

Дальше ехали медленно, с частыми остановками. Километровое за сто от Минска наш поезд, встав в хвост другим эшелонам, застрял, можно было судить, надолго. К нему в конец подстроился еще один товарняк. Среди пассажиров-беженцев пронеслось, что путь впереди разбомбили.

То, что скоро прилетели немецкие самолеты, не было для нас неожиданностью. Люди побежали прочь от вагонов в поле. Самолеты, сделав большую дугу, стали пикировать на эшелоны. Мы отбежали довольно далеко и сбились в ложбинку под деревьями. Упали на землю одновременно со взрывами бомб, словно ими поваленные, хотя эти бомбы рвались у передних эшелонов.

Грохот, огонь, а сверху всего страх вдавливали людей в землю. Но все же в какие-то мгновения помимо воли глаза смотрели в небо. Подлетела очередная группа самолетов. Видно было все: куда летят бомбы, куда они упадут. Одна партия пошла на нас. Первая бомба вонзилась в вагон позади нашего. Сначала она прошила его сверху вниз рвущим уши стоном, а потом — снизу вверх ослепляющим даже закрытые глаза пламенем. Вторая бомба упала совсем рядом, как раз посередине между поездом и ложбинкой, где мы прятались.

К вечеру люди потянулись из укрытий к поезду, к нему возвращались, как к родному дому. Несколько вагонов сгорели полностью, превратившись в золу. Но оказалось, что, пока пассажиры таились в ложбинках и оврагах, отважно действовали железнодорожники и невеста откуда взявшийся красноармеец, тушившие огонь, не давая ему перекинуться на нетронутые вагоны. Они же собирали убитых и раненых.

У нашего вагона на брошенном по

земле брезенте лежала пожилая женщина в платке. Ее родственники и попутчицы уговорили бойцов не хоронить ее в поле, как всех, а довести до дому, до которого оставалось всего ничего. Красноармейцы внесли убитую в вагон и положили на ту самую полку, на которой еще вчера лежал пленный немец. Полку снова отгородили брезентом; солдат угадал — вот он и сподился.

Так прошли первые дни из 1418 дней Великой Отечественной войны.

В Берлине рассчитывали, а в других столицах подхваливали за это, завершить blitzkrieg в несколько месяцев. Несколько месяцев и Советской стране понадобилось, чтобы собраться с силами и волей, чтобы налиться священной ненавистью к врагу. А когда гитлеровские войска были остановлены у Москвы, стало ясно, что верх останется за советским солдатом. Будет, доотступались. После первой крупной победы в войне — под Москвой в декабре 1941 года — появилось достоинство. От врага, даже превосходящего числом, не бежали, сами стремились улучшить его.

Еще с Наполеона говорили, что бескрайние просторы России заслоняют ее, что, мол, «морозы кладут не хуже пушек». Земли русские, верно, без конца и края, так ведь зачем ты на них пришел? Пока идешь до Москвы, умаяешься всмерть. Не переплахать их ни «тиграми» вчера, ни «поларисами» завтра. Россию прикроют ее просторы. Главное же — непобедима она своим народом.

Весной 1943 года мы вернулись из уральского Челябинска в столицу. Враг держался еще близко, под Вязмой и Ржевом. Но Москва была уже другой. Не разъятый болью и страхом город поздней осени 1941 года, а по-солдатски спокойная, крепкая столица побеждающей державы.

Войну кончали во весь рост. В мае 1945 года Советская Армия остановилась в Берлине такой силой, что, если бы пришлось продолжить, шагнула дальше неудержимо. Но дело, к счастью, было сделано. Победа завоевана, а иного интереса, кроме мира, у страны не было как тогда, так нет и сейчас.

Летом 1945 года мне посчастливилось попасть в первый послевоенный пионерский лагерь. Находились «Липки» в нескольких десятках километров от Москвы, по ту ее сторону, которая оказалась укрытой от боев, где деревни не опалены огнем, а поля не пересыпаны шрапнелью. Отремонтированы и покрашены корпуса, оставшиеся от бывшего здесь в довоенные времена пионерлагеря. Кормили завтраком, обедом, ужином, иногда выпадал даже полдник. С одежкой, правда, было неважно, штопанная-перештопанная. Выручали трусы и майки, а уж пробегаться голыми пятками по траве было каждому в радость.

В один прекрасный майский день объявили, что в лагерь в гости приедет Георгий Михайлович Димитров. Встречали его восторженно. Отряды выстроились на торжественную линейку, командиры сдали рапорты председателю совета дружины, председатель — Димитрову. Георгий Михайлович произнес речь.

Димитров говорил, что, разгромив фашистские полчища германских претендентов на мировое господство, Советский Союз спас человечество от варварского порабощения. Советская Армия своей победой над гитлеровской Германией доказала, что она является единственной вооруженной силой в мире, которая служит не захватническим, империалистическим целям, а делу защиты свободы и независимости советского народа, завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, делу защиты мира и дружбы между народами. И горе тому, кто попытается снова нарушить мир.

Эти слова актуально звучат и сейчас, когда вновь и вновь вспоминается встреча с Г. М. Димитровым. В них, в этих словах — пример того, как смотрят в будущее коммунисты.

Постарайся, вырасти настоящим мужчиной. Ведь настоящий человек должен быть всегда смелым, храбрым, решительным, защищать слабых, выручать товарищей если они попали в беду.

Самое ценное у человека это совесть. Она должна быть всегда чистой и светлой. Береги свою совесть, бери пример с ее, но не потеряешь и самого себя.

У фашистов нет совести. Поэтому они не люди, а звери.

Вторая ценность у человека это Родина, дом, где он родился, речка, лес. Лучше нашей Родины на свете нет. Береги свою Родину. Ведь человек без Родины подобно сухой траве «Перекати поле». Ветер перемонет ее с места на место.

Мы защищали свою Родину от фашистов, которые жгут села, города, леса, кибиты. Сейчас наша Родина стоиной над фашистскими оагоном. Когда-то давио в гитан и митенку Гогонь, Марас Бу.убо? Прогити и тв. се. Она попомнет тебе лучше помнят, что такое Родина и помнит се следую мабур как поступать с теми, кто предаст в свою Родину, таконбитид предателем.

Мы должны вырасти такими человеком, которого бы уважали люди. А за что люди уважают? За честность, за ~~мужество~~ мабаве к людям. Мабв своего маму, своих товарищей, ухитивши в баобизе всех мадей на земле. Мабва и тв.з. бубут мабур и уважать.

Почему фашистов ненавидят все добрые люди? Потому, что они кроме себя никого других не считают за людей. Вот и выходи у фашистов нет ни совести, ни Родины, ни мабв к людям.

Дорогие читатели!
Ждем ваших оригинальных рисунков. Жюри рассматривает все работы, присланные до 1 ноября 1983 года

Рисунок Владимира НЕНАШЕВА, Севастополь

Рисунок Анатолия КОТЕНЕВА, Москва

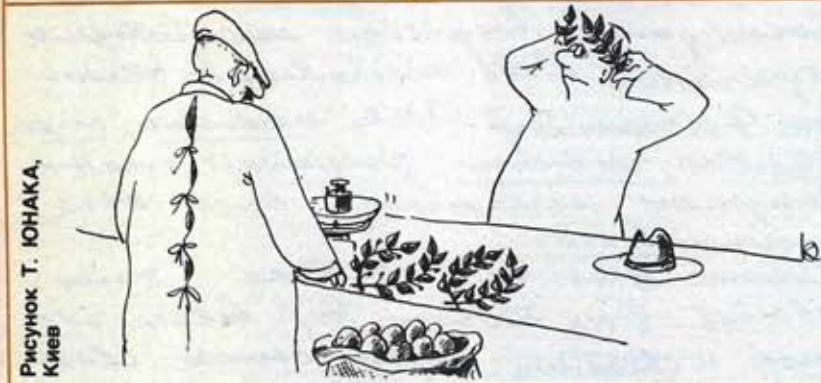

Рисунок Т. ЮНАКА, Киев

Рисунок Игоря ПЕТУНИНА, пос. Дубуны Ленинградской обл.

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Итоги второго задания — «Флора и фауна»

В шестом номере «Смена», продолжая конкурс кроссвордистов, напечатала вторую сетку, предложив читателям заполнить ее словами на тему «Флора и фауна» и оговорив условия, которые необходимо было при этом соблюдать. Что ж, надо сказать, со вторым домашним заданием участники конкурса справились куда успешнее, нежели с первым. На почетные призы претендовали многие читатели, и жюри не без трудностей смогло отобрать лучшие кроссворды из присланных в редакцию.

Среди конкурсных работ есть и такие, авторы которых, по-видимому, невнимательно ознакомились с условиями задания и, должно быть, совсем не читали статью «Гимнастика ума» в третьем

номере «Смены», где изложены основные требования к составлению кроссвордов. Некоторые участники конкурса включили в кроссворд слова, выходящие за пределы названной темы, другие составили их в основном из названий рыб и птиц.

Но больше всего нареканий вызывает толкование слов. Часто определения слов в конкурсных работах добросовестно переписаны из словарей и энциклопедий. Такие определения нередко практически ничего не говорят неспециалисту.

Вот читатель загадывает: растение семейства пасленовых. Если вы не природовед, то много ли вам говорит такое толкование? Согласитесь, очень мало.

Хотя загадано растение, известное всем, — табак. И толкование в кроссворде должно быть именно бытовым, общепонятным. В данном случае, например, таким: техническая культура. Тогда загадка не составит труда. Суметь творчески, в известной степени по-своему истолковать слова — самая трудная часть работы над кроссвордом.

Многие читатели высказали в письмах свое отношение к конкурсу кроссвордистов. Они как бы суммированы в письме одной из победительниц второго задания, Аллы Денисовой из Курска: «Я по специальности не географ и не биолог. Чтобы составить кроссворды, пришлось прочитать много литературы. Сделала немало вариантов по теме «Флора и фауна». Посылаю вам два.

Мне очень нравятся кроссворды, которые вы печатаете в журнале. Интересные, познавательные, в меру трудные. Что касается конкурсных заданий, то для их выполнения вы даете мало времени. Месяц для любителей — слиш-

ком короткий срок. Вот почему у меня не все слова, кажется, удачно подобраны. Просто не хватило времени порыться в литературе еще. А жаль, ведь литературы достаточно. Следует отметить, что темы конкурса, выбранные вами, очень удачны, емки. И сетки прекрасные. Я получила большое удовольствие, работая над кроссвордами. Спасибо вам».

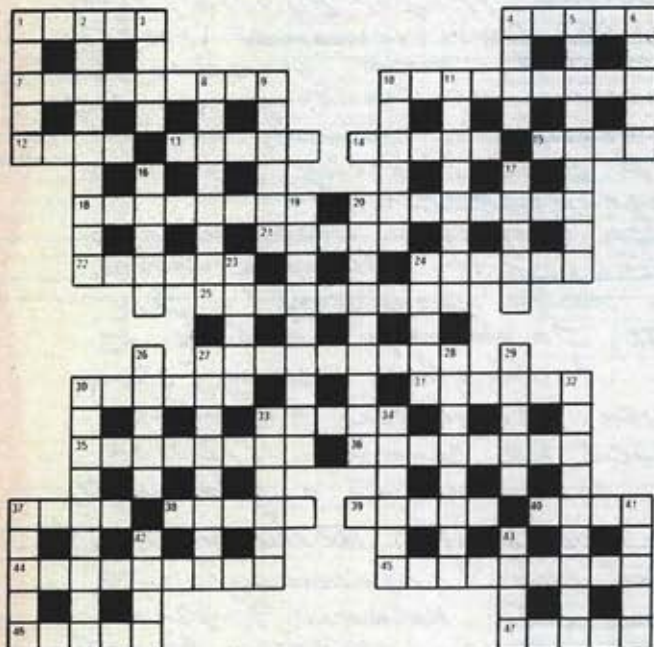
Благодарим всех участников конкурса за отзывы и пожелания.

А теперь называем победителей второго задания.

Лучшим жюри признало кроссворд, составленный В. и Р. Артиюшенко из города Орджоникидзе. Публикуем его.

Почетный диплом удостоены работы Л. Аверкиной из Талды-Кургана, А. и Н. Григорьевых из г. Фрунзе, А. Денисовой из Курска, Л. Дёрова из Ярославля и Р. Клименко из Свердловска.

Поздравляем победителей. Спасибо всем нашим читателям, участвовавшим во втором задании — «Флора и фауна» — конкурса кроссвордистов.

КРОССВОРД «ФЛОРА И ФАУНА»

Составили В. и Р. АРТИЮШЕНКО, г. Орджоникидзе

По горизонтали:

1. Болотная трава. 4. Дикая утка. 7. Зонтичное растение сосновых лесов. 10. Певчая птица. 12. Пряность. 13. Молодой стебель растения. 14. Спинальная струна у некоторых животных. 15. Общее название мелких кровососущих насекомых. 18. Мельчайшая частица вещества, основа строения органических соединений. 20. Наука о растениях. 21. Веревка для ловли животных. 22. Горный баран. 24. Домашнее животное. 25. Аппарат для искусственного выведения цыплят. 27. Тропический цветок. 30. Французский ученый, основоположник современной микробиологии. 31. Азиатский и африканский полукустарник с голубыми или лиловыми цветами. 33. Съедобные внутренности животных. 35. Культурное лекарственное растение. 36. Одно из древнейших деревьев на земле. 37. Помещение для домашних животных. 38. Водяной орех. 39. Советский ученый и селекционер, академик. 40. Территория с определенной растительностью. 44. «Восковая тыква». 45. Моносахарид, единственный источник углерода для некоторых бактерий. 46. Порода собак. 47. Сумчатый медведь.

По вертикали:

1. Стелющийся по грунту стебель водоросли. 2. Лишайник, растущий на скалах. 3. Удобрение, остаток от сгорания растений. 4. Экологический термин, обозначающий видовой пробел в сообществе животных или растений. 5. Мадагаскарская пряность. 6. Категория в систематике животных и растений. 8. Цветная капуста. 9. Ячейка на листе папоротника, ограниченная жилками. 10. Тропический кустарник. 11. Химическое вещество, участвующее в передаче нервных импульсов. 16. Вода в почве. 17. Крупная змея. 19. Австралийское хвойное дерево. 20. Египетский кустарник, из плодов которого делают масло. 23. Южный плод. 24. Морской пушной зверь. 26. Луговая трава. 27. Байкальская водоросль, элемент фитопланктона. 28. Стебель злаков. 29. Продукция растениеводства. 30. Овощ. 32. Папоротник с чешуйчатым стеблем. 33. Пушной зверь. 34. Ива. 37. Нос некоторых животных. 41. Пастушьяк журавль. 42. Сумчатый хищник, живущий в Перу. 43. Вид искусства, связанный с фауной.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

7. Терраса. 8. Эскадра. 11. Гимнастика. 13. Рекордсмен. 14. Венгр. 15. Режиссура. 16. Дома. 19. Стартер. 20. Сквер. 21. Рулетка. 24. Константинополь. 25. Коллективизация. 29. Увильды. 30. Курды. 31. Автомат. 34. «Шторм». 35. Партия. 36. Фильм. 39. Хормейстер. 40. Олеография. 41. Стрелок. 42. Цикорий.

По вертикали:

1. Черногорск. 2. Юрист. 3. Эсминец. 4. Осокорь. 5. Маори. 6. Аристотель. 9. Шидерты. 10. «Герника». 12. Авиаконструктор. 13. Растениеводство. 17. Рейнольдс. 18. Муромцево. 22. Отвес. 23. Лодзь. 25. Калориметр. 26. Яровизация. 27. Светлов. 28. Кальций. 32. Бастион. 33. Арлекин. 37. Эйзен. 38. «Игрок».

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.05.83. Подписано к печати 17. 06.83. А 06119. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1170000 экз. Изд. № 1613. Заказ № 779. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка
Оскара
ФЕЛЬЦМАНА

Стихи
Евгения
ДОЛМАТОВСКОГО

ДОН КИХОТЫ

Над Испанией — король на вертолете!
Современность — изо всех щелей и пор.
Что я нового скажу о Дон Кихоте,
Об идальго, введем с мельницами спор?
Об идеальном, введем с мельницами спор?
Не о нем романс хочу сегодня спеть я
(Устарели эти латы и копье),
Славлю рыцарей двадцатого столетия,
Представлявших поколение мое.

ПРИПЕВ:
Хоть пытайте, ставьте к стенке,
Невозможно изменить, наивных, нас.
Вот об этом наподобие фламенко
И написан и исполнен мой романс.

Из пятидесяти стран они приплыли,
Прилетели и приехали сюда,
Понимая, что сражаться надо или

Уничтожит мир фашистская орда.
Всех героев я перечислять не буду,
Но, поставив честь и совесть во главу,
Назову Хемингуэя и Неруду,
Мате Залку и Кармена назову.

ПРИПЕВ.

Назову еще танкистов и пилотов,
Недостаточно прославленных пока,
Всех отчаянных и добрых Дон Кихотов
(Санчо Панса в экипаже за стрелка!).
Ничего, что на испанцев непохожи,
Стали смуглыми, пройдя огонь и дым.
В Дон Кихоты я просился чуть попозже
И хотел бы навсегда остаться им.

ПРИПЕВ.

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

25-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

В предпоследнем туре нашей шахматной олимпиады предлагаем читателям «Смены» решить две задачи и два этюда. Просим участников заочного соревнования в своих ответах подчеркнуть ходы главных вариантов решения этих заданий.

Тринадцатый тур

Белые: Кра7, Фб4, Лс2, Лf4, Се1 (5).
Черные: Крз3, Фh6, Лd7, Сf1, Сg1, пп. b6, b7, f3, f5, f6 (10).
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

Белые начинают и выигрывают (2 балла).
Белые: Крс8, Фd6, Лb6, пп. b4, c4 (5).
Черные: Крс2, п. f3 (2).
Белые начинают и дают мат в 5 ходов (2 балла).

Белые начинают и выигрывают (2 балла).
Белые: Крд8, Лс4, Сf7 (3).
Черные: Крг7, пп. a3, b2 (3).
Белые начинают и выигрывают (2 балла).

Белые: Крf7, Фb7, Сb5 (3).
Черные: Крh8, Фd1, Сg5 (3).

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «25-я шахматная олимпиада. 13-й тур». Последний срок присылки ответов — 15 сентября (по почтовому штемпелю).

19-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

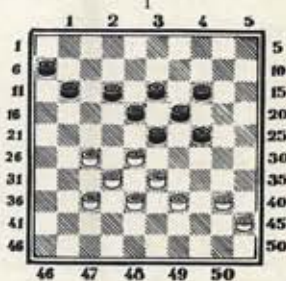
Роль комбинаций в шашках велика. Эффективные, с элементом неожиданности, они украшают игру. Количество комбинаций не поддается учету, но похожие комбинации объединяются в различ-

ные группы. Каждую группу роднит «заклочительное взятие» (финальный удар), а также способ (идея) выигрыша.

В предлагаемых заданиях вы познакомитесь с «королевским ударом», часто встречающимся в позициях, которые называются классическими (это взаимосвязанные позиции в центре, где белые занимают поля 27 и 28, а черные — 23 и 24). «Королевский удар» проводится с помощью соединения двух шашек (45, 40 — у белых, 6, 11 — у черных), которое называется «олимпиаком».

Выполнение заданий рекомендуем начинать с первой диаграммы. Не забывайте о «правиле большинства».

Тур седьмой

Это самый простой пример «королевского удара». Провести его можно как за белых, так и за черных. Чей ход, тот и выигрывает. Найдите выигрыш за белых и за черных при их первом ходе (5 баллов).

Белые начинают и выигрывают (7 баллов). Вы уже обратили вни-

мание, что у белых «олимпиаком» неполный — только шашка 45. Тем не менее она нанесет финальный удар.

Сегодня мы завершаем 1-ю шашечную олимпиаду «Смены». Итоги будут подведены в № 24 журнала. Читателям, набравшим 26 баллов, будет присвоен третий разряд, а тем, у кого 46 баллов, — второй. Пятерых участников, добившихся лучших результатов, жюри признает победителями, и редакция наградит их дипломами и премиями. Те, кто займет следующие двадцать мест, и наиболее активные пропагандисты шашек получат в награду книги о шашках, а команды-победительницы — грамоты Федерации шашек СССР, библиотечки шашечной литературы и дипломы «Смены».

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «1-я шашечная олимпиада. 7-й тур». Последний срок — 15 сентября (по почтовому штемпелю).

В №№ 15—22 будет проведен шашечный конкурс «Смены». Его условия мы опубликуем вместе с первым заданием в № 15.

В ПУТЬ ЗА ПРИЗВАНИЕМ

Творческая биография молодой художницы Наталии Кирилловой складывалась удачно — цепочка обретений будто по стройно составленной схеме пополнялась звено за звеном. В десять лет журнал «Творчество» публикует ее картину «Подсолнухи», в пятнадцать она удостоивается золотой медали на международной выставке детского рисунка в Италии за «Натюрморт с арбузом». Потом институт имени В. И. Сурикова, участие в групповых и первые персональные выставки, вступление в Союз художников СССР. Можно говорить о способностях, подкрепленных упорным трудом, — такова истинная формула успеха в искусстве. Можно говорить о самовоспитании, а не растрачивании впустую нарождающегося таланта: Наталия Кириллова — человек волевой, работающий, способный реально оценивать качество своих трудов. И все же, думается, главное — сумев дойти до цели на нелегком пути к жизненно-

НЕАПОЛИТАНСКИЙ ЗАЛИВ.

**ПОРТРЕТ
НАЧАЛЬНИКА ЭКСПЕДИЦИИ
НА «ВИТЯЗЕ» А. АКСЕНОВА.**

Прошло несколько лет. В Институте океанологии имени П. П. Ширшова Академии наук СССР состоялось открытие выставки Наталии Кирилловой «Океан сближает людей», посвященной океанографическим экспедициям. Искусствоведы высказали много доброго об этой выставке, но главное — теплые, дружеские, будто адресованные к коллеге слова ученых-океанологов. Да, в том важном для молодой творческой личности поиске своего места и места своего искусства в жизни художница достигла реальной цели. Этому этапному в ее становлении результату предшествовала долгая работа на базе Южного отделения Академии наук СССР в Геленджике: она на причалах, где швартуются научные суда; вместе с водолазами археологической экспедиции в Цемесской бухте; на испытаниях глубоководного аппарата «Пайсис-2»... Творческая разносторонность, пристальное внимание к жизни ученых, глубина раскрытия образов, человеческая контактность и развитое чувство ответственности за дело — все это убедило руководство института имени П. П. Ширшова в серьезности творческих поисков молодой художницы, и ее включили в состав кругосветной океанографической экспе-

диции. Шесть тысяч миль на борту ветерана научно-исследовательского флота «Витязя»: порты, синь моря, штормовые ветры — и работа. Работа ученых, след которой оставался теперь не только в активе экспедиции, но и в бесчисленных зарисовках Наталии Кирилловой. После поездки — отчет перед сотрудниками института. Потом — выставка.

...Только что закончил свою подводную вахту молодой аквалангист. Он отдыхает, а рядом — без преувеличения сказать — история. Оружие защитников Родины, которое он достал со дна моря. Он отдыхает — немного расслаблено тело, нет напряженности в выражении лица. Но одновременно он напряжен в том далеком и грозном времени, куда перенесла его находка. Он переживает его, он готов так же защищать свою землю. Это картина «Подводные археологи в Цемесской бухте», представленная здесь среди других работ художницы. Именно о ней захотелось сказать, ибо тут выражена самая суть творческого подхода Наталии Кирилловой к теме: нет «чистой» науки, нет «чисто» научных проблем — они многообразны и многосложны, как сама жизнь.

Андрей КОМАРОВ

му призванию, не успокоиться, найти силы пуститься в еще более нелегкий путь. За своей темой, своей краской жизни — за творческим призванием.

Архыз. Гора Пастухова. Высота две тысячи метров. Идет монтаж шестиметрового зеркала для большого телескопа обсерватории. И рядом с учеными, монтажниками — девушка с этюдником. Наброски, наброски... Но не только они — Наташа старается проникнуть в самую суть происходящего. Результат — большое полотно «Обсерватория в Архызе», которое с успехом выставилось на Всесоюзной молодежной выставке. Но не только материалы для будущей картины увезла тогда с собой художница. Тогда, наверное, впервые зародилось желание искать единственно верное живописное и психологическое решение в такой сложной и многоплановой теме, как наука. Искать и находить.

**СТАРИК И ГОЛУБИ.
БАРСЕЛОНА.**

**ПОДВОДНЫЕ АРХЕОЛОГИ
В ЦЕМЕССКОЙ БУХТЕ.**

